

Из “Новелл”

МАТТЕО
БАНДЕЛЛО

ГРАФИНЯ ДИ ЧЕЛЛАН
ЗАСТАВЛЯЕТ СВОЕГО ЛЮБОВНИКА
УБИТЬ ГРАФА ДИ МАЗИНО,
ЗА ЧТО ЕЕ И ОБЕЗГЛАВЛИВАЮТ

Вы, синьоры мои, вероятно, знаете, что синьора Бьянка Мария, о которой будет идти речь, — говорю *синьора* из уважения к тем двум мужьям, которых она имела, — была из простой семьи и незавидного происхождения. Отец ее Джакомо Скаппадроне был простолюдин из Казаль Монферрато. Этот Джакомо нажил состояние, отдавая деньги в рост под огромные проценты, и, занимаясь этим делом с ранних лет, со временем настолько преуспел, что скупил много земли и, не переставая ссужать деньги, а расходуя весьма мало, приобрел большие богатства. Женой его была гречанка, привезенная из Греции матерью маркиза Гульельмо, отца герцогини Мантуанской. Жена Джакомо отличалась необыкновенной красотой и приятностью в обращении, но с мужем у нее была большая разница в годах: он был почти стариком, а ей едва минуло двадцать лет. У них была единственная дочь — эта самая Бьянка Мария, о которой я повел речь.

Отец умер, и девочка, еще совсем маленькой, осталась на попечении своей матери гречанки и унаследовала имущество, много

превышавшее сотню тысяч дукатов. Девочка была хорошенькой и такой грациозной и живой, что подобную ей трудно было сыскать. Когда ей пошел шестнадцатый год, Эрмес Висконти, сын высокочтимого патриция синьора Баттиста, взял ее в жены и с необыкновенной пышностью и с превеликой торжественностью привез в Милан.

Синьор Франческо, старший брат синьора Эрмеса, выслал навстречу, в подарок ей, роскошную коляску, всю в резьбе и позолоте, с верхом из богатой парчи, затканной всевозможными замысловатыми узорами и окаймленной красивейшими фестонами. Четыре белых, как горноста́й, рысака, тоже баснословно дорогих, были впряжены в эту коляску. Синьора Бьянка Мария торжественно въехала в этой коляске в Милан, где и прожила с синьором Эрмесом около шести лет. Когда муж умер, она снова вернулась в Казаль Монферрато и, будучи свободной и богатой, стала вести беспечную жизнь, предаваясь любовным утехам то с одним, то с другим.

Многие на нее заглядывались и прочили себе в жены, но самыми ретивыми ее поклонниками были синьор Джисмондо Гонзага, сын синьора Джованни, и граф ди Челлан, савойский барон, у которого было имение в долине Аосты и много замков, приносящих ему большой доход. Маркиза Монферратская, желая угодить своему родственнику, властителю Мантуи, изо всех сил старалась выдать ее за синьора Джисмондо, и казалось, брак этот вот-вот состоится. Но граф ди Челлан с таким упорством за ней ухаживал и так сумел ее обворожить, что ему удалось тайком с ней обвенчаться и сделать ее своей женой.

Маркиза Монферратская, хотя брак этот был ей очень не по душе и она была не прочь сыграть какую-нибудь злую шутку с синьорой Бьянкой, все же скрыла свою досаду и из почтения к графу отказалась от всяких действий. Итак, о браке было объявлено, но свадьбу отпраздновали не без тяжелых предчувствий, что в будущем и оправдалось. Ибо правильно гласит наша поговорка: «Кто сходится по любви, тот расходится по ненависти».

И недолго они прожили вместе, как возникли между ними столь ужасные раздоры, что Бьянка по какой-то причине тайком сбежала от мужа и уехала в Павию, где завела открытый дом, и стала вести себя слишком свободно и весьма нескромно. Как раз в это время на службе у императора состояли Ардиццино Вальперга, граф ди Мазино и брат его, синьор Карло. Случай привел Ардиццино в Павию; увидев Бьянку, он в нее влюбился и целыми днями просиживал у нее в доме, всячески стараясь угодить ей, пускаясь на всевозможные ухищрения, лишь бы добиться своей цели. Хотя он немного прихрамывал, все же он был юношей довольно красивым и весьма обаятельным, так что вскоре ему удалось стать обладателем Бьянки. Более года они наслаждались счастьем, да так открыто, что не только в Павии, но и по всей округе люди об этом поговаривали.

Случилось однажды, что синьор Роберто Сансеверино, граф ди Гайяццо, юноша благородный, отважный и весьма привлекательный, прибыл в Павию. Синьора Бьянка Мария заприметила его и смекнула, что он будет лучшим и более пылким обожателем, нежели ее теперешний, видимо, уже сильно ей надоевший. Она решила сделать графа своим новым любовником. Поэтому она стала встречать синьора Ардиццино с недовольным видом, избегала свиданий с ним, и часто между ними вспыхивали ссоры. Молодая женщина, более резкая на язык, чем ей это пристало, забыв о его доброте к ней, всячески поносила его, называя не только хромоногим и уродом, но и осыпая разными другими обидными словами. Он же, будучи не в состоянии вынести эти оскорбления, много раз давал волю своему гневу, называя ее в лицо бесстыжей девкой, распутницей и потаскухой, так что там, где раньше была великая любовь, родилась великая ненависть.

Синьору Ардиццино пришлось уехать из Павии, и повсюду, когда заходила речь о Бьянке Марии, он говорил о ней столь ужасные вещи, какие говорятся только о публичной женщине. Ей часто передавали, как поносит ее прежний любовник, но она не смущалась этим, всецело отдавшись графу ди Гайяццо и веря,

что она настолько обольстила его, что может распоряжаться им, как ей вздумается. И вот однажды во время любовных восторгов, когда граф таял от страсти к ней, она стала умолять его, как об особой милости, убить синьора Ардиццино, который только и делает, что клеветает на нее. Граф, услышав столь странную просьбу, крайне удивился. Однако он тут же сказал, что готов исполнить не только это: чтобы услужить ей, он пойдет решительно на все. Тем не менее, зная хитрость этой женщины и считая синьора Ардиццино за человека благородного и своего друга, от которого он никогда ничего плохого не видел, он решил не причинять ему никакого зла. Ему казалось, что, напротив, синьор Ардиццино имеет больше оснований чувствовать себя оскорбленным им, ибо он, хотя и не зная того, лишил его обладания Бьянкой Марией. Словом, граф думал о том, чтобы только поразвлечься с упомянутой дамой.

Так продолжалось несколько месяцев. Однако Бьянка Мария, видя, что граф, несмотря на то, что Ардиццино был уже два три раза в Павии, не делает никаких попыток убить его или затеять ссору, а наоборот, любезен с ним и даже несколько раз обедал в его компании, твердо решила расстаться с графом. И вот по этой или иной причине она стала притворяться больной и избегать встреч с графом то под одним, то под другим предлогом, ссылаясь больше всего на то, что ее муж граф ди Челлан будто бы шлет к ней посланцев с просьбой помириться и она во что бы то ни стало хочет вернуться к нему. Она просила графа оставить ее в покое, чтобы соглядатаи мужа, приехавшие в Павию, не могли сказать о ней ничего дурного. Поверил ли граф ди Гайяццо этим рассказам или нет, во всяком случае он сделал вид, что поверил, и без лишних слов с ней расстался, покончив с этой любовной связью, а чтобы отрезать себе путь, уехал из Павии и поселился в Милане.

— Синьора Бьянка Мария после отъезда графа решила, что куда свободнее ей было с синьором Ардиццино, так безумно ее любившим, и мгновенно сменила ненависть к нему на любовь, или,

чтобы сказать точнее, переменяла предмет своих вожделений. Она надумала вернуться к своим прежним любовным забавам с названным синьором Ардиццино и, найдя способ поговорить с ним и оправдаться, дала ему понять, что она в его власти и навеки останется с ним, если он этого захочет, умоляя его отдать себя в ее распоряжение, а она будет всецело принадлежать ему.

Дело обернулось так, что синьор Ардиццино снова вернулся к прежним своим утехам и опять вступил в обладание прелестями Бьянки, не расставаясь с ней ни днем, ни ночью. Так жили они довольно долго, пока в душу Бьянки Марии не запала мысль убить графа ди Гайяццо. Если бы кто-нибудь захотел установить истинную причину этого желания, я сильно сомневаюсь, чтобы ему это удалось: ясно лишь, что она была женщиной сумасбродной и способной на самое страшное преступление, ибо, увлекаемая своими разнузданными непристойными желаниями, не подчинявшимся рассудку, она готовила себе и другим печальный конец, о чем вы сейчас услышите.

Предавшись всецело этой мысли, ибо ей казалось, что она не сможет жить спокойно, если граф ди Гайяццо не будет убит, и не находя другого способа, как только уговорить синьора Ардиццино стать его убийцей, Бьянка однажды, лежа с ним в постели и предаваясь любовным ласкам, сказала ему так:

— Вот уже несколько дней, как я собираюсь, синьор мой, попросить вас об одной милости, и думаю, что вы мне не откажете.

— Я к услугам вашим, — сказал любовник, — и сделаю все, что вы мне прикажете, лишь бы это было в моих силах.

Тогда Бьянка продолжала:

— Скажите мне, что, граф ди Гайяццо — ваш близкий друг?

— Разумеется, — отвечал Ардиццино, — он мой друг, и добрый друг. Я люблю его как брата, я знаю, что и он меня тоже любит и всегда готов сделать мне приятное, как и я ему. Но почему вы мне задаете этот вопрос?

— Сейчас я вам все объясню, — ответила дама и, поцеловав его нежно несколько раз, сказала: — Однако, жизнь моя, вы

сильно ошибаетесь, я твердо уверена, что у вас на свете нет более злого врага, чем он. Послушайте же, как я об этом дозналась, чтобы вы не подумали, что это лишь моя фантазия. Когда он встречался со мной, как-то разговор зашел о вас, и он клялся мне, что до тех пор не будет чувствовать себя счастливым, пока в один прекрасный день не пронзит вам грудь отравленным кинжалом, и добавил, что рассчитывает в скором времени преподнести вам такую штучку, что вам тошно станет. Еще много дурного говорил он мне о вас, но о причине своей злобы сказать не хотел, как я его об этом ни упрасивала. Я умоляла его отказаться от этой мысли, хотя в то время была с вами в ссоре. Но он мне сердито отвечал, что это решено, и просил меня переменить разговор. Берегитесь же его. Теперь вы предупреждены, будьте осторожны. Но если вы мне доверяете, я дам вам добрый совет, и вам не будут страшны ни его угрозы, ни он сам. Возьмите почин на себя, и сами сделайте то, что он собирается сделать с вами. Вы претлично можете его обойти, и все вас будут только хвалить за это и больше бояться. Поверьте мне, если вы не начнете первым, он глаз не сомкнет, пока в один прекрасный день не нападет на вас врасплох и не убьет. Послушайтесь же моего совета, прикажите как можно скорее разделаться с ним, и вы не только исполните свой долг и обязанность рыцаря, защищающего свою столь драгоценную жизнь, но и доставите мне одно из самых больших удовольствий, какое только возможно. Если вы не хотите сделать это ради себя, то сделайте во имя вашей любви ко мне. Подари вы мне целый город, это не было бы для меня более желанным подарком, чем смерть этого косноязычного. Если вы меня любите так, как я думаю, вы отправите на тот свет этого наглеца и выскочку, который не чтит ни бога, ни людей.

Пожалуй, Бьянка Мария смогла бы убедить Ардицино и он поверил бы ее наветам, если бы она сумела скрыть свое волнение при последних словах, из которых он заключил, что она действует не ради него, а под влиянием какой-то особой ненависти к графу, и утвердился в том мнении, что граф никогда с ней о

подобных вещах и не заговаривал. Впрочем, он сделал вид, что очень ценит сделанное предупреждение, и без конца благодарил ее, обещая последовать ее мудрому совету. Однако поступил он совершенно иначе, решившись ехать в Милан и лично переговорить с графом, что и сделал. Будучи в Милане и улучив удобный момент, он как-то затеял беседу с графом и со всеми подробностями передал ему свой разговор с Бьянкой. Граф осенил себя крестным знаменем и, полный удивления, воскликнул:

— О негодная тварь! Если бы я не считал, что благородному человеку зазорно пачкать руки в крови женщины, и особенно такой порочной, как эта, я вырвал бы ей язык сквозь затылок. Впрочем, прежде заставил бы сознаться, сколько раз она, сложив руки крестом, умоляла меня убить вас.

Итак, открыв друг другу помыслы этой женщины, они убедились в коварстве ее души. Они поносили ее, как самую негодную распутную тварь, и всюду рассказывали об ее злодейских замыслах, так что она вскоре стала притчей в устах всего города. Она же, проведав, что о ней говорили эти синьоры, хотя и делала вид, что это ее мало заботит, все же бесилась от злости и думала лишь о том, как бы получше им отомстить. Вскоре она поехала в Милан и поселилась в доме синьора Дариа Боэта.

В те дни в Милане проживал Пьетро ди Кардона, сицилиец, командовавший отрядом дона Артале, побочного сына графа ди Коллизано, убитого в сражении при Бикокке¹. Этот дон Пьетро был юноша лет двадцати, смуглый лицом, но хорошо сложенный и с виду всегда печальный, который, увидев как-то раз Бьянку, без ума в нее влюбился. Познакомившись с ним, она убедилась, что он еще желторотый птенец и, пожалуй, его можно сделать орудием того убийства, которого она так страстно желала; стараясь быть с ним поласковее, она всеми силами стремилась его обольстить и подчинить себе. Он же, никогда не знавший ни одной благо-

¹ В этом сражении войска императора Карла V нанесли поражение вторгшимся в Ломбардию французским войскам (1522).

родной дамы и считая ее одной из первых в Милане, изнывал от страсти к ней. В конце концов однажды ночью она привела его к себе и отдалась ему с безумным пылом, делая вид, что совершенно опьянена его любовью; она осыпала его такими ласками и с такой охотой предавалась любовным утехам с ним, что он стал считать себя самым счастливым человеком на свете и думал только о ней. Она так подчинила его своей воле, что немного времени спустя стала упрашивать его оказать ей особую милость и убить графа ди Гайяццо и синьора Ардиццино. Дон Пьетро, смотревший на все глазами своей любовницы, обещал ей это и, не мешкая, приступил к делу.

Так как граф ди Гайяццо в это время куда-то отбыл, а синьор Ардиццино находился в Милане, то Пьетро решил начать с него. От своих соглядатаев он узнал, что в один из вечеров синьор Ардиццино будет ужинать не дома. Была зима, когда принято ужинать поздно, и Пьетро, взяв человек двадцать пять своих солдат, вооруженных с головы до ног, решил устроить засаду, когда Ардиццино будет возвращаться домой. Вы знаете, разумеется, проход под аркой налево от улицы Маравильи в сторону Корсо Сан Джакомо. Зная, что синьор Ардиццино пройдет именно здесь, Пьетро со своими солдатами засел в соседнем домике и, имея сведения от своих соглядатаев, что Ардиццино возвращается с братом, синьором Карло, расположил своих людей так, чтобы можно было окружить их со всех сторон. Здесь и разгорелась схватка. Но что могли сделать двое юношей и десяток слуг, имея лишь шпаги, со столькими вооруженными до зубов людьми, да еще с длинными копьями?

Бой был недолгий, несчастные юноши и почти все их слуги были перебиты. Герцог Бурбонский, бежавший из Франции в Милан и бывший там наместником императора, приказал в ту же ночь взять под стражу Пьетро и отправить его в тюрьму. Тот сознался, что совершил это злодеяние по наущению Бьянки Марии. Она же, узнав об аресте Пьетро, хотя и имела время уехать, не знаю уж по какой причине осталась в городе. Герцог Бур-

бонский, когда ему донесли о признании Пьетро, приказал схватить Бьянку, которая, по глупости, взяла с собой мешок с пятнадцатью тысячами золотых скудо, рассчитывая с помощью разных уловок спастись от тюрьмы. Дону Пьетро удалось бежать, а несчастная женщина, своими устами подтвердившая признание любовника, была приговорена к смертной казни. Выслушав приговор и не зная, что дон Пьетро избежал правосудия, она никак не могла примириться со смертью. В конце концов, когда ее привели в рavelин тюрьмы, выходящий на площадь, и она увидела плаху, она стала горько рыдать, умоляя об единственной милости — позволить ей увидеть дон Пьетро, чтобы умереть спокойно. Мольбы ее были напрасны. Несчастной отрубили голову. Таков был конец всем ее необузданным желаниям. Кто захочет увидеть ее портрет, пусть пойдет в церковь Большого монастыря и там увидит ее изображение.

[Часть первая, новелла IV]

**ДЖУЛИЯ ИЗ ГАЦУОЛО,
БУДУЧИ ОБЕСЧЕЩЕНА,
БРОСАЕТСЯ В ОЛЬО И ПОГИБАЕТ**

Наш синьор Пирро, маркиз Гонзага и властитель Гацуоло, раскинувшегося на том берегу реки Ольо, что обращен к По и уже долгое время находится во владении рода Гонзага, изъявил желание, чтобы я¹ рассказал вам, великодушнейший синьор, и вам, любезные синьоры, о памятном событии, случившемся не так давно, — смерти некоей Джулии, уроженки здешних мест. Сам высокочтимый синьор, пожалуй, лучше меня сумел бы рассказать о печальном исходе этой истории, да и многие другие могли бы не хуже меня это сделать, изложив ее со всеми подробностями. Но так как мне приказано быть рассказчиком, я должен повиноваться. Я глубоко сожалею, что у меня не хватает слов, чтобы воздать должные похвалы мужественной и благородной душе Джулии, как этого заслуживает ее удивительный поступок.

Итак, вы должны знать, что когда мудрый и щедрый властитель, преподобнейший и достопочтенный монсиньор Лодовико

¹ Рассказ ведется от лица одного из духовных лиц, подчиненных кардинала Пирро Гонзага.

Гонзага, епископ Мантуанский, проживал здесь в Гацуоло, при его пышном дворе всегда было много благородных и талантливых людей, ибо он любил развлекаться искусствами и не скупился на траты. Жила здесь как раз в это время девушка лет семнадцати, по имени Джулия, дочь одного местного бедняка низкого происхождения, который только и делал, что работал не покладая рук, чтобы прокормить себя, жену и двух своих дочерей. Жена его, женщина хорошая, тоже трудилась ради заработка — пряла и занималась всякими другими женскими работами. Джулия была очень хороша собой и обладала благородными манерами, которые так не соответствовали ее низкому происхождению. Ей приходилось иногда с матерью, иногда с другими женщинами ходить на поле, копать там землю или исполнять другие работы, смотря по необходимости. Я помню, как однажды мы с высокочтимой синьорой Антонией Бауциа, матерью наших достойнейших синьоров, направлялись в Сан-Бартоломео и встретили по дороге означенную Джулию. Она несла на голове корзину, возвращаясь домой в полном одиночестве. Синьора, увидев столь прелестную девушку, которой было не более пятнадцати лет, приказала карете остановиться и спросила у девушки, чья она дочь. Та почтительно назвала имя отца, и на все вопросы синьоры с такой находчивостью отвечала, что, казалось, она родилась и выросла не в лачуге с соломенной крышей, а всю жизнь провела при дворе. Синьора сказала мне, что хотела бы взять девушку к себе и воспитывать ее со своими придворными дамами. Почему она потом от этого воздержалась, я, пожалуй, не смогу вам сказать.

Но вернемся к Джулии. Девушка целыми днями прилежно работала, не теряя попусту времени, то одна, то с подругами. В праздник же после обеда согласно здешнему обычаю она отправлялась с другими девушками на танцы и там развлекалась. Случилось однажды, когда ей было лет семнадцать, что один из камердинеров означенного монсиньора епископа, феррарец по происхождению, увидя ее танцующей, бросил на нее жадный взор, и она ему показалась самой прелестной и красивой девушкой из всех, что он когда-либо видывал, да к тому же, как уже говорилось, словно воспитанной в самых благородных домах.

Камердинер так сильно в нее влюбился, что ни о чем другом и помышлять не мог. Когда кончился танец, показавшийся ему необыкновенно долгим, и заиграли другой, он пригласил ее и протанцевал с ней танец на манер гальярды¹; она плясала в такт музыке и очень грациозно, так что смотреть на нее было одно удовольствие. Камердинер протанцевал с ней и следующий танец, и будь ему не так совестно, он приглашал бы ее каждый раз, ибо, когда он держал ее за руку, то испытывал величайшее на свете наслаждение. Хотя она работала целыми днями, все же руки у нее были белые, с длинными пальцами и очень нежные. Несчастный влюбленный, столь внезапно воспламенившийся ею и ее прекрасными манерами, думал, что, любуясь ею, он несколько поуменьшит пожиривший его любовный пламень, не замечая, что с каждым взглядом лишь подбрасывает хворост в огонь, который разгорается все сильнее. Во время второго и третьего танца юноша наговорил Джулии много всякой всячины, как это обычно делают влюбленные.

Она с достоинством ему отвечала и все просила, чтобы он не говорил ей о любви, так как бедной девушке не пристало слушать подобные признания. Ничего другого не мог добиться от нее незадачливый феррарец. Когда танцы кончились, он пошел за ней следом, чтобы разузнать, где она живет.

Несколько раз феррарцу представлялся случай и в Гацуоло и вне его поговорить с Джулией и признаться ей в своей пылкой любви, причем он старался всеми силами вызвать у нее сочувствие к себе и смягчить ее холодное сердце. Впрочем, что бы он ей ни говорил, она оставалась твердой в своем целомудренном решении и всякий раз умоляла оставить ее в покое и не надоедать ей. Но сердце злосчастного влюбленного точил любовный червь, и чем суровее и недоступнее она была, тем сильнее он пылал, все настойчивее преследуя ее и всячески стараясь склонить к своим желаниям. Однако все было напрасно. Тогда он заставил одну старуху, с виду казавшуюся святой Читой, поговорить с девушкой. Та выполнила возложенное на нее поручение

¹ Стремительный и страстный ломбардский танец.

самым старательным образом, пытаясь заманчивыми обещаниями сломить упрямство целомудренной Джулии. Однако девушка была такого честного нрава, что ни одно слово, сказанное злодейкой-старухой, не могло проникнуть ей в душу. Феррарец же, узнав об этом, почувствовал себя самым несчастным человеком на свете, не представляя себе, как он может отказаться от девушки, и все еще надеясь мольбами, услугами, любовью и настойчивостью сломить гордую, недоступную Джулию, ибо ему казалось невозможным еще долгое время не обладать ею. Но, как говорится в пословице, он считал без хозяина.

Видя, что с каждым днем Джулия становится все неподатливее и, встречаясь с ним, бежит от него, как от василиска, он решил, раз слова и рабская преданность не помогают, пустить в ход всякие подарки, прибегая напоследок грубую силу. Снова он обратился к отвратительной старухе и дал ей несколько недорогих безделок, чтобы она от его имени снесла их Джулии. Узнав, что девушка совершенно одна дома, старуха отправилась к ней и, собираясь начать разговор про феррарца, показала ей подарки, которые тот прислал. Но честная девушка вышвырнула все эти безделки вон на улицу, а сводницу-старуху выгнала из дому, пригрозив ей, если она скажет еще хоть слово, пойти в Рокко и все рассказать синьоре Антонии. Старуха, собрав выброшенные на улицу вещицы, вернулась к феррарцу, сказав ему, что девушку уговорить никак не удастся и что она ума не приложит, как поступить в подобном случае. Юноша до того огорчился, что сказать трудно. Быть может, он и охотно отказался бы от своей затеи, но, когда он начинал думать о разлуке с девушкой, несчастному казалось, что он умирает. В конце концов бедный и ослепленный страстью влюбленный, страдая от того, что не встречает ответа, решил во что бы то ни стало добиться своего и, если представится удобный случай, силой взять то, чего девушка добровольно не хотела ему дать.

При дворе у монсиньора епископа был конюх, большой друг феррарца, и, если я не ошибаюсь, тоже уроженец Феррары. Ему-то камердинер и поведал о своей пылкой любви и как он старался вызвать в сердце девушки хоть немного жалости к себе, но

что она, мол, тверда и непреклонна, как морской утес, и ни словами, ни подарками нельзя ее склонить.

— Теперь я вижу, — сказал он, — что не смогу жить, если не добьюсь своего. Я знаю, что ты меня любишь, и потому, прошу тебя, не покидай меня и помоги исполнить мое желание. Девушка часто одна ходит в поле; хлеба уже высокие, и мы сможем легко осуществить наше намерение.

Конюх, много не раздумывая, сказал, что он всегда готов ему помочь.

Так вот, камердинер, следя все время за тем, что делает Джулия, узнал однажды, что она совсем одна вышла из Гацуоло. Поэтому он позвал конюха и пошел с ним туда, где девушка занималась уж не знаю какой полевой работой. Придя на место, он, как обычно, начал умолять ее, чтобы она наконец пожалела его. Джулия, видя себя беззащитной, стала просить юношу не досаждать ей и, боясь, как бы не случилось чего плохого, быстро пошла по направлению к Гацуоло. Юноша, не желая, чтобы жертва ускользнула из его рук, сделал вид, будто они с приятелем хотят проводить ее, и по пути не переставал униженно и ласково просить ее облегчить его мучения. Она же, не останавливаясь и не отвечая, торопливо шла по направлению к дому. Так добрались они до большого засеянного поля, которое им предстояло пересечь.

Был предпоследний день мая и почти полдень, солнце жгло, как бывает в эту пору, а поле отстояло довольно далеко от жилья. Когда они очутились в поле, юноша обвил руками шею Джулии, желая ее поцеловать; она же бросилась бежать и принялась громко звать на помощь. Но конюх схватил ее и бросил наземь, засунув ей в рот платок, чтобы она не могла кричать. Подняв ее на руки, они отнесли ее подальше от тропки, что пересекала поле; здесь обезумевший юноша обесчестил девушку, которая не могла сопротивляться, так как конюх держал ее за руки. Бедняжка горько плакала, выражая стонами и рыданьями свои невообразимые страдания. Жестокий камердинер не оставлял ее в покое, несмотря на все мольбы, стараясь насладиться ею столько, сколько ему хотелось. Потом он вынул у нее изо рта платок, пытаясь ласковыми словами успокоить ее, обещая никогда не бросать и

даже помочь выйти замуж, чтобы все было как надо. Она ничего не отвечала, только умоляла освободить ее и отпустить домой и не переставала горько плакать. Снова юноша пытался нежными словами, щедрыми обещаниями и деньгами успокоить ее. Однако все было впустую, и чем больше он старался ее утешить, тем безудержнее она рыдала.

И видя, что он не перестает уговаривать ее, девушка сказала:

— Юноша, ты сделал со мной все, что хотел, и насытил свою бесстыдную страсть. Умоляю тебя, сделай милость, отпусти меня. Хватит с тебя того, что ты сделал, да и этого слишком много.

Любовник, боясь, как бы громкий плач Джулии не привлек кого-нибудь, и видя, что он старается понапрасну, решил оставить ее в покое и удалиться со своим пособником; так он и сделал.

Джулия долго оплакивала свое бесчестие, потом оправила свои растерзанные одежды, вытерла получше слезы и пошла по направлению к Гацуоло, к себе домой. Ни отца, ни матери не было дома; была только сестренка лет десяти-одиннадцати, которая занемогла и не выходила на улицу. Придя домой, Джулия открыла свой сундучок, где лежали ее вещи. Потом сняла с себя все, что на ней было, вынула чистую рубашку и надела ее. Затем нарядилась в платье из тончайшего полотна, белого, как снег, надела кисейный воротник, тоже белый, передник из кисеи, который носила только по праздникам, белые чулки и туфли из красного шелка; уложила как можно лучше волосы, а на шею надела нитку янтаря. Словом, она нарядилась в самые лучшие вещи, какие у нее были, словно собиралась на самый торжественный праздник в Гацуоло. Потом позвала сестру и отдала ей все, что у нее осталось, взяла ее за руку, заперла входную дверь и зашла к соседке, уже пожилой женщине, которую тяжкая болезнь приковала к постели. Вот этой доброй женщине Джулия, рыдая, поведала о случившемся с ней несчастье и так сказала ей:

— Богу не угодно, чтобы я жила на этом свете, да и зачем мне оставаться в живых, раз я потеряла честь. Нет, никто не будет показывать на меня пальцем или говорить прямо в лицо: «Вот девушка, которая сделалась потаскухой и обесчестила всю семью. Будь она поумней, она постаралась бы скрыть это». Я не

хочу, чтобы кого-нибудь из моих могли упрекнуть, что я добровольно отдалась камердинеру! Мой конец покажет всему миру и будет вернейшим доказательством, что если тело мое обещено, то душа навсегда останется незапятнанной. Я сказала вам эти немногие слова, чтобы вы могли рассказать все, как было, моим несчастным родителям, уверив их, что я не соглашалась удовлетворить ненасытную страсть камердинера. Да будет мир с вами!

С этими словами она вышла из дому и направилась прямо к Ольо, а ее маленькая сестренка поплелась за ней, плача, сама не понимая о чем. Подойдя к реке, Джулия бросилась вниз головой в самом глубоком месте Ольо. На крики сестры, долетевшие до самого неба, сбежалось много людей, но было уже поздно. Джулия, бросившись в реку, чтобы утопиться, сразу же пошла ко дну, как угодно было судьбе.

Синьор епископ и синьора мать, услышав об этом печальном событии, приказали выловить труп. Камердинер же, позвав с собой конюха, скрылся. Когда тело нашли и стала известна причина, из-за которой девушка утопилась, поднялся всеобщий плач не только среди женщин, но даже среди мужчин, почтивших ее память слезами.

Достопочтенный и преподобный синьор епископ, не имея права хоронить ее по-церковному, велел положить временно тело на площади в усыпальнице, что цела еще и поныне, имея намерение похоронить ее в бронзовой гробнице с высоким мраморным пьедесталом, которую вы и сейчас можете видеть на площади.

Поистине мне сдается, что эта наша Джулия заслуживает не меньшей славы, чем Лукреция¹, и, быть может, если хорошенько поразмыслить, ее следует предпочесть римлянке. Можно только обвинить природу, не захотевшую дать Джулии, имевшей столь высокую и доблестную душу, более знатное происхождение. Однако сколь благородным считается тот, кто является другом добродетели и честь свою ставит превыше всех сокровищ мира!

[Часть первая, новелла VIII]

¹ Лукреция — знатная римлянка, обещенная сыном римского царя Тарквиния Гордого (VI в. до н. э.) и лишившая себя жизни.

**РЕВНИВЕЦ С ПОМОЩЬЮ МОНАХА
ПОДСЛУШИВАЕТ ИСПОВЕДЬ СВОЕЙ ЖЕНЫ
И ПОТОМ ЕЕ УБИВАЕТ**

Милан, как вы все знаете и каждый может в этом убедиться, является одним из тех городов, которому мало равных в Италии. Здесь собрано все, что только может сделать город славным, многолюдным и богатым, ибо то, в чем поскупилась природа, возместил человеческий труд. В Милане можно найти не только то, что необходимо для жизни, но и все, что душе угодно. Ненасытная природа человека ко всем тонкостям и диковинкам Востока присоединила еще те чудесные и бесценные вещи, неизвестные другим векам, которые наша эпоха добыла такими неутомимыми трудами и ценой величайших опасностей. Вот почему наши миланцы славятся пристрастием к обильной и изысканной пище и пышностью своих пиров. Жить, по их мнению, это значит развлекаться и угощаться в компании.

А разве можно умолчать о миланках и их роскошных одеждах, украшенных золотом, бахромой, кружевом, вышивками и редчайшими драгоценностями? Когда знатная миланка появляется в дверях, то кажется, что видишь воочию праздник Вознесения в

Венеции¹. А в каком городе вы можете увидеть столько великолепных карет с искуснейшей позолотой и богатой резьбой, запряженных четверкой резвых рысаков, сколько вы видите каждый день в Милане, где движется нескончаемый ряд экипажей, запряженных парами, и немалое количество — четверками лошадей, в пополах из шелка, богато отделанных золотом и столь разнообразного вида, что, когда дамы проезжают по улицам, кажется, словно движется триумфальное шествие, как это было в обычае у римлян, когда они победоносно возвращались в Рим после усмирения провинций или покорения целых царств.

Я вспоминаю слова, сказанные в прошлом году в Боргонуово нашей светлейшей синьорой Изабеллой д'Эсте, маркизой Мантуанской, направлявшейся в Монферрато, чтобы выразить сочувствие супруге маркиза Гуильельмо по поводу его смерти. Наши дамы нанесли ей почтительный визит, как это всегда бывает, когда маркиза приезжает в Милан. И вот, видя такое множество столь пышно разукрашенных карет, она сказала дамам, пришедшим ее приветствовать, что сомневается, чтобы во всей Италии набралось столько прекрасных карет, как здесь. Вот к такой роскоши, к такой изысканности, к удовольствиям такого рода привыкли наши миланки, и это сделало их избалованными, общительными, веселыми и, разумеется, склонными любить и быть любимыми, без конца предаваясь утехам любви.

Что касается меня, то, по правде говоря, мне кажется, они одарены всеми благами, кроме одного: природа лишила их говора, соответствующего их красоте, манерам и учтивости, ибо поистине произношение, свойственное миланскому наречию, коробит слух иностранцев. Впрочем, наши дамы стараются упорным трудом восполнить свой природный недостаток, ибо мало найдется таких, которые не старались бы чтением хороших книг на родном язы-

¹ В Венеции времен дождей с особой пышностью справлялся праздник Вознесения, во время которого городская знать облачалась в роскошные одежды из парчи и бархата.

ке¹ и беседой с искусными ораторами обогатиться знаниями и, шлифуя свою речь, добиться правильного и приятного произношения, что сделает их еще более привлекательными в глазах тех, кто общается с ними.

Но вернемся к истории, которую я собираюсь рассказать. Случай этот произошел в Милане в прошлом году великим постом. Проживал тогда в Милане некий благородный человек, приехавший из города, неподалеку расположенного, для ведения какой-то тяжбы по поводу границ своего имения. Он нанял удобный дом и жил в нем со своими почтенными домочадцами. Будучи молод и богат, он встречался вначале раз или два в неделю, смотря по обстоятельствам, со стряпчими и адвокатами, а потом переложил все заботы на своего секретаря, очень опытного в такого рода делах, а сам все свое время проводил в развлечениях, только и делая, что следуя за каретой то одной, то другой дамы.

Однажды у графа Антонио Кривелло, как это было у него заведено, представляли комедию. Он устроил пышный пир и пригласил много знатных дам и мужчин; среди них был и наш юноша, ведущий тяжбу, которого мы отныне будем называть Латтанцио, ибо я не хочу открывать его подлинного имени, так же как имени дамы, о которой мне придется говорить; будем называть ее Катериной.

Случилось, что Латтанцио оказался за ужином рядом с Катериной, которую он никогда раньше не видел, а если бы и видел, то в другое время она не пленила бы его воображения. Обычно между соседями за столом на таких пирах возникает интимная близость, что и произошло между Латтанцио и его дамой. Он принялся беседовать с ней на разные темы и оказывать ей всяческие услуги, разрезая кушанья и делая все, что принято у благовоспитанных людей. Катерина была миловидной, приятной и очень живой говоруньей и, не будучи неотразимой красавицей, все же без риска могла соперничать с самыми прекрасными дамами. Когда они так болтали друг с другом, Латтанцио пристально

¹ Имеется в виду общелитературный итальянский язык, в основе которого лежит тосканское наречие.

разглядывал ее, и ему очень понравились манеры и приветливость Катерины; сам того не замечая, он стал глазами пить любовный яд, так что раньше, чем встали из-за стола, он убедился, что стрелы Амура пронзили его сердце. Итак, когда ужин кончился и начались танцы, Латтанцио пригласил свою даму, которая любезно приняла его приглашение. Взяв ее за руки и замедляя танец, он начал с ней разговор о любовных делах. Видя, что даму совершенно не оскорбляют подобные разговоры, Латтанцио двинул пешку несколько вперед и с жаром признался Катерине, как она ему нравится, расхваливая ее манеры, обращение, изящество и красоту. Потом сказал, что пылает к ней страстью, и всячески стал умолять, чтобы она считала его своим верным рабом и пожалела бы его. Дама ответила ему весьма разумно, что ей очень лестно быть любимой таким дворянином, который ей кажется скромным, вежливым и приветливым, и что она боится лишь одного: как бы не была задета ее честь. В подобных разговорах они закончили танец и сели рядышком, продолжая беседовать о любви. И пока длился праздник, затянувшийся далеко за полночь, Латтанцио, не переставая, говорил ей о своей любви, выслушивая одни и те же ответы, смысл которых был таков: он-де должен принять во внимание любовь, которую она обязана питать к своему мужу, и их обоюдную честь, которая ей дороже самой жизни, а она, видя его учтивость и обходительность, может любить его только как брата.

Латтанцио, заметив, что дама отнюдь не является противницей разговоров о любви, и считая, что он уже добился известной с ней близости, на сей раз этим удовольствовался и в компании других мужчин и дам проводил ее до дому. Влюбившись в нее не на шутку и узнав, где она живет, он попытался разузнать, куда она ходит к мессе, и обнаружил, что она бывает в церкви Сан-Франческо. Поэтому он стал частенько посещать эту церковь в компании дворян, бывавших там, заглядываясь на свою Катерину, которая бросала на него нежные взоры и старалась показать, что охотно с ним встречается.

Наступило беспутное время карнавала, и однажды Латтанцио в маске проезжал на своем бравом скакуне мимо дома своей

дамы. Катерина стояла у дверей, и Латтанцио, знаками показав, кто он, остановился и завел с ней продолжительный разговор о своей любви. Она была с ним приветливее, чем обычно, болтала и шутила совсем свободно, решив уже про себя, что возьмет Латтанцио себе в любовники, но сначала хотела узнать, что он за человек и каков его характер. Латтанцио показалось, что дама стала к нему благосклоннее, и после бесконечных просьб пожалеть его и распорядиться им, как ей будет угодно, ибо он готов на любую услугу, он распростился с ней и удалился.

Катерина после его ухода отправилась в свою комнату, и, думая о любви мессера Латтанцио и о горячих его мольбах, загорелась к нему ответным чувством. У мужа Катерины был скверный характер, и, хотя он разрешал ей бывать там, где она хотела, и нарядно одеваться, все же очень часто бранил ее. К тому же он был влюблен в красивую девушку, повстречавшуюся ему на улице Сан Рафаэле по пути в собор. Девушка держала лавочку, где торговала чепчиками, кружевами, разными оборками, кружевными воротничками и всякими другими женскими украшениями. Обо всем этом дама узнала от одной своей соседки. Она была чрезвычайно оскорблена и решила отплатить мужу той же монетой. Так вот, поскольку ей казалось, что Латтанцио как раз подходит для этой цели, она с каждым днем становилась к нему все приветливее, отчего влюбленный чувствовал себя наверху блаженства.

Соседка, сообщившая Катерине об измене мужа, жила неподалеку от ее дома, и, кроме маленького сына двух лет и служанки, у нее никого не было. Латтанцио все продолжал свои ухаживания и несколько раз заговаривал с Катериной о свидании. В один прекрасный день, когда муж Катерины где-то обедал на стороне, она позвала свою соседку и пригласила ее пообедать с ней, как она это не раз делала. Когда они встали из-за стола, на улице начали появляться маски, и Катерина с соседкой, подойдя к окошку, принялись весело болтать. Вскоре они заметили большое скопление масок и ехавшего на муле Латтанцио, который вел разговор с одной из них. Латтанцио был без маски, и, увидя свою даму в окне, держа берет в руке, почтительно с ней раскланялся. Когда он проехал, Катерина тут же сказала:

— Соседка, знаком ли вам вон тот юноша, что проехал мимо, разговаривая с маской?

— Нет, не знаком, — отвечала соседка. — А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Я вам объясню, — заметила Катерина. — Я убеждена, что вы мне поверите и не проболтаетесь, когда узнаете, что дело касается меня. Вы помните, что я часто жаловалась вам на странную жизнь, которую ведет мой муж. Вот уже около семи лет, как я вошла к нему в дом, и с первого же года, о чем я даже и не догадывалась, он стал заводить себе на стороне любовниц, на которых уходит большая часть его доходов. Теперь все время он проводит на улице Сан Рафаэле с Изабеллой, ее вы знаете; он в это рождество удосужился подарить ей тридцать шесть локтей черного венецианского атласа. Часто между нами возникают ссоры, и ничто меня не радует, так как я испытываю постоянное огорчение, видя, какую ужасную жизнь он ведет. Несчастливая я! Ведь мне представлялась возможность стать женой графа Лангуски из Павии, и надо же было моим братьям выдать меня за этого низкого человека! Хорошего в нем лишь то, что он разрешает мне рядиться, бывать там, где мне хочется, вести хозяйство и тратить, сколько мне вздумается. Однако дома он докучает более, чем сама докуча. Ни одним кушаньем ему не угодишь, а сам он в кухне никогда ничем не распорядится. Он всегда приглашает и угощает то одного, то другого, и чем больше бывает народу, тем больше поднимается крику и шуму, и всегда виновата я, так что он, как говорится, дьявол для домочадцев и ангел для чужих. Но больше всего меня злит и раздражает, что этот противный человек дай бог, чтобы три раза в месяц ко мне подступился, словно я какая-то ледышка, или хромоножка, или старуха шестидесятилетняя. А мне всего двадцать три года, и я свеженькая и ласковая, и хотя не самая красивая в Милане, но могу соперничать с другими, и, пожелай я только, у меня не было бы недостатка в поклонниках. Сколько самых лучших кавалеров нашего города заглядывались на меня и присылали мне письма и своих посланцев, но я всех отталкивала, следуя совету блаженной памяти моей матушки, всегда учившей меня, чтобы я все свои помыслы и всю

любовь отдавала лишь мужу, как эта добрая душа поступала всегда с моим отцом. Разумеется, так поступала бы и я, если бы надеялась, что мой муж откажется от своего недостойного образа жизни. Но с каждым днем он становится все хуже и хуже, так что я решила сама позаботиться о своих делах, и да простит мне бог, но больше так жить я не могу. Если бы я захотела жить без мужчины, я бы пошла в монастырь, как моя старшая сестра, которая приняла монашество в обители Радегонды. Так вот, дорогая соседка, я вам коротко обо всем рассказала в надежде на вашу помощь и совет, потому что я твердо уверена, что вы сделаете для меня все, что, по вашему мнению, послужит мне на радость и на пользу.

Соседка предложила свои услуги весьма охотно. На что Катерина сказала:

— Вы не так давно видели, как мимо проезжал молодой человек верхом на муле, вы еще сказали, что его не знаете, мне же он кажется очень скромным и симпатичным. Он несколько раз во время нынешнего карнавала заговаривал со мной, умоляя о любви, но я отвечала ему не очень-то ласковыми словами. Правда, уже несколько дней я с ним любезнее, чем обычно. Теперь я решила, что он именно тот, кто заменит мне мужа — днем ли, ночью ли, лишь бы только представился удобный случай и все осталось бы втайне. Но так как мне кажется, что мы с вами вдвоем не сумеем довести этого дела до желанного конца, я подумала, что, пожалуй, стоит открыться моей старухе, которая спит со мной в комнате, когда муж не ночует дома. На своих молоденьких служанок я положиться не могу. Что вы скажете, моя дорогая соседка?

Тогда добрая женщина так ответила Катерине:

— Действительно, мадонна, я всегда жалела вас, видя, что вы такая красивая, молодая и хорошо воспитанная, а муж у вас ведет такую плохую жизнь. Сказанное вами я навсегда схороню. А ваше решение не губить своей молодости вполне одобряю. Теперь мое мнение таково: дозвольте мне поговорить со старухой, и попробовать тронуть сердце, и посмотреть, склонна ли она вам помочь. Предоставьте все мне, и я надеюсь, что приведу ваше дело к хорошему концу.

Итак, они пришли к решению, что соседка поговорит со старухой; в случае ее согласия они, не мешкая, устроят так, чтобы Латтанцио вступил в обладание столь желанными благами; план женщинами был уже обдуман, ибо в те ночи, когда мужа нет дома, любовник мог отлично тешиться с дамой.

К одной из частей дома Катерины вела заброшенная тропинка; она подходила к самой двери в большую комнату подвального этажа, где валялись старые чаны для вина. Про эту дверь, которая уже много лет не открывалась, давно позабыли и слуги и сами хозяева, так как никому не было нужды в старых чанах. И, сколько помнят домочадцы, никто не ходил по этой тропинке, в конце которой к тому же стояла огромная посудина, совершенно скрывавшая дверь, ведущую в подвал. Но Амур, у которого глаз больше, чем у самого Аргуса, когда Катерина решила привести в дом Латтанцио, одолжил ей один глаз, которым она и увидела эту дверь, и, поразмыслив хорошенько, пришла к заключению, что более надежного пути для исполнения ее страстного желания не может быть. Соседка между тем переговорила со старухой и убедилась, что та готова сделать все, что ее госпоже угодно. Итак, порешив между собой, что им делать, Катерина принялась за поиски ключей, и ей попалась старая связка. Старуха, пробуя то один, то другой ключ, сумела подобрать тот, который мог открыть названную дверь. Когда с этим было покончено, Катерина в один из последних дней карнавала стояла как-то ввечеру у дверей своего дома, и тут верхом, в маске проехал мимо Латтанцио. Приблизившись к ней, он пожелал ей доброго вечера. Дама радушно встретила его, а он принялся за свои обычные любовные излияния и просил позволения переговорить с ней в каком-нибудь укромном уголке. Катерина же, заставив его несколько раз повторить свою просьбу, не будучи в состоянии быть к нему жестокой, ибо не менее чем он жаждала тайком с ним свидеться, так ему отвечала:

— Я хочу, о мой Латтанцио, верить тому, что ты сказал мне сейчас и столько раз говорил прежде о своей любви, и поэтому вручаю тебе мою жизнь и мою честь. Будь же достойным хранителем их и так управляй собой и мной, чтобы не последовало

от этого ни беды, ни стыда. Видишь ли ты там тропинку у самой стены дома? Она приведет тебя ко мне всякий раз, когда муж будет в отсутствии. А чтобы напрасно не гонять посланцев туда и обратно, моя соседка, живущая — смотри — вон в том доме, — и она указала на входную дверь, — и преданная мне всей душой, будет тебе обо всем сообщать. Сегодня муж мой не будет ни ужинать, ни ночевать дома, если я только не ошибаюсь. Соседка поужинает со мной между двумя и тремя часами ночи, а в четыре я постараюсь, чтобы все мои домочадцы улеглись спать. В это время соседка будет у себя дома. Она будет тебя поджидать к четырем часам, и от нее ты узнаешь, вернется муж или нет. Во всем следуй ее словам. Прошу тебя только об одном: поменьше полагайся в этом деле на своих слуг, ибо, если какой-нибудь из них уйдет от тебя, что случается нередко, он потом станет повсюду о нас разглашать.

Латтанцио, услышав эти неожиданные речи и видя, как сверкают глаза Катерины, которая так и пылала любовью, почел себя самым счастливым и довольным человеком на свете и, полный восторга и радости, не чувствовал под собою ног, не зная, что ему и сказать. Однако, собравшись с мыслями, он рассыпался перед дамой во всевозможных любезностях и обещал, что отправится один к соседке, скрывая от всех слуг свою любовь. Так с сердцем, пребывающим в море блаженства, он вернулся домой. В этот вечер он ел и пил мало, так как был совершенно опьянен неожиданной радостью и думал о том, как бы ему не ударить лицом в грязь. Когда пробило четыре часа, он отправился в полном одиночестве прямо к соседке, которая поджидала его у открытой двери. От нее он узнал, что муж дома не ужинал и ночевать не будет, и что у Катерины был брат с каким-то дворянином, который ей неизвестен, и что она видела, как все ушли. Поговорив еще о разных вещах, Латтанцио расстался с ней и пошел по тропинке. По знаку, которому его научила соседка, старуха, стоявшая на своем посту, тихонько открыла дверь, через которую он с трудом протиснулся, так как большущая посуда мешала двери распахнуться пошире. Потом старуха тихонько провела его в комнату мадонны. Какова была встреча, ласки и

объятия новоявленных любовников, как они забавлялись и утешались в кровати, было бы слишком долго рассказывать, только на завтра Катерина клялась своей соседке, что в эту ночь она получила столько удовольствия, сколько не получала за всю свою супружескую жизнь.

Прежде чем занялся день, Латтанцио, довольный и усталый, ушел, поцеловав свою возлюбленную более тысячи раз. При выходе он дал десять золотых дукатов доброй старухе, прося ее верно служить своей госпоже, а он уж в долгу у нее не останется. Старуха, никогда не державшая в руках столько денег, очень благодарила его и была весьма довольна. Латтанцио, вернувшись домой, лег спать, так как всю ночь предавался любовным утехам.

Так дело шло своим чередом, и почти весь год Латтанцио забавлялся с дамой, и оба тешились наилучшим в свете образом. За это время соседка получила от Латтанцио много дукатов, не считая того, что он обещал ей, когда подрастет ее сын, взять его к себе в пажы. Так наслаждались взаимно любовники, как я уже говорил, приблизительно около года, ибо, начав свои утехы во время карнавала, они продолжали их до наступления карнавала следующего года. Муж Катерины, не скажу по какой причине, стал задумываться, нет ли у нее какого-нибудь любовника, который вместо него исполняет все его обязанности, так как сам он редко с ней утешался. И вот, воспылав ревностью, он, против обыкновения, стал больше бывать дома, особенно по ночам. Любовникам это было совсем не по душе.

Наступил великий пост, и муж решил, если ему удастся, подслушать исповедь своей жены. Вбив себе это в голову, он отправился в церковь св. Анджело повидаться с тем священником, у которого обычно исповедовалась Катерина, и принялся так его обхаживать, так надоедал ему, что тот, будучи и сам не прочь половить рыбку в мутной воде, дал себя обморочить и пообещал устроить его рядом с собой в исповедальне, чтобы он смог подслушать исповедь жены. Сговорившись окончательно и дав монаху много дукатов, которые тот принял в плащ, не желая дотрагиваться до них руками, ревнивец стал с нетерпением дожидаться дня, когда жена пойдет к исповеди.

У дамы было обыкновение за день оповещать своего духовного отца о своем приходе. Узнав об этом, ревнивец загодя условился со священником, какие вопросы тот должен задавать его жене на исповеди. Настал назначенный день. После обеда дама села в карету и отправилась в церковь св. Анджело, куда муж ушел уже заранее. Когда Катерина прибыла на место, она велела позвать своего духовника и вошла в одну из смежных комнатушек, предназначенных для исповедующихся. Улучив минуту, когда их никто не видел, злодей-священник, а за ним и безумный ревнивец, искавший то, чего ему не след было искать, проскользнули с другой стороны в исповедальню. Началась исповедь, и речь зашла о грехе сладострастия. Катерина призналась, что грешна, имея любовника.

— Увы, дочь моя, — сказал гнусный монах, — ведь еще в прошлом году я сделал тебе строгое внушение, и ты мне обещала, что больше грешить не будешь. Так вот каковы твои обещания?

— Отец мой, — сказала Катерина, — я не могла поступить иначе. Всему виной непристойная жизнь моего мужа. Вы ведь знаете, как он со мной обращается, в прошлый раз я все вам рассказала. Я, как все женщины, создана из мяса и костей, и, видя, что муж мой на меня не обращает внимания, я устроилась, как могла. По крайней мере все мои дела совершаются втайне, между тем как имя моего мужа не сходит с языка людей, и о его поведении судачат повсюду — не только в значных местах, но и в каждой цирюльне. А меня никто не осуждает, напротив, все меня жалеют и говорят, что он не заслуживает иметь такую жену, как я. Я терпела почти шесть лет, надеясь, что он исправится и бросит других женщин, но дело идет все хуже и хуже. Мои поступки печалят меня, я знаю, что оскорбляю господа бога, но что я могу поделать!

— Дочь моя, — сказал тогда монах, — не подобает тебе поступать так; твои оправдания ничего не стоят. Нельзя поступать худо, если другой так поступает. Терпеливо сноси все невзгоды и жди, когда бог тронет сердце твоего мужа. Быть может, твой муж и не повинен в том, о чем ты говоришь. Однако, скажи, кто же твой возлюбленный?

— Отец мой, — отвечала Катерина, — это молодой дворянин, который любит меня больше жизни.

— Повторяю, — сказал монах, — назови его.

Катерина, услышав это и зная, что на исповеди не полагается называть имя того, с кем грессишь, чтобы его не осрамить, с удивлением сказала:

— О отец мой, зачем вы меня спрашиваете? Я же не могу вам этого сказать. Ведь я покаялась вам в своих грехах, а не в грехах своего друга. Хватит с вас и этого.

Долго говорил монах, но Катерина не хотела дать обещания бросить своего возлюбленного, а монах не хотел дать ей отпущения. Поэтому она удалилась из исповедадьни и направилась в церковь, чтобы помолиться, а затем пошла садиться в карету. Безумец-муж с душой злодея, полный коварных помыслов, бросился из исповедадьни и из ворот монастыря прямо к карете жены. Катерина, увидя его, остановилась. Подойдя к ней, он выхватил кинжал, который висел у него сбоку, и, закричав: «А, негодница, распутная девка!» — вонзил ей кинжал прямо в грудь. Она тут же упала наземь мертвая. Поднялся страшный шум, и люди сбежались со всех сторон.

Муж исчез неизвестно куда, скрывался некоторое время у венецианцев, ища примирения со своими свояками, но вскоре по их наущению был изрублен в куски на охоте. Вот к чему привела низкая страсть мужа, пытающегося недозволенным путем узнать то, что ему не подобало знать, и гнусность коварного монаха, который, как утверждает тот, кому это известно, был отправлен на тот свет, от чего да избавит всех нас господь бог!

[Часть первая, новелла IX]

**НЕКИЙ СЕНАТОР ЗАСТАЕТ СВОЮ ЖЕНУ
В ОБЪЯТИЯХ ЛЮБОВНИКА, ЗАСТАВЛЯЕТ ЕГО БЕЖАТЬ
И ТЕМ СПАСАЕТ ЧЕСТЬ СВОЮ И ЖЕНЫ**

Не так давно, синьоры мои, в бытность мою в Париже¹, жил там советник или сенатор парламента, первый среди столь многочисленных сенаторов Франции. Хотя он был уже в летах, но имел красивую молодую жену, тоже француженку, которую сильно любил. Она, будучи свежей и страстной и видя, что муж ее слаб и не может исполнять свои супружеские обязанности, ибо почти каждое утро он поднимается с постели в такой час, когда она не прочь порезвиться и загнать дьявола в ад, сильно огорчалась, видя, как ее молодость проходит без всяких радостей. Поэтому, желая как можно лучше и безопасней устроить свои дела, она решила, что проще всего было бы найти молодого человека, который бы ей понравился; а так как монсиньор муж ее спозаранку уходит в парламент и возвращается только поздно вечером, то у нее будет время, чтобы привести в исполнение все свои желания. Придя к этому решению, она подолгу выстаивала у окон и дверей, разглядывая проходящих мимо и стараясь выбрать себе такого мужчину, который наиболее подходил бы к ее намерению. Каждый

¹ Новеллу рассказывает некий миланец, юрист Франческо Мидолла.

день она видела множество прохожих, но почти никто ей не приглянулся.

Случилось однажды, что мимо проходил мужчина лет этак двадцати шести — двадцати восьми. Он почтительно раскланялся с ней, сняв берет, и пошел дальше по своим делам. С первого же взгляда он ей очень понравился. Прохожий этот был ломбардец, которому приходилось несколько раз в день, как того требовали его дела, проходить по этой улице. Заметив это, дама три или четыре дня наблюдала за ним, и с каждым разом он нравился ей все больше, так что она стала посылать ему улыбки и делать вид, что ей чрезвычайно дорого то внимание, которое он ей оказывает. Юноша, не будучи дураком, смекнул, что было бы неплохо завязать с дамой знакомство. Подумав так и проходя однажды, по своему обыкновению, мимо ее дома, он услышал, как дама ему сказала:

— Монсиньор, куда вы так торопитесь? — и при этом вся зарделась.

Ломбардец приостановился и, владея хорошо французским языком, любезно ей ответил:

— Мадонна, я иду по некоторым своим делам к самому мосту Богородицы, но, если я могу чем-либо услужить вам, благоволите приказать, я готов всегда повиноваться вам. С некоторых пор я жажду быть вашим рабом!

И видя, что у дамы заблестели глаза, он принялся изливать ей свои чувства, говоря, что вот уже несколько месяцев как он горячо влюблен в нее, но, будучи чужеземцем, не осмеливается признаться ей в своей пылкой любви. Словом, дама, горя еще большим желанием, чем он, условилась с ним, чтобы на следующий день, рано поутру, он был на улице, и когда муж отправится в парламент, вошел бы в дом, прямо к ней в комнату, и показала в какую.

Ломбардец в точности все выполнил и, очутившись с ней в постели, занялся тем, что не удавалось мужу, проехав за три часа пять почтовых станций, не меняя лошадей. Словом, они были в восторге друг от друга, ибо каждый нашел то, что искал, и так меж собой они сдружились, что не было дня, чтобы ломбардец в полдень не приходил заняться любовными утехами со своей дамой. Так длилось несколько месяцев.

Но однажды, будучи вдвоем, они резвились без удержу, так что один из домочадцев, услышав возню и не понимая, в чем дело, решил поглядеть и заметил, как молодой человек вышел из комнаты дамы. Слуга, не переставая следить за своей госпожой, узнал, что каждое утро, когда муж уходит из дому, появляется любовник. Тогда он рассказал об этом служившему у монсиньора писцу и в одно прекрасное утро, когда ломбардец был в комнате с дамой, пошел и все открыл своему хозяину, поставив писца на страже. Когда монсиньор вернулся домой, он приказал обоим слугам запереть входную дверь и вооружиться алебардами, чтобы убить ломбардца, если тот будет пытаться бежать. Потом надел на себя тогу, взял шпагу, подошел к двери, постучал и позвал жену, которая от страха вся помертвела. Тем не менее она открыла дверь, которую муж тут же запер. Ломбардец был без оружия и едва успел натянуть на себя штаны и куртку, как монсиньор ему сказал:

— Кто ты, я не знаю, но, если тебе дорога жизнь, возьми свою одежду и, не мешкая, прыгай из окна.

Ломбардца словно маслом по сердцу помазали, он схватил свой плащ и прыгнул в соседний двор, и так ему повезло, что никто его не видел. Мессер-доктор¹ закрыл окно, позвал соглядатаев и приказал жене снова лечь в постель. Когда те вошли в комнату, он обратился к ним со словами:

— Где же тот, о котором вы сказали, что он забавляется с моей женой? Вы негодяи и дураки, если взводите напраслину на порядочную женщину. Вы, наверное, были пьяны, негодяи вы такие! Ступайте, на этот раз я вам прощаю, но в будущем берегитесь и протрите себе хорошенько глаза!

Оба удалились, не зная, что и сказать, словно их околдовали. А муж, сделав жене строгое внушение, чтобы больше не повторялись подобные проступки, вернулся в сенат. Но дама никак не могла забыть своего возлюбленного и нашла иной способ тайно с ним видеться.

[Часть первая, новелла XI]

¹ То есть доктор права.

**АНТОНИО ПЕРИЛЛО ПОСЛЕ МНОГИХ ИСПЫТАНИЙ
ЖЕНИТСЯ НА СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ,
И В ПЕРВУЮ ЖЕ НОЧЬ ИХ УБИВАЕТ МОЛНИЯ**

Не так давно жил в Неаполе некий Антонио Перилло, юноша из весьма достойной семьи. Оставшись после смерти отца богатым человеком, он неизвестно отчего пристрастился к игре и вскоре снискал себе прозвище мошенника. И хотя главной его склонностью была игра, тем не менее он влюбился в Кармазину, дочь очень богатого купца Пьетро Миньо, и так ее добивался, что красивая девушка вскоре обратила внимание на его любовь. Видя, что Антонио хорош собой и всегда одет в богатую и опрятную одежду, она, в простоте душевной, дала разгореться в своем сердце любовному пламени, так что Антонио в скором времени заметил, что любовь его не остается без ответа. Однако он настолько увлекся игрой, что никак не мог от нее отказаться. И не прошло много времени, как неблагоразумный юноша растратил почти все свое наследство. Впрочем, он не оставлял мысли при первой возможности жениться на Кармазине. Но отец, ее, зная про дурной образ жизни Антонио, дал ему понять, что такому завзятому игроку, да к тому же спустившему большую часть своего состояния, он никогда не отдаст дочери. Антонио, видя, что получил отказ из-за страсти к игре и из-за бедности, совсем пал духом. Дойдя до крайнего обнищания, он все еще не вполне

сознавал, что это игра довела его до столь бедственного положения. Но полученный им отказ открыл ему глаза и показал, что он получил по заслугам. Поэтому, безмерно сокрушаясь и проклиная свою злосчастную судьбу, как человек, дошедший до отчаяния, он не смел показаться людям на глаза.

В конце концов, поразмыслив хорошенько, он совершенно бросил игру и с помощью некоторых родственников собрал довольно большую сумму денег, решив из игрока превратиться в купца, поехать в Александрию Египетскую и там усердно заняться торговлей, чтобы вернуться домой богатым человеком.

Итак, покинув Неаполь, он пустился в путь. Но корабль, на который он сел, не успел проплыть и пятидесяти миль в открытом море, как внезапно поднялся ветер, да такой буйный и с такой силой обрушившийся на судно, что моряки уже считали себя погибшими. Все же, как люди мужественные, перед лицом такой опасности они пустили в ход всю свою сноровку и силу, но в этой борьбе с разбушевавшимся морем были в конце концов побеждены стихией и принуждены были пустить судно по воле ветра. Три дня они пробыли в таком положении. А когда корабль находился поблизости от берегов Берберии, море к вечеру стало стихать. И вот они уже радовались и думали, что их миновала столь грозная судьба, но внезапно, в наступившем ночном мраке, напали на них несколько галер одного мавританского пирата. От перенесенных волнений все они были чуть живы, поэтому без всякого сопротивления их взяли в плен и отвезли в Тунис.

Скоро в Неаполь пришла весть о том, что корабль погиб, а люди взяты в плен. Кармазина, и без того безмерно огорченная отъездом своего возлюбленного, узнав теперь, что он попал в руки мавров, долго оплакивала его горькую судьбу и не раз готова была умереть от горя. Отец Кармазины Пьетро Миньо обычно каждый год совершал путешествие в Берберию и перед возвращением оттуда выкупал десять-двенадцать пленников-христиан, а потом уже получал с них деньги, если у них было чем расплатиться, а если это были бедняки, отпускал их так, Христа ради, без всякого выкупа. Антонио Перилло был уже в рабстве больше года, когда Миньо приказал своим людям в Тунисе, чтобы они, по обычаю, выкупили десять пленников. Это и было сдела-

но; среди выкупленных оказался Антонио, но он так оброс бородой, что Миньо его не признал, да и сам он не хотел быть признанным.

Всех привезли в Неаполь, и Кармазина тотчас же узнала своего возлюбленного и знаком сообщила ему об этом; он этому очень обрадовался. С помощью одной из служанок Кармазине удалось свидеться с Антонио, и после долгих разговоров она сказала ему так:

— Раз мой отец не захотел, чтобы ты стал его зятем из-за твоей бедности, я достану тебе денег, чтобы ты мог вернуться к торговле и сделаться опять богатым и жить в почете, пока мы не поженимся. А я-то уж никогда себе другого мужа не возьму.

Антонио поблагодарил девушку и обещал ей все исполнить. Она, улучив время, похитила у матери драгоценности, а у отца добрую толику денег, и все это передала своему возлюбленному. Тот, уплатив стоимость своего выкупа, сел вторично на корабль, держа путь в Александрию. На этот раз судьба ему благоприятствовала. Антонио с великим рвением взялся за торговлю, стараясь как можно больше получить барышей, и скоро до Неаполя дошел слух, что он стал другим человеком и прекрасно ведет свои дела. И вот в короткое время он сумел так наладить торговлю, что стал куда богаче, чем был раньше, и мог выкупить все свои проданные имения, посылая для этого деньги домой одному своему дядюшке, ведавшему всеми его делами. Вернувшись в Неаполь, он вскоре добился славы человека достойного и богатого, и для его Кармазины это было великой радостью.

Теперь Антонио решил, что больше, пожалуй, он получить отказа не может, и снова просил у Миньо руки дочери. Миньо, зная, что Антонио из любви к Кармазине стал другим человеком, дал согласие, желая с ним породниться. Итак, Антонио сделался женихом своей Кармазины, которую вполне заслужил, и велел приготовить к свадьбе все, что нужно. Свадьбу сыграли богатую, и оба влюбленные чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете. Антонио поведал своей красавице жене про свою печаль, когда ему отказали по бедности его, про свое решение переменить жизнь, про тяжелое рабство, которое он претерпел в Берберии. И она, полная жалости к нему, тихо плача, обнимала и

целовала его. Потом супруги получили благословение от священника, и Антонио повел любимую жену к себе в дом, где для родных и друзей он устроил пышный пир. И оба ждали со страстным нетерпением прихода ночи, надеясь немного умерить пламя своей пылкой любви.

Но злой рок, сожалея, что после стольких опасностей и испытаний эти двое влюбленных наконец обрели утешение, омрачил их радостную и праздничную ночь горчайшими рыданиями.

Было начало месяца июня, и новобрачные после ужина, часов около двух ночи, лежали в постели; надо думать, что лежали они, нежно обнявшись, любовно вкусив друг от друга столь желанное наслаждение. Не прошло и часа, как поднялся порывистый и бурный ветер, принесший с собой гром и молнию и сильнейший проливной дождь. Не переставая, гремел гром и сверкала молния, и двое любовников, пораженные огненными ее стрелами, как были, нагие, сжимая друг друга в объятиях, приняли смерть. В доме поднялся великий плач, который длился всю ночь. На следующее утро, когда стало известно об этом ужасном случае, великая скорбь охватила весь Неаполь, и двух несчастных супругов положили в одну гробницу, на которой вместе со многими другими эпитафиями на латинском и родном языках были начертаны такие стихи:

О вы, кому дано в счастливой доле
Вкушать любви беспечной наслажденья,
Скажите, есть ли равные мученья
Тем, что терплю я, жертва злобной воли?¹
Тоска, труды меня не побороли:
С любимой я искал соединенья.
Порой терял надежду, и забвенья
Не знал в скитаньях от сердечной боли.
Вот, наконец, настал желанный срок,
Но в тот же вечер ствол — и плод румяный —
Подсек под самый корень злобный рок:
Сразил Юпитер молнией нежданной
Меня с женой. О, мой удел жесток!
И нет предела муке несказанной!¹

[Часть первая, новелла XIV]

¹ Перевод Э. Егермана.

ГАЛЕАЦЦО ПОХИЩАЕТ В ПАДУЕ ДЕВУШКУ, А ЗАТЕМ ИЗ РЕВНОСТИ УБИВАЕТ ЕЕ И СЕБЯ

Жил во времена мудрейшего, хотя и несчастного властителя синьора Лодовико Сфорца¹ в одном из городов герцогства некий купец, богатый всяким добром и пользовавшийся в торговом мире большим влиянием. Он взял себе в жены благородную девушку, воспитанную и великодушную, от которой у него был единственный сын. Сыну еще не было и десяти лет, как скончался отец, оставив его на попечении матери наследником всего имущества. Мать, не желая, чтобы сын изменил старинному благородству своих предков, не захотела, чтобы он занимался торговлей, и с большим старанием воспитывала его по-дворянски, учила грамоте и всяким господским затеям. Сама же всячески старалась как можно больше извлекать барышей из тех торговых дел, которые муж ее вел с Италией, Фландрией, Испанией и даже с Сирией, собираясь купить поместья сыну, имя которого было Галеаццо. Сын вырос и стал очень приятным и благородным юношей; кроме чтения, он развлекался музыкой, верховой ездой, фехтованием, борьбой и другими искусствами. Мать этому очень радова-

¹Миланский герцог, чаще именуемый Лодовико Моро (1451—1508).

лась и щедро снабжала сына конями, деньгами и одеждой, не отказывая ему ни в чем, чего бы только он ни пожелал. В короткое время ей удалось уплатить все долги мужа и даже собрать долги со всех его должников-купцов. Ей оставалось рассчитаться с одним знатным венецианцем, который имел торговые дела в Сирии и должен был вскоре вернуться в Венецию. В это время Галеаццо шел семнадцатый год. По этой причине он, жаждавший, как все юноши, увидеть новые края и в особенности прославленный и всеми чтимый город Венецию, упросил свою мать послать его туда. Мать не только одобрила решение своего сына, но всячески поощряла его поехать в Венецию и покончить все расчеты с венецианским дворянином. В подмогу сыну она дала своего доверенного, человека опытного, и просила их зайти к одному венецианскому купцу, который был большим другом всей семьи.

Галеаццо пустился в путь, взяв с собою много одежды и слуг. Прибыв в Венецию, он поспешил приветствовать друга своего отца. Тот принял его очень ласково. Затем они всем обществом отправились к венецианскому дворянину, которому Галеаццо представился и сказал о причине своего прихода. Выслушав его, венецианец сказал:

— Сынок мой дорогой, добро пожаловать! Это правда, подведя все расчеты, я вижу, что остался должен ту сумму, которую ты называешь и какую высчитал ваш доверенный. Если я не сообщил тебе об этом хотя бы письмом, то только потому, что всего три дня, как прибыл сюда с галерами из Сирии. Теперь я готов с тобой расквитаться, однако тебе придется подождать дней восемь-десять, пока я съезжу в Падую, где сейчас находится моя жена и вся семья.

Галеаццо ответил, что он охотно подождет, а пока что будет осматривать Венецию. Так он и сделал. Однако через некоторое время решили всей компанией отправиться в Падую, и Галеаццо пришлось переночевать у венецианца. Он взял с собою только одного пажа, а всех остальных слуг послал в гостиницу. Венеци-

анец, раньше часто бывавший в Ломбардии и останавливавшийся в доме отца Галеаццо, где его принимали очень хорошо, с большим радушием отнесся к юноше. У этого венецианца была дочь лет пятнадцати. Видя ее каждый день, Галеаццо, не знавший раньше, что такое любовь, пылко в нее влюбился. Девушке юноша понравился, и она, догадавшись о его любви, тоже не избежала стрел Амура и безмерно в него влюбилась; дело пошло так, что два-три раза им удалось переговорить наедине, и они приняли решение, о котором вы сейчас узнаете.

Отец девушки собирался через три дня полностью расплатиться с Галеаццо и вернуться вместе с ним в Венецию, где намеревался пробыть некоторое время. Через два дня после их отъезда девушка должна была бежать из дому под защитой верного слуги Галеаццо, которого он как будто посылал к матери, и сам венецианец передал через него письмо для нее. На самом же деле добрый слуга оставался в Падуе, скрываясь до назначенного времени. Получив деньги, Галеаццо вместе с дворянином уехал в Венецию и оттуда, по его совету, переслал всю полученную сумму векселями в Милан, и ничего не делал и не покупал без его одобрения. И вдруг до венецианца дошла весть, что его дочь Лукреция накануне ночью сбежала и никаких следов ее не обнаружено. Отец, опечаленный сверх всякой меры, решил, оставив все дела, вернуться в Падую. Галеаццо, делая вид, что он тоже крайне огорчен, предложил сопровождать его, куда только тот захочет. Поблагодарив Галеаццо, венецианец уехал один, но так и не узнал ничего о дочери. Вернувшись в Венецию, он нашел там Галеаццо, который вскоре вернулся домой в Ломбардию, но матери даже не смел заикнуться о похищенной им девушке.

Слуга по приказанию Галеаццо нанял приличный дом со всем необходимым и поручил кормилице Галеаццо и ее мужу охранять девушку. Юноша ко взаимному удовольствию обеих сторон срывал цветы и плоды целомудрия своей Лукреции, которую он любил больше жизни, и почти все ночи напролет проводил с ней, щедро расточая свои богатства. Мать, хотя и знала,

что он постоянно ужинает и ночует на стороне, молчала. Так около трех лет Галеаццо прожил с Лукрецией, проводя время как нельзя лучше.

Случилось однажды, что мать задумала женить Галеаццо, но он ни за что на это не соглашался. Она же, опасаясь, что сын ее в кого-нибудь влюблен или уже взял себе жену по своему вкусу, окружила его столькими соглядатаями, что скоро узнала от них обо всем, что произошло в Падуе. Это ее очень огорчило, и вот однажды, когда Галеаццо ужинал у одного своего кузена, она приказала трем одетым в маски людям похитить Лукрецию и в тот же вечер отвезти ее в монастырь. Галеаццо, отправившийся к Лукреции, чтобы провести с нею ночь, узнал от кормилицы и ее мужа, горько плакавших, что три человека в масках похитили девушку и увезли ее. Галеаццо помертвел от горя и проплакал всю ночь, а рано утром пошел к себе домой, заперся в комнате и весь день не ел и не пил. В этот день мать даже не пыталась узнать, что делает ее сын. На следующее утро, видя, что Галеаццо отказывается принимать пищу, она пошла к нему в комнату. Но он, вздыхая и рыдая, просил мать оставить его в покое. Она же всячески старалась узнать причину его горя, но он отвечал лишь стенаниями и слезами. Видя это и движимая жалостью, она так сказала сыну:

— Сын мой дорогой, я считала, что все происходящее с тобой всегда будет мне известно и что ты не станешь скрывать от меня своих горестей. Теперь я вижу, как я ошибалась! Однако я не пожалела трудов, и мне известна причина твоей печали. Я знаю, что ты любишь Лукрецию, которую похитил у нашего друга из Падуи. Насколько это хороший поступок — ты сам можешь об этом судить. Однако сейчас не время для упреков, сейчас надо тебе помочь. Развеселись же теперь, успокойся и подкрепи себя пищей, — ты опять увидишь свою Лукрецию, которую я приказала заточить в монастырь, ибо мне казалось, что, расставшись с ней, ты постарайся мне угодить и возьмешь себе жену, как повелевает тебе твой долг.

Когда Галеаццо услышал это, ему показалось, что он воскрес из мертвых, и он стыдливо признался матери, что любит Лукрецию больше жизни, и умолял скорее ее вернуть. Мать убеждала его набраться терпения на один только день, ибо она хочет, чтобы он хорошенько отдохнул и успокоился, обещая завтра послать за Лукрецией и привезти ее. Что остается сказать нам? Галеаццо, только что призывавший смерть, потерявший сон и аппетит, при этом простом обещании совершенно успокоился. Он пообедал, вечером поужинал, а ночью, с надеждой снова увидеть свою Лукрецию, хорошо спал.

Наступил день. Галеаццо встал с постели и начал торопить мать скорее послать за Лукрецией. Она же, стараясь угодить сыну, сама села в карету и направилась в монастырь, чтобы взять оттуда девушку и привезти ее домой. Когда влюбленные встретились, они, плача от радости, бросились друг другу на шею и, крепко обнявшись, глотали горячие и соленые слезы свои. Галеаццо, после того как тысячу раз страстно поцеловал и обнял свою Лукрецию, все еще плача, так сказал ей:

— О моя ненаглядная, как же ты была без меня? Как текла твоя жизнь? Не очень ли ты печалилась, не видя меня все это время? О, конечно, я хотел умереть и не знаю, как я остался в живых. Увы, душа моя, кто уверит меня, что в то время, как ты была далеко от меня, другие не насладились твоей красотой? Я чувствую, что умираю от ревности и душа моя разрывается на части. Сердце мое, все равно одной смерти не миновать, зато мы избавимся от этих величайших мук: давай же умрем вместе и покончим раз навсегда со всеми нашими сомнениями!

С этими словами он выхватил кинжал, висевший у него сбоку, пронзил девушке грудь, попав в самое сердце, и Лукреция упала мертвая наземь. Потом, направив окровавленный клинок прямо себе в грудь, он упал на труп Лукреции.

В доме поднялся отчаянный шум и послышались ужасные вопли. Несчастливая мать, словно безумная, кричала, взывая к небесам. Галеаццо боролся со смертью целый день, а на закате

скончался. Бедная мать, не слушая ни утешений, ни ободрений, долгое время оплакивала своего умершего сына.

Случай этот поистине достоин сострадания и может исторгнуть слезы даже у камня, не только у вас, милые и нежные синьоры, ибо я вижу уже, что ваши глаза увлажнились.

Для того чтобы не рассказывать обо всем, что на самом деле произошло, братья матери велели тайно похоронить двух любовников, распустив слух, будто они скончались от чумы, чему было легко поверить, так как ходила молва, что в городе появилась моровая язва. Кроме того, какие-то лекарь и хирург, падкие до денег, подтвердили, что так оно и было. Все же скрыть правду было очень трудно. Пожалуй, некоторые скажут, что ревность это не вредоносный червь и она не ослепляет человека; но ведь это была уже не ревность, а скорее безумие.

[Часть первая, новелла XX]

**ЖЕНЩИНУ ПО ЛОЖНОМУ ОБВИНЕНИЮ
БРОСАЮТ НА СЪЕДЕНИЕ ЛЬВАМ;
ОНА СПАСАЕТСЯ, А КЛЕВЕТНИК ИМИ РАСТЕРЗАН**

Следуя, почтеннейшая мадонна, теме, о которой мы здесь судили и рядили, и желая показать, какие нередко происходят ужасные случаи и неприятности из-за необузданных желаний иных людей, я расскажу вам новеллу, которую слышал много лет тому назад из уст нашего великолепного мессера Фанцино делла Торре, всем вам известного. Он был в числе тех дворян, что были посланы пресветлейшим синьором Джан Франческо, маркизом Мантуанским, в свите госпожи Кьяры, сестры этого маркиза и матери Карла, ныне герцога Бурбонского, во Францию, куда она направлялась для заключения брака с монсиньором Джиберто, графом Монпансье, происходившим из династии королей французских. Так вот он говорил, что слышал эту историю во Франции от людей, внушающих доверие, и даже видел ее запечатленной в мраморной скульптуре, воздвигнутой на том самом месте, где все произошло.

Итак, во французском королевстве жил некий синьор Рокка Соарда, считавшийся в тех краях знатным бароном и весьма богатым человеком. Он держал блестящий, пышный двор, стра-

тно увлекаясь охотой с прирученными хищными птицами. В одном из внутренних дворигов он держал львов. Он взял себе в жены прелестную девушку, отличавшуюся, кроме замечательной красоты, самым что ни есть похвальным и разумным поведением, так что всякий, кто ее видел, не мог ею нахвалиться. У мужа ее был мажордом, человек лет тридцати трех, который, не соразмерив своих возможностей и не думая о благородстве и честности своей госпожи, ослепленный ее красотой, до того в нее влюбился, что уже ни о чем другом не мог помышлять, как лишь о том, чтобы добиться ее милости и удовлетворить свою преступную страсть. И не смея выразить словами свои чувства, он старался усердно служить ей, оказывая как можно больше уважения, чтобы она обратила внимание на его любовь. Однако он был очень далек от успеха, потому что она любила своего господина больше очей своих и не замечала ни того, как держит себя мажордом, ни того, что он говорит. К тому же она была честнейшей женщиной и даже мысли не допускала, что ее мажордом может затеять такое дело и оказаться настолько глупым, чтобы просить ее о вещах столь недостойных. Несчастный влюбленный, видя, что из всех его попыток ничего хорошего не выходит, а страсть с каждым днем разгорается все сильнее и страдания становятся невыносимыми, тщательно все обдумав, решил, прежде чем умереть, добиться того, чего он так хотел, и открыться своей госпоже. Придя к такому решению, он лишь искал случая, чтобы без всякой помехи признаться ей в своем пламенном чувстве.

И вот однажды, когда она обсуждала с ним какие-то домашние дела, прохаживаясь по зале, он со всем пылом поведал ей, сколь безмерно он ее любит и какие ужасные муки он терпит. Дама, услышав столь безумные речи, крайне возмущенная, обернулась к мажордому и выбрала его, угрожая бросить на съедение львам, если он когда-нибудь еще посмеет говорить такие безрассудные слова.

— Разве я дала тебе хоть малейший повод, чтобы ты мог просить меня о столь бесчестных вещах? — говорила она. —

Быть может, моя жизнь, мои речи, мое прежнее обращение с тобой, мои действия были столь похотливыми, столь развратными и неразумными, что у тебя хватило смелости допустить, будто я могу принадлежать тебе или кому-нибудь другому? Берегись, если тебе дорога жизнь, и даже не помышляй о подобных безумствах. Пусть это будет в первый и в последний раз и больше к этому не возвращайся, потому что можешь жестоко за все поплатиться. Позаботься лучше о том, чтобы больше не совершать такой ошибки и не подвергать себя опасности. Я постараюсь обо всем забыть и ни слова не скажу твоему и моему господину. А теперь займись своими обычными делами и выкинь из головы эти бредни.

Тут она умолкла, а смущенный влюбленный пошел исполнять свои обязанности с душой, полной горечи и такого отчаяния, что просто ума не мог приложить, что ему делать, а еще менее, что говорить. Он знал благородство своей госпожи, которая всегда оставалась честной, и решил, что напрасны будут все попытки соблазнить ее, да и опасность была слишком велика, судя по страшным угрозам дамы.

Однако, не доверяясь вполне ее словам, он все же боялся, что она обо всем расскажет мужу и тогда, без всякого сомнения, он будет убит. Изнемогая под тяжестью этих мыслей, он не находил выхода из своего положения, ибо не хотел оставлять этот дом, но и жить в нем спокойно он тоже не мог, пока жива его госпожа. Тогда пришла ему в голову чудовищная мысль, на которой он и остановился: он найдет способ умертвить женщину с помощью хитрых козней.

Задумав подобную гнусность, этот предатель, ослепленный своей страстью, не переставая, шпионил за своей госпожой. Но не находя ни малейшего повода для ее обвинения, он придумал для этого путь, о котором вы сейчас услышите.

Среди слуг синьора был юноша не по годам взрослый, весьма приятной наружности, но такой покладистый и простоватый, что над его неудачливыми выходками хозяева часто потешались. С ним-то госпожа и имела обыкновение шутить, высмеивая его,

дурачилась с ним, и все в доме называли его ее любимчиком, и даже сам хозяин так его звал. Заметив такую близость, злодей мажордом старался быть поласковее с юношей и как можно более его к себе приручить. И когда, по его мнению, настал удобный момент, он наговорил всяких небылиц, которым придурковатый юноша легко поверил, и убедил его ночью, когда госпожа ляжет спать, спрятаться под ее кровать, а часа за два до рассвета выйти оттуда. Простофиля проделал это два или три раза.

У мажордома был в доме приятель, почтенный человек, и ему-то он показал оба раза, как слуга выходит из спальни своей госпожи. Она спала в отдельной комнате, и муж, когда ему вздумается, приходил к ней. Мажордом все рассказал синьору и призывал в свидетели своего почтенного приятеля, который, не подозревая никакого коварства, обвинил свою госпожу в измене, уверяя, что если синьор будет молчать, то он сам легко может увидеть этого слугу выходящим из спальни. Синьор, полагаясь на свидетельство человека, которого он считал добропорядочным, и веря, что тот воочию видел его позор, решил, что ласки, которые жена расточала юноше, не были невинными, что она его горячо любит. И вот любовь, которую он питал к своей жене, обратилась в лютую ненависть, и он ждал лишь случая, чтобы отомстить, поймав курочку на насесте. Предатель, который был в восторге от своих козней, велел юноше войти в спальню, а когда ему пришло время уходить, он привел синьора. Едва муж увидел все это, негодуя на жену, в гневе он велел схватить неповинного юношу и бросить его в подвал башни, более возмущенный своей женой, чем юношей, считая, что, не позови она его и не настаивай, он сам по себе никогда не решился бы на подобный поступок. Поэтому, охваченный яростью, не желая расследовать случившегося, он велел схватить жену и послал ей сказать, что пусть, мол, исповедуеться, если желает, ибо сегодня же она, как распутная тварь, будет брошена на съедение львам.

Увидав, что ее предали, и услышав, какими словами называет ее муж, который не желал даже ее выслушать, и зная, что спас-

тись невозможно, она приготовила себя, как умела, к смерти, ревностно исповедалась, предав себя в руки господина и лишь печалась о том, что имя ее останется покрытым позором. В этот же день по приказанию синьора она была брошена во дворик ко львам. Толпы людей сбежались поглядеть на столь страшное зрелище. Пути господни неисповедимы, и трудно их познать. Но господь бог всегда спешит на помощь невинным. Женщина преклонила колени, отдавая на милость его свою жизнь и свою честь.

Когда открыли яму, львы мирно приблизились к женщине, ласкаясь к ней, словно она их выкормила. Когда народ увидел это — а львы всё продолжали ласкаться к женщине, — все в один голос воскликнули: «Чудо! Чудо!» Синьор, уразумев случившееся, велел привести к себе из тюрьмы юношу. Увидев это, проклятый мажордом вскочил на лошадь, пытаясь спастись бегством. Но господь бог, желавший его наказать, сделал так, что лошадь не двинулась с места. Допрошенный юноша рассказал, как все было на самом деле. Тогда синьор велел освободить невинную женщину, а на ее место бросить предателя, который признался, что со зла оклеветал свою госпожу, рассчитывая, что синьор немедленно убьет простака, когда увидит, как тот выходит из спальни. Итак, разбойника бросили во дворик, и львы тут же растерзали его на тысячу кусков.

Зная простоту придурковатого юноши, ему не сделали ничего дурного и лишь удалили его от двора и от синьоров. Дама же, как и раньше, продолжала пользоваться уважением своего супруга и всех окружающих, и муж без конца умолял ее простить ему, говоря, что он, поддавшись гневу, не разобрал хорошенько дела и легко поверил злым наветам негодяя и предателя — своего мажордома.

Каждому не мешало бы быть менее легковерным и не принимать на веру то, что ему говорят, особенно когда говорят что-нибудь дурное. Ведь приходится наблюдать повсюду — и при дворах государей также, — что люди, желая угодить своему синьору и

приобрести его милость, придумывают всякие небылицы и стараются очернить то одного, то другого, а чтобы показать, что они, мол, делают это, оберегая честь своего хозяина, иногда говорят хорошо о том, кому в душе желают зла, но в последнюю минуту подливают каплю яду и прибавляют: «А ведь он сделал так-то и так-то, и доверять ему нельзя, он ведет двойную игру». И так хорошие поступки толкуют на дурной лад. От таких клеветников надо бежать как от чумы, да они и на самом деле чума и зараза как для дворов, так и для частных домов и нередко бывают причиной больших бед.

Но вернемся к тому, на чем мы остановились. Так вот скажу я вам, что дама милостиво простила своего мужа и рассказала ему о настойчивых и наглых домогательствах злодея мажордома. Синьору тогда очень захотелось снова увидеть предателя живым и поглядеть, как огромные львы разрывают его на мелкие кусочки, — ибо он считал, что тот за свою гнусность заслуживает тысячу самых ужасных казней. Потом синьор приказал лучшим скульпторам при входе в замок высечь на мраморе всю эту историю, чтобы память о ней осталась навеки. Это тончайшее изображение и сейчас может видеть всякий, кто захочет пойти поглядеть на этот замок.

Вот каков был несчастный исход недостойных домогательств бесчестного и вероломного слуги, заслужившего более суровую и горькую смерть, чем та, что его постигла. Итак, можно поистине сказать, что дела, начатые с дурными целями, редко приводят к благополучному концу, и наоборот, начатые с благими намерениями, кончаются всегда хорошо и счастливо.

[Часть первая, новелла XXIV]

**СИНЬОР АНТОНИО БОЛОНЬЯ
ЖЕНИТСЯ НА ГЕРЦОГИНЕ АМАЛЬФСКОЙ,
И ОБОИХ УБИВАЮТ**

Антонио Болонья, неаполитанец — как многие из вас, вероятно, о том слышали, — в бытность свою в Милане жил в доме синьора Сильвио Савелло. После отъезда синьора Сильвио он близко сошелся с Франческо Аквавива, маркизом Битонтским, который при разгроме Равенны был взят в плен французами и заключен в миланскую крепость; позднее он был выпущен оттуда под верное поручительство и проживал в городе. В конце концов означенный маркиз уплатил большой выкуп и вернулся в Неаполитанское королевство. Поэтому Болонья вместе с тремя своими слугами перешел в дом кавалера Альфонсо Висконти и теперь разъезжал верхом по Милану пышно одетый. Он был дворянином с изысканными манерами и весьма доблестным и, помимо того, что отличался красивой внешностью и храбростью, считался искуснейшим наездником. К тому же у него были незаурядные поэтические способности, и он нежно пел с лютней в руках. Я знаю, что некоторые из присутствующих здесь однажды слышали его, хотя это был скорее горестный плач, которым он оплакивал свою судьбу, ибо синьора Ипполита Сфорца-Бенти-

воля запретила ему играть и петь. Уехав из Франции, где он много лет был на службе у несчастного короля Федерико Арагонского, изгнанного из Неаполитанского королевства и нашедшего себе приют в объятиях Людовика, двенадцатого по счету короля Франции, носившего это имя, Болонья вернулся к себе на родину, где и остался.

Болонья много лет был у короля Федерико мажордомом. Вскоре по приезде его в Неаполь герцогиня Амальфская, дочь Энрико Арагонского и сестра кардинала Арагонского, предложила ему занять у нее место мажордома. Он, привыкший служить при дворах и весьма преданный Арагонскому дому, принял ее предложение и отправился к ней в замок. Герцогиня овдовела еще в ранней молодости и воспитывала сына, оставшегося на ее руках после смерти мужа, так же как и само герцогство Амальфское. Она была молода, здорова и хороша собой, жила в роскоши и не хотела выходить замуж, чтобы не дать другому человеку распоряжаться своим сыном. По этой причине она решила, если ей удастся, найти себя достойного любовника и с ним наслаждаться своей молодостью. Она присматривалась ко многим подданным, да и к другим мужчинам, казавшимся ей воспитанными и учтивыми, и, размышляя об их манерах и поведении, решила, что никто не может сравниться с ее мажордомом, ибо поистине он был красавец, высокий и статный, с хорошими и изящными манерами и одарен многими способностями. Вот почему она пламенно в него влюбилась, и, с каждым днем восхищаясь все более и более его изысканным обращением, она пылала к нему все сильнее, и жизнь ей была не мила, если только его не было поблизости. Болонья, который не был ни простачком, ни разиней, хотя и не считал себя достойным такой чести, догадавшись о ее любви, почувствовал в тайниках своего сердца, что, кроме любви к ней, у него уже нет никаких радостей на свете. Так и жили они, тайно любя друг друга.

Но герцогиня задалась новой мыслью, желая возможно менее оскорбить господина бога и отрезать путь всякому осуждению. Она

решила, не выставляя напоказ свою любовь, сделаться не возлюбленной, а женой Болонья и тайно наслаждаться своей любовью до тех пор, пока не сможет объявить о своем браке. Приняв в душе такое решение, она как-то раз вызвала Болонья к себе в комнату и, став с ним у окна, как она это частенько делала, когда отдавала ему распоряжения по дому, повела с ним такую речь:

— Если бы, Антонио, я говорила с кем-либо другим, а не с тобой, то, пожалуй, можно было бы усомниться, что я решилась быть откровенной. Но так как я знаю тебя за человека честного и от природы одаренного высоким умом, воспитанного и выросшего при королевском дворе Альфонсо Второго, Фердинанда и Федерико, моих родичей, я твердо уверена и хочу надеяться, что, когда ты узнаешь о моих намерениях, ты вполне их разделишь. Если же будет иначе, мне придется считать, что у тебя нет той проницательности ума, которая всеми признана. Я, как тебе известно, после смерти блаженной памяти синьора герцога, моею супруга, осталась очень молодой вдовой и жила так, что ни один человек, как бы суров и строг он ни был, касательно моей чести не может бросить мне упрека даже с булавочную головку. Да и дела герцогства я вела таким образом, что, когда наступит время и сын мой сам возьмется за управление, я надеюсь, что он найдет дела в лучшем состоянии, чем их оставил синьор герцог. Кроме того, что я уплатила пятнадцать тысяч дукатов долгов, которые блаженной памяти супруг сделал в прошлую войну, я приобрела баронское владение в Калабрии с хорошим доходом, и у меня нет долгов, и дом мой полная чаша. И вот теперь, когда я подумала, что мне вечно придется тянуть эту вдовью лямку, и, как это было до сих пор, изо дня в день разъезжать и проводить время то здесь, то еще в каком-нибудь замке, то в Неаполе, занимаясь делами герцогства, мне показалось, что надо изменить свои намерения и начать другую жизнь. Я считаю, что гораздо лучше завести себе мужа, чем делать так, как другие женщины, которые, оскорбляя бога и вызывая порицание людей, отдаются в руки своих любовников. Я знаю очень хорошо, что сейчас говорят об

одной герцогине нашего государства, будто она любит и любима одним из первых баронов, и понимаю, что имеют в виду меня. Однако вернемся к моим делам. Ты видишь — я молода, не косая, не хромоножка и лицо мое не как у барончи¹, и мне не страшно показаться на людях. Я живу в роскоши, ты это знаешь, так что, на свою беду, мне приходится невольно предаваться мыслям о любви. Найти мужа, равного положением первому, нелегко, если только я не соглашусь взять какого-нибудь молокососа, который прогонит меня, когда я ему надоем, и приведет какую-нибудь потаскушку. Я не знаю сейчас ни одного подходящего мне по годам барона, который хотел бы жениться. И вот после долгих размышлений запало мне в душу отыскать человека достойного и выйти за него замуж. Но чтобы избежать людских толков, а также чтобы не впасть в немилость у моих родичей, особенно у монсиньора кардинала, моего брата, я хотела бы держать все в тайне до тех пор, пока не представится случай с наименьшей опасностью объявить о браке. Тот, кого я назову своим супругом, будет иметь доходу около тысячи дукатов, и я принесу ему приданого — вместе с тем приростом, какой был ко дню смерти синьора герцога, — более двухтысяч, не считая домашней обстановки, которая принадлежит мне. И если уж я потеряю титул герцогини, то по крайней мере буду жить как благородная дама. Теперь я хочу послушать, что скажешь мне ты.

Антонио, выслушав эту длинную речь, не знал, что и ответить: он был твердо уверен, что любим ею, да и сам любил ее и не хотел, чтобы она выходила замуж, надеясь довести свою любовь до желанного конца. Он стоял молча, изменившись в лице, и вместо ответа тяжело вздыхал. Она же, угадавши мысли своего любимого и довольная тем, что он пламенно ее любит, не желая более ни огорчать его, ни мучить сомнениями, так сказала ему:

¹ Прозвище бедняков, населявших один из кварталов Флоренции. В VI новелле шестого дня «Декамерона» Боккаччо общество благородных дам и кавалеров утверждает, что бог создал «барончи», когда еще не вполне овладел искусством живописи и ваяния, и потому они получились уродливыми.

— Антонио, соглашайся и не мучь себя, ведь если будет на то твоя воля, я решила, что ты во что бы то ни стало сделаешься моим супругом.

Услышав эти слова, влюбленный словно воскрес из мертвых и принялся в подобающих выражениях расхваливать намерение герцогини, предложив ей себя уже не как мужа, а как вернейшего и преданнейшего раба. Уверенные друг в друге, они долго беседовали, строя различные планы, и меж собой порешили встречаться самым тайным образом. У герцогини жила дочь ее кормилицы, которая была при ней с самой колыбели. Ее-то она и посвятила в свои намерения. Она позвала ее в комнату, где, кроме их троих, была еще камеристка, и в их присутствии обвенчалась с Болонья. Этот брак несколько лет оставался в тайне, но почти все ночи супруги проводили вместе. Так продолжалось до тех пор, пока герцогиня, к великой радости обоих, забеременела и в положенное время родила сына, но так хорошо сумела это скрыть, что никто при дворе и не догадался. Болонья окружил ребенка большой заботой и при крещении дал ему имя Федерико. Любовная связь их все продолжалась, и герцогиня забеременела второй раз и родила прелестную девочку. На этот раз не удалось скрыть положения, и многим стало известно, что герцогиня забеременела и родила. Начались всевозможные пересуды и разговоры, и слухи дошли до ушей обоих братьев, то есть кардинала Арагонского и другого брата; проведав, что сестра родила, и не зная, кто отец, они решили не выносить этого позора на люди и старательно, всеми способами стали следить за каждым движением, каждым шагом герцогини. При дворе пошли всякие толки, и каждый день появлялись новые соглядатаи братьев герцогини, которые только и делали, что повсюду разузнавали о случившемся. Болонья сильно опасался, как бы камеристка не проговорила, и однажды, беседуя с герцогиней, так сказал ей:

— Синьора, вы ведь знаете, что ваши братья подозревают о вашем втором замужестве и что они стараются разузнать обо всем получше. Я боюсь, как бы им не сообщили обо мне, тогда в

один прекрасный день они меня убьют. Вам лучше меня известен их нрав, и вы знаете, как один из них умеет пускать в ход руки. И хотя я думаю, что против вас они не станут свирепствовать, но твердо уверен, что они меня убьют, как только представится случай. Поэтому я решил уехать в Неаполь и отдать распоряжение, чтобы мои вещи отправили в Анкону, куда я постараюсь перевести и мои доходы. Я пробуду там до тех пор, пока подозрение ваших братьев не вылетит у них из головы. Время покажет, как нам быть дальше.

Много слов было сказано между ними. В конце концов Болонья в величайшей печали расстался со своей супругой и как решил, так и устроил свои дела, поручив заботу о них своему двоюродному брату, а сам отправился в Анкону, где нанял приличный дом и зажил в нем со своими почтенными домочадцами. Он привез с собой сына и дочь, которых с большим усердием воспитывал. Герцогиня, оказавшись в третий раз беременной и не будучи в состоянии выносить разлуки со своим дорогим супругом, была в таком отчаянии, что совершенно обезумела. Думая все больше и больше о своем положении, опасаясь, как бы братья не узнали о третьей беременности и не сыграли с ней плохой шутки, она решила поскорей уехать к мужу и лучше стать простой дамой, чем жить без него, имея титул герцогини. А ведь найдутся же такие, которые скажут, что любовь не всесильна! Кто захочет теперь сказать, что любовь — не великая сила? Поистине могущество ее несравненно больше, чем мы можем себе представить. Разве не видят люди, что любовь каждый день творит чудеса, самые необычайные, и что она все побеждает? Однако надо сказать, что нельзя любить по мерке. Когда Амур того пожелает, он заставляет королей, принцев и благороднейших людей делаться, не только любовниками, но даже рабами самых низких женщин. Однако вернемся к нашему рассказу и не будем затевать споров.

Когда герцогиня решила отправиться в Анкону к мужу, она тайно известила его об этом. Вместе с тем она старалась пере-

слать в Анкону как можно больше денег и вещей. Потом она объявила, что дала обет отправиться на богомолье в Лорето. Итак, отдав все распоряжения и передав все заботы о подданных сыну, который должен был управлять герцогством, она двинулась в путь с большой и почетной свитой. С огромным обозом мулов прибыла она в Лорето, велела отслужить в соборе торжественную мессу и принесла богатые дары этому славному и высокочтимому храму. Все ожидали отправления в обратный путь; она же сказала:

— Мы находимся в пятнадцати милях от Анконы, а нам известно, что это древний и красивый город. Будет отлично, если мы остановимся там на денек.

Все подчинились желанию герцогини. Поэтому, послав вперед обоз, свита направилась в Анкону. Болонья, предупрежденный обо всем заранее, велел убрать достойным образом дом и приготовить пышный и обильный стол для всей свиты. Дом стоял на главной улице, так что объехать его было невозможно. Сенешаль, который явился рано поутру, чтобы распорядиться насчет устройства обеда, Болонья провел в дом и приказал ему приготовить покои для синьоры герцогини. Сенешаль все исполнил, ибо хотя Болонья и оставил двор, но истинной причины этого никто не знал и все относились к нему с почтением. Болонья в положенное время сел на лошадь и в сопровождении целой группы анконских дворян выехал за три мили от города навстречу герцогине. Когда люди герцогини его увидели, они весело сказали: «Поглядите, герцогиня, вот и наш Антонио Болонья!» — и все радостно приветствовали его. Он же спрыгнул с коня, поцеловал руку у своей супруги и пригласил ее со всей свитой к себе в дом. Она приняла его приглашение, и он ввел ее в дом уже не как супругу, а как госпожу. Но после того как все пообедали, герцогиня решила снять с себя маску, зная, что все равно это неизбежно, приказала позвать свою свиту и сказала так:

— Настало время, мои верные вассалы и вы, мои слуги, всему свету услышать о том, что перед лицом всевышнего было однаж-

ды сделано. Я, будучи вдовой, решила выйти замуж и взять себе такого супруга, какого указал мне мой разум. Вот почему, говорю я вам, уже несколько лет назад я обвенчалась с синьором Болонья в присутствии моей камеристки, которая сейчас находится здесь; его вы все знаете; он мой законный супруг, и с ним я намерена здесь остаться, потому что я принадлежу ему. До сих пор я была вашей герцогиней и госпожой, а вы были моими верными вассалами и слугами. В будущем о вас будет заботиться синьор герцог, мой сын, которому вы, как это надлежит, будете преданно служить. Этих моих девушек вы проводите в Амальфи, а приданое для них, перед тем как покинуть герцогство, я положила в банк Паоло Толоза, и все записи об этом находятся в монастыре святого Себастьяна у аббатисы. Сейчас никто из моих дам мне не нужен, кроме камеристки. О синьоре Беатриче, которая до сих пор была моей статс-дамой, я позаботилась, и она о том знает. Тем не менее и в бумагах, о которых я говорила, она найдет свое имя и сумеет выдать замуж одну из своих дочерей. Если среди моих слуг найдется такой, который захочет со мной остаться, я охотно приму его. Об остальном, когда вы будете в Амальфи, по обыкновению, позаботится мажордом. А напоследок скажу вам, что мне больше по душе жить скромно с моим супругом синьором Антонио, чем оставаться герцогиней.

Все присутствующие были смущены, взволнованы и совершенно ошеломлены, услышав такие речи. Но после того как все убедились, что дело так именно и обстоит, потому что Болонья приказал привести детей, прижитых им с герцогиней, и она целовала и обнимала их как своих собственных, все порешили вернуться в Амальфи, кроме камеристки и двух конюхов, оставшихся со своей госпожой. Много было всяких разговоров, и каждый говорил свое. Все покинули дом Болонья и отправились в гостиницу, потому что, из страха перед кардиналом и другим братом, никто не посмел остаться с Антонио и с герцогиней; более того, договорились, что один из дворян отправится на почтовых в Рим известить о происшедшем кардинала и другого брата, который находился там же. Остальные поспешили в Амальфи.

Итак, герцогиня осталась со своим супругом и жила с ним в полном согласии. Через несколько месяцев она родила еще одного сына, которого назвали Альфонсо. В то время как супруги жили в Анконе, привязываясь друг к другу с каждым днем все больше и больше, кардинал Арагонский с означенным братом, не будучи в состоянии перенести, что сестра их вышла таким образом замуж, добились с помощью кардинала Мантуанского, синьора Джисмондо Гонзага, бывшего при папе Юлии II главным легатом в Анконе, указа об изгнании Болонья и его жены из города. Впрочем, они оставались в Анконе еще приблизительно шесть-семь месяцев, и хотя легат настаивал на их изгнании, Болонья пустил в ход все средства, чтобы дело затянулось. Но он прекрасно понимал, что в конце концов они будут изгнаны из Анконы, и, чтобы не быть застигнутым врасплох, он, имея друга в Сьене, выхлопотал охранную грамоту от тамошней синьории и получил разрешение жить там со своей семьей. За это время он отправил туда своих сыновей и так устроил свои дела, что, когда вышел приказ от анконцев выехать в течение двух недель, он тут же с женой и домочадцами сел на коней и отправился в Сьену. Когда братья-арагонцы увидели, что они обмануты, так как им не удалось захватить беглецов в дороге, они уговорили Альфонсо Петруччи, сьенского кардинала, чтобы синьор Боргезе, брат кардинала и глава сьенской синьории, немедленно изгнал Болонья и из Сьены. Болонья долго раздумывал, где искать убежище, и решил со всей семьей направиться в Венецию. Итак, они пустились в путь через флорентийские земли, направляясь в Романью, чтобы потом морем добраться до Венеции. Уже подъезжая к Форли, они заметили, что за ними гонится множество всадников, о которых они и раньше кое-что слышали. Поэтому, охваченные ужасом и не видя возможности спастись, они были ни живы ни мертвы. Тем не менее, побуждаемые страхом, они пустили лошадей во весь опор, чтобы добраться до ближайшей деревушки, надеясь там укрыться от опасности. Болонья ехал на сильном и горячем турецком скакуне и своего старшего сына тоже посадил

на такого же коня. Другой сын и дочь находились в паланкине. Жена ехала на хорошем иноходце. Болонья с сыном могли бы легко ускользнуть, потому что у них были резвые кони, но любовь к жене не позволяла ему оставить ее. Она же, твердо веря, что погоня могла причинить зло только ее мужу, плача, умоляла его, чтобы он спасался.

— О синьор мой, — говорила она, — скачите же, братья мои не сделают дурного ни мне, ни нашим сыновьям; но если они схватят вас, они будут жестоки с вами и убьют вас.

И дав ему тут же кошелек, полный дукатов, она не переставала умолять его скрыться на некоторый срок, ибо со временем, бог даст, братья с ними примирятся. Несчастный муж, видя, что погоня уже близко и нет никакой надежды на спасение жены, безмерно страдая и проливая слезы, распростившись с ней, пришпорил своего скакуна и крикнул своим, чтобы они спасались.

Сын, видя, что отец мчится во весь опор, поскакал за ним, так что Болонья со старшим сыном и четырьмя слугами, хорошими наездниками, ушли от погони. И изменив свое решение ехать в Венецию, отправились в Милан. Люди, гнавшиеся за Болонья, чтобы убить его, схватили герцогиню с маленьким сыном, дочерью и со всеми остальными. Первый всадник — было ли ему это приказано братьями герцогини, или он сам не хотел производить лишнего шума — решил заставить герцогиню следовать за собой без криков и воплей. Поэтому он сказал ей:

— Синьора герцогиня, ваши братья послали нас проводить вас до вашего герцогства, для того чтобы вы взяли управление страной из рук вашего сына-герцога и больше не разъезжали по разным местам. Антонио Болонья — это такой человек, который рано или поздно, пресытись вами, оставил бы вас без всего, а сам удрал бы с богом. Не падайте духом и не тужите ни о чем.

Герцогиня, услышав эти речи, как будто бы успокоилась, и ей показалось, что она правильно рассудила, утверждая, что братья не будут жестоки ни с ней, ни с детьми ее. Такая надежда поддерживала ее несколько дней, пока они не прибыли в один из замков ее сына-герцога. По приезде туда их немедленно схватили и посадили в цитадель. Не так скоро узналось, что там с

ними произошло. Остальные все были освобождены. Герцогиня же с камеристкой и двумя детьми, как потом стало известно, умерли жестокой смертью.

Несчастный супруг и любовник с сыном и слугами прибыли в Милан, где некоторое время находились под защитой синьора Сильвио Савелло. В эти дни синьор Савелло, действуя от имени Массимильяно Сфорца, осаждал французов, стараясь захватить миланскую крепость, которую он позднее получил по мирному соглашению. Потом Савелло отправился в Кремону, где разбил лагерь и оставался несколько дней. В это время Болонья нашел убежище у маркиза Битонто, а когда маркиз уехал, он остался в доме кавалера Висконти. Братья герцогини столько наделали шуму в Неаполе, что имущество Болонья было конфисковано. А Болонья только и думал, как бы помириться с братьями герцогини, ни за что не желая верить, что жены и детей его нет в живых. Кое-кто из дворян предупредил его, что ему небезопасно оставаться в Милане и пусть он будет настороже. Но он никого не слушал, и, сдаюсь мне, судя по некоторым имеющимся сведениям, ему по секрету советовали не уезжать, так как он, мол, может встретиться со своей женой. Полный этой напрасной надежды, со дня на день ожидая обещанного, прожил он в Милане около года. Случилось как раз в это время, что один синьор, у которого были свои вооруженные люди в миланском герцогстве, рассказал всю эту историю нашему Делио и даже утверждал, что ему давали поручение убить Болонья, но он не пожелал быть палачом вместо других и, напротив, нашел удобный случай предупредить его, чтобы тот был настороже, и сообщить, что, по всей вероятности, его жена с детьми и камеристка удушены. Однажды, когда Делио был у синьоры Ипполиты Бентиволья, Болонья заиграл на лютне и запел жалобную песню, которую сам сочинил о своих страданиях и положил на музыку. Когда Делио, который раньше его не знал, сказали, что это муж герцогини Амальфской, тронутый до глубины души, он отозвал его в сторону, заверив, что жена его и дети погибли и что его тоже собираются убить, как ему, Делио, наверняка известно. Болонья поблагодарил Делио и сказал:

— Делио, вы ошибаетесь, у меня есть сведения из Неаполя, что казна скоро вернет мне мое имущество, а из Рима мне внушили добрую надежду, что монсиньор, светлейший и сиятельнейший мой господин, и его брат уже на меня не гневаются и что, без сомнения, я скоро увижу свою супругу.

Делио, зная, что Болонья обманут, сказал то, что ему показалось уместным, и отошел. Те, которые искали случая убить Болонья, видя, что им это не удастся и что синьор, имевший вооруженных людей, равнодушен к этой затее, поручили это дело какому-то ломбардцу, требуя пустить в ход все средства, чтобы умертвить Болонья. Делио рассказал всю эту историю, вплоть до этого места, синьору Лючио Шипионе Аттеллано, который хотел изложить ее в одной из своих новелл, зная наверное, что бедняга Болонья будет убит. Однажды, находясь в Милане, Лючио Шипионе и Делио по дороге в Большой монастырь встретили верхом на красивейшем скакуне Болонья, который направлялся к мессе в Сан-Франческо. Впереди ехали двое слуг: у одного в руке было копьё, у другого часослов нашей пресвятой девы. Тогда Делио сказал Аттеллано:

— Посмотрите, ведь это Болонья.

Аттеллано показалось, что у Болонья было взволнованное лицо, и он сказал:

— Пожалуй, богу угоднее было бы, чтобы он взял с собой второе копьё, а не этот часослов; ведь ему вечно приходится быть настороже.

Не успели Аттеллано и Делио дойти до Сан-Джакомо, как услышали страшный шум: на дороге, не доезжая Сан-Франческо, на Болонья напал капитан Даниэле да Боцоло с тремя вооруженными людьми. Переходя из рук в руки, Болонья принял ужасную смерть, и никто не мог оказать ему помощи. Убийцы преспокойно скрылись в такое место, какое показалось им наиболее надежным, и не нашлось никого, кто стал бы их преследовать именем закона.

[Часть первая, новелла XXVI]

**ДВОЕ ЛЮБОВНИКОВ ПРОВОДЯТ ВМЕСТЕ НОЧЬ;
ЮНОША УМИРАЕТ ОТ СЧАСТЬЯ, ДЕВУШКА — С ГОРЯ**

Я не собирался сегодня выступать в качестве рассказчика и не с тем намерением пришел сюда, мои прелестные дамы, и вы, любезные синьоры, ибо, насколько я помню, подобных обязанностей я еще никогда не выполнял. Но коль скоро вы мне это приказываете, я предпочитаю оказаться плохим рассказчиком, чем ослушаться вашего повеления.

Надлежит вам знать, что не так давно в Чезене жил гражданин, у которого умерла жена, оставив ему сына по имени Ливио и дочь, которую звали Корнелией. Сыну было двадцать лет, дочери семнадцать. По соседству с ними проживал человек, имевший дочь Камиллу, очень красивую и приятную. Камилла была в такой большой дружбе с Корнелией, что и часу не могла прожить без нее, так что целыми днями они были вместе; в свою очередь Корнелия тоже дорожила обществом Камиллы, и ей казалось, что нет на свете лучшей радости, как быть с ней. У Камиллы был брат по имени Клаудио, и так как он редко жил в городе, Камилла часто проводила время со своей Корнелией. Так они продолжали встречаться, и случилось, что Ливио, видя красоту и хороший нрав Камиллы, пылко в нее влюбился. Он весь отдался

своему чувству и так запутался в сетях любви, что ни о чем не мог думать, как только о своей Камилле. И не будучи в состоянии никому открыть свою любовь и страсть, которые безмерно его мучили, он чувствовал, что с каждым днем пламя его любви разгорается все сильнее. Не зная, что ему предпринять, он потерял сон и аппетит, заболел, и видно было, что он постепенно тает, словно снег под лучами солнца. Корнелия с большой заботой ухаживала за братом; часто врачи, не находя причины его болезни и считая, что его гложет душевная тоска, спрашивали у него, что он чувствует, какая страсть его терзает, и задавали еще ряд подобных вопросов, как это принято делать. В конце концов Ливио признался сестре во всем. Девушка, выслушав его, решила, что не время сейчас журить брата, а надо его успокоить и постараться подбодрить его ласковыми словами, уговаривая не падать духом и позаботиться о своем здоровье. Ливио отвечал сестре, что единственное средство излечить его — это рассказать Камилле о его любви к ней. Корнелия, которая как зеницу ока любила своего брата, пообещала при первом удобном случае рассказать все подруге. Заручившись этим обещанием, Ливио немного успокоился и стал выздоравливать.

Однажды, когда девушки были вместе и болтали, по обыкновению, о том о сем, Корнелия постаралась как можно искуснее и живее рассказать подруге о том, как страдает Ливио от любви к ней, умоляла сжалиться над ним и не дать ему погибнуть. Камилла, выслушав такие речи своей подруги, как бы оправдываясь перед ней, сделала вид, что ее очень огорчает болезнь Ливио, но сказала при этом, что она совершенно не склонна отвечать на его воздыхания, и просила никогда не поднимать с ней разговора о подобных вещах, чтобы не бросать слов на ветер. Корнелия огорчилась этим ответом, но, будучи молодой и застенчивой, не знала, что еще добавить к тому, что она уже сказала. Не смея передать брату столь малоутешительный ответ своей подруги, Корнелия, то ли устав от ухода за братом, то ли по иной причине, заболела лихорадкой и слегла в постель. Узнав об этом, Камилла пришла

ее проведать. Ливио же, услышав, что его дорогая Камилла находится в сестриной комнате, которая была отделена от его комнаты лишь тонкой перегородкой, а их кровати стояли голова к голове, и каждое слово, сказанное даже шепотом, было прекрасно слышно, — спросил у Корнелии, кто у нее. Она ответила, что только Камилла. В комнатке Ливио также никого не было, кроме него. Поэтому он, набравшись духу, и смелей, чем обычно, через перегородку, разделяющую комнаты, с рыданиями, слезами и вздохами начал говорить о своей любви и смертельной страсти к Камилле и смиренно умолять ее, чтобы она его пожалела и не дала погибнуть в цвете лет. Камилла, растроганная этими речами, почувствовала, как какое-то неведомое пламя охватило ее с головы до ног, и ей казалось, что было бы страшной жестокостью не пожалеть Ливио и не дать ему того утешения, которого такая любовь заслуживает. Поэтому она так отвечала ему:

— Ливио, я не знаю, обманываюсь ли я, или ты на самом деле меня столь сильно любишь. Я хочу верить тому, что ты мне сейчас говорил, хотя очень часто вы, молодые люди, охотно обманываете нас, девушек, а добившись своей цели, любите похвастать этим в кругу ваших друзей, и часто обманутая вами становится посмешищем. Но прежде чем со мной это случится, я скорей умру, потому что женщина, потеряв честь, теряет все, что есть дорогого на свете. Вот почему следует, чтобы мы поступили разумно, и если твоя любовь ко мне так велика, как ты говоришь, проси у моего отца моей руки, и я уверена, что он тебе не откажет, и ты честно добьешься желаемого.

Ливио очень обрадовался этим словам и бесконечно благодарил за них свою Камиллу, уверяя ее, что, как только выздоровеет, будет просить у отца ее руки; и он всячески расхваливал ее благоразумие. После этого Ливио стал поправляться и, когда совсем окреп, поручил своим родственникам от его имени просить у отца Камиллы ее руки. Сер Риньери — так звали отца Камиллы, — зная Ливио, отец которого уже умер, как человека богатого и хорошего рода, имеющего только одну сестру на выда-

ные, заявил, что партия подходящая, но что он не может дать окончательного ответа, пока не вернется из Рима его сын Клаудио, и что на днях он его ожидает. Камилла, услышав ответ отца, решила, что дело почти слажено, полагая, что брат тоже согласится. И склонившись к любви Ливию, сама так горячо его полюбила, что зажглась к нему не меньшей страстью, чем он к ней. В то время как Клаудио медлил с возвращением из Рима в Чезену, влюбленные много раз беседовали друг с другом и, стремясь несколько умерить свою пламенную страсть, еще сильнее ее разжигали, и каждый час ожидания приезда Клаудио казался им целым годом.

Приезд Клаудио все откладывался, а молодые люди за это время так сблизились, что на словах считали себя мужем и женой, ожидая совершения брачного обряда тотчас же по приезде брата Камиллы, который наконец явился.

Когда Клаудио вернулся, отец рассказал ему о Ливии, который домогается родства с ними. Клаудио, неизвестно по какой причине, отнесся к этому весьма раздражительно, привел целый ряд своих доводов против этого брака и склонил старика на свою сторону. Когда любовники обо всем узнали, они были глубоко опечалены. А так как всегда кажется, что запретный плод сладок, Ливию и Камилле страстно хотелось быть вместе, чтобы наслаждаться радостями любви, и они говорили друг другу: «Разве мы уже не женаты? И чему быть, того все равно не миновать». А Камилла сказала:

— Как брат может помешать тебе быть моим мужем? Если ты согласишься сделать по-моему, ты придешь сегодня провести со мной ночь, а потом мы уж подумаем об остальном. Моя служанка осведомлена обо всем и в три часа ночи откроет тебе калитку сада.

Остановившись на этом решении, Ливию, как нельзя более довольный, в условленный час отправился на свидание и, встреченный в комнате радостной Камиллой, обнял ее и стал целовать, а она его, и сердце Ливию наполнилось таким счастьем, что от

чрезмерного восторга, задыхаясь, он скончался на руках Камиллы. Увидев это, она, испытывая смертельную муку, позвала свою служанку и в слезах просила ее дать совет, что делать. И сердце злосчастной Камиллы потрясло такое горе, что, бездыханная, она упала на труп Ливио. Служанка, увидя это и не зная, что делать, принялась кричать, посылая вопли к небесам. Услышав крики, Клаудио поднялся с постели и, увидев такое зрелище и узнав Ливио, не желая слушать того, что говорила служанка, нанес ей три удара кинжалом, отчего она замертво упала. Наутро о случившемся узнали все. Наместник Цезаре Борджа Рамиро Каталоне, управлявший Чезеной, велел допросить служанку, которая еще была жива, и, узнав подробности, приказал схватить Клаудио. Через два дня служанка умерла, и Клаудио был обезглавлен в крепости Чезены. А двое несчастных влюбленных были оплаканы всей Чезеной и погребены в церкви отцов миноритов.

[Часть первая, новелла XXXIII]

ПЕЧАЛЬНЫЙ ИСХОД ЛЮБВИ ЦАРЯ МАСИНИССЫ И ЦАРИЦЫ СОФОНИСБЫ, ЕГО СУПРУГИ

Так как полдневный жар становится все сильнее и сейчас не время заниматься важными делами, а вы, синьор мой, хотите, чтобы я в этом прохладнейшем месте рассказал вам о печальном конце любви царя Масиниссы и царицы Софонисбы, я начну с того, что Масинисса был сын Галы, царя массезилов, одного из племен нумидийских. Вместе с карфагенянами он воевал в Испании против римлян, но раньше славно сражался с нумидийским царем Сифаксом. Отец его в это время умер, и царство его было занято недругами. Вот почему, мужественно претерпевая все превратности своей злополучной судьбы и с переменной удачею сражаясь, Масинисса то приобретал часть своего государства, то терял его. Порой ему угрожали Сифакс и карфагеняне, и он был на краю гибели или едва спасался от плена. Совершая свои подвиги, без устали воюя, он приобрел себе такую славу, что среди африканских народов слыл за доблестного и храброго солдата и осторожного, дальновидного военачальника. Солдаты его очень любили, ибо он держался не как сын царя или властитель, но разговаривал с ними как простой воин и соратник, каждого называя по имени, награждая и лаская всякого по заслугам,

хотя и стараясь при этом соблюсти свое достоинство. Будучи в Испании, он при посредстве Силана подружился со Сципионом, прозванным впоследствии Африканским, который тогда, будучи облачен проконсульской властью, разбил карфагенян в этой провинции. Масинисса заключил союз с римлянами и свято и нерушимо до конца своих дней хранил дружбу с ними, завещав ее своим сыновьям и внукам.

Когда римляне затеяли войну в Африке, он собрал все свои отряды и поспешил на помощь к Сципиону. Вскоре Сифакс был разбит и взят в плен, и Масинисса вместе с Лелием захватил города того царства, которое некогда ему принадлежало, и послал свое войско в Цирту, главный город провинции. В то время там находилась Софонисба, жена Сифакса и дочь Гасдрубала, сына Гисгона, восстановившая своего мужа против римлян, с которыми у него был союз, и убедившая его встать на защиту карфагенян. Софонисба, узнав, что враги вошли уже в Цирту и Масинисса движется прямо к царскому дворцу, решила пойти ему навстречу, чтобы испытать его доброту и милосердие. Когда она храбро проникла в самую гущу входивших уже во дворец солдат, все время оглядываясь по сторонам, чтобы в этой толпе по каким-нибудь признакам узнать Масиниссу, ей бросился в глаза один человек. Судя по его одежде, доспехам и по тем почестям, которые ему оказывали, она решила, что это царь. Тогда, подойдя к нему, она опустилась перед ним на колени и с мольбой стала говорить так:

— Твоя доблесть и счастливая звезда вместе с благосклонностью богов помогли тебе вернуть свое исконное царство, победить и взять в плен твоего врага. Ты можешь расправиться со мной так, как только пожелаешь, однако я, полагаясь на твое милосердие и великодушие, осмеливаюсь склониться перед тобой с мольбой и хочу прежде всего поцеловать эти руки победителя, — и она стала целовать ему колени и руки, произнося жалобные речи. Она была в цвете своих лет и в те дни считалась самой красивой и обольстительной женщиной во всей Африке.

И подобно тому как некоторых украшают радость и беззаботный смех, так слезы сделали ее еще прекраснее, и Масинисса, будучи молодым и, по натуре нумидийцев, легко попадающим в сети любви, видя перед собой такую красоту, не мог отвести от нее своих жадных взоров и без конца восхищался и любовался ею. И так он не заметил, как загорелся страстью к ней, и жаркое пламя, которому нет равного, охватило его влюбленное сердце. Он поднял ее с земли и приободрил, настаивая, чтобы она продолжала свою речь.

Тогда Софонисба сказала ему так:

— Если мне, твоей пленнице и рабе, позволено будет, о господин мой, просить тебя и умолять во имя царского сана, который еще так недавно имели мы и который ты имеешь теперь, во имя права называться нумидийцем, что и тебе и Сифаксу одинаково дорого, во имя богов — хранителей и покровителей этого города, что встретили тебя здесь такой удачей, таким радостным успехом и благополучием, каких не выпало на долю Сифакса, — будь милостив ко мне. Не о большой вещи прошу я тебя. Расправься со мной так, как тебе это позволяет твоя власть и как требуют обычаи войны. Вели меня ввергнуть, если хочешь, в ужаснейшую темницу, вели принять смерть в самых жесточайших муках, какие ты только измыслишь. Пусть смерть, что мне грозит, будет горькой, жестокой и свирепой, — она будет мне слаще жизни, ибо я готова умереть какой угодно смертью, лишь бы не попасть в гордые руки римлян и не очутиться в их страшной власти. Не будь я даже супругой Сифакса, все равно я скорее решила бы положиться на волю нумидийца, рожденного, как и я, в Африке, чем любого чужеземца. Я знаю, что ты понимаешь, чего карфагенянка и дочь Гасдрубала должна ожидать от неумолимых римлян и как ей следует опасаться их жестокости. О господин мой, если у тебя есть сестры, подумай, что их тоже может постигнуть столь же печальная и страшная участь, как моя. Таково колесо Фортуны, которая меняется с каждым днем, принося то мир, то войну, то горе, то счастье, то плохое, то хорошее, то возносит высоко, то

низвергает в бездну. У тебя перед глазами живой и разительный пример Сифакса, который не мог стяжать прочного счастья в этом подлунном мире. Он был самым могущественным и богатым царем в Африке, а теперь самый жалкий и несчастный из смертных. Но это не заставит меня ни предсказывать, ни предугадывать твоих будущих бед, напротив, каждый день я буду молить богов, чтобы ты и твои потомки благополучно царствовали в Нумидии. Так избавь же меня от рабства у римлян, и если нет другого пути для этого, кроме моей смерти, повторяю, я приму ее с радостью.

С этими словами она взяла правую руку царя и несколько раз ее нежно поцеловала. И мало-помалу ее просьбы стали переходить в обольстительные и пленительные ласки, так что душа юного воина и победителя не только была охвачена жалостью и милосердием, но и оказалась совершенно неожиданно опутанной чарами любви. Победитель был покорен и пленен побежденной, и господин — своей рабой. Дрожащим голосом он так ей ответил:

— Полно, о Софонисба, не плачь больше и отгони от себя страх, ты не только не попадешь в руки римлян, но, если захочешь, я возьму тебя в законные супруги, и ты будешь жить не пленницей, а царицей.

И произнеся эти слова, он обнял и поцеловал рыдающую Софонисбу. Она же по лицу, по движениям, по прерывающемуся голосу своего нового возлюбленного поняла, что душа нумидийца воспылала к ней жаркой любовью, и, чтобы еще больше раздуть это пламя, в порыве преданности, которая могла бы смягчить и жестокое сердце свирепого тигра, вновь упала ему в ноги и стала эти ноги в железных поножах целовать и обливать горячими слезами. Так она долго рыдала и вздыхала. Наконец, поднятая им с земли, сказала:

— О, слава и честь всем царям, которые есть, были и будут, и тебе, Карфаген, моя несчастная родина, заслуживающая надежной помощи и ввергнутая теперь в величайшие бедствия, если моя судьба после столь большого крушения, как видно, снова мне

улыбается! Разве может быть большая милость, большая радость в моей жизни, чем то, что ты назовешь меня своей женой? Как была бы я счастлива, имея столь прославленного супруга! О, истине благословенно и радостно мое падение, и горе мое исполнено величайшего счастья, если мне уготовано столь славное и бесконечно желанное супружество! Но так как боги ко мне немилостивы и уже близок роковой конец моей жизни, прекрати же, о господин мой, разжигать мою угасшую надежду, потому что я вижу себя в таком положении, что ты напрасно станешь бороться с волею богов. Величайшим благом буду я почитать, если ты умертвишь меня, и я умру от твоих рук или с твоей помощью, что будет мне большой отрадой, ибо это избавит меня от страха стать рабой римлян и очутиться в их власти, и душа моя спокойно отойдет в Елисейские поля. Моя последняя и единственная просьба к тебе, все, о чем я тебя молю, — это избавить меня от римских легионов и от подчинения римлянам. Это начало и конец всех моих просьб и всех моих молений. Другая возможность, которую ты и твое милосердие мне предоставляет, — о ней я не только не дерзну просить тебя, но даже подумать не смею, ибо, говоря правду, мое положение не позволяет мне сейчас так высоко подняться. Я молю бессмертного Юпитера и всех других богов, чтобы, за твое расположение ко мне, они дозволили тебе долго наслаждаться приобретенным царством и помогли расширить его до самых широких пределов.

Эти слова оказали такое действие на Масиниссу, что он не мог удержаться от слез и, из жалости к рыдающей женщине, заплакал сам и в конце концов так сказал ей:

— Оставь, моя царица, эти мысли и утри слезы, положив конец своей печали, и мужайся. Судьба твоя, столь ужасная и плачевная, изменится, и боги благословят тебя и сделают счастливой на всю жизнь. Ты будешь моей супругой и царицей, я клянусь тебе в этом и призываю в свидетели богов. Но если случится — о Юпитер, не допусти этого! — что я вынужден буду отдать тебя римлянам, знай, живой ты в руки им не попадешь!

С этими словами, в подтверждение своей клятвы, он подал Софонисбе правую руку и вошел с ней во внутренние покои дворца. Здесь Масинисса предался размышлениям, как ему исполнить данную Софонисбе клятву, и, охваченный тысячей дум и предчувствуя свое близкое падение, под влиянием страха и своей бешеной страсти в тот же самый день пред всеми назвал ее своей женой и отпраздновал пышную свадьбу, словно женившись на ней, он спасал ее от произвола римлян. Вскоре прибыл Лелий, который, узнав об этой свадьбе, был крайне возмущен и решил послать Софонисбу вместе с Сифаксом, как военную добычу, Сципиону. Но тронутый слезами и мольбами Масиниссы, просившего оставить все на суд Сципиона, отослал Сифакса вместе с другими пленниками и добычей в лагерь, а сам вместе с Масиниссой бросился завоевывать другие города царства, с намерением не возвращаться в лагерь до тех пор, пока вся провинция целиком не будет в руках римлян. Лелий еще ранее подробно сообщил Сципиону о состоявшемся браке, и Сципион сильно возмущался в душе столь поспешной свадьбой, удивляясь тому, что Масинисса не подождал Лелия и эта злополучная свадьба произошла в тот самый день, когда была взята Цирта. Поступок Масиниссы тем более пришелся не по душе Сципиону, что ему были чужды столь низкие и недостойные страсти, ибо, когда он был в Испании, ни изящество, ни красота тамошних женщин не могли заставить его отступить от своих честных и похвальных решений. Поэтому он считал поступок Масиниссы несвоевременным, неблагоприятным и достойным порицания со стороны всякого, кто только узнал о нем. Но, будучи мудрым и осторожным, он решил затаить то, что у него было на сердце, ожидая лишь случая, чтобы положить всему конец.

Итак, Масиниссе вместе с Лелием надо было возвращаться в лагерь. Сколько он пролил слез, каких только разговоров он не вел с Софонисбой, сколько вздыхал при расставании — всего этого нельзя пересказать, и у меня, пожалуй, не хватило бы времени. Две-три ночи для него, горевшего желанием, промелькнули

слишком быстро, и не успел он насладиться Софонисбой, как уже знал, что Лелий потребует ее, как пленницу. Вот почему он расстался с Софонисбой и вернулся в лагерь полный глубочайшей печали и всевозможных размышлений. Сципион с честью встретил его и в присутствии своих легионов всячески расхваливал его и Лелия, одобряя их дела. Потом он повел Масиниссу к себе в палатку и так сказал ему:

— Я думаю, о мой Масинисса, что мнение, которое ты составил о моих добродетелях, заставило тебя некогда отправиться в Испанию и с помощью моего храброго Силана заключить со мной дружеский союз, а впоследствии побудило тебя здесь, в Африке, отдать себя и честь твою в мои руки. Потом я стал думать, какая же моя добродетель толкнула тебя на это; ведь ты африканец, я европеец, ты нумидиец, а я латинянин и римлянин, у нас совершенно разные обычаи и языки; я подумал, повторяю, какое из моих качеств могло привлечь тебя, и твердо решил: умеренность и воздержание в делах любви, которые ты видел во мне. Я ценю и уважаю их в себе превыше всего, они-то и заставили тебя полюбить меня и искать союза со мной. Вот эти-то добродетели, о Масинисса, я хотел бы, чтобы ты приобщил к тем хорошим качествам, что даны тебе природой и твоими стараниями усовершенствованы. Я очень хорошо знаю, что нам в наши молодые годы надо меньше бояться вооруженных отрядов врага, чем рассеянных повсюду соблазнов и чувственных наслаждений и в особенности тех опасностей, в которые нас ввергают женские ласки. И тот, кто обуздывает свои любовные страсти, ими управляет, не дает сладострастию овладеть своим сердцем и проходит мимо этих сирен, зажав уши, заслуживает большей славы, чем мы, одержавшие победу над Сифаксом. Ганнибал, злейший враг, который когда-либо был у римлян, сильнейший человек и военачальник, которому нет равного, так изнежился и ослаб от наслаждений и женских объятий, что уж перестал быть тем мужественным и отважным повелителем, каким ему следовало быть. Подвиги, которые ты в мое отсутствие совершил в Нумидии, твое

усердие, твоя сообразительность, твоя отвага, сила и доблесть, стремительность и другие твои добрые качества поистине заслуживают похвалы, о них я никогда не забываю и нахвалиться ими всласть не могу. Об остальном, более важном, я хочу, чтобы ты сам подумал, а то, что я тебе сказал, пусть не послужит к твоему стыду. Как ты знаешь, Сифакс взят нашими солдатами; поэтому всё — он сам, его жена, его государство, его поля, земли, города и их обитатели, — одним словом всё, что когда-то принадлежало царю Сифаксу, становится добычей римского народа; мы должны царя и его супругу, даже если бы она и не была гражданкой Карфагена и отец ее не командовал когда-то вражескими отрядами, отослать в Рим, на милость сената и народа римского. Разве ты не знаешь, что Софонисба своим бабьим языком отторгла от нас нашего союзника, царя Сифакса, и заставила его поднять на нас оружие? Возьми же себя в руки, Масинисса, и остерегайся запятнать одним пороком те многие высокие качества, которые делают тебя достойным уважения. Не уничтожай столько своих заслуг и благодарность за них огромной виной, которая послужила бы поводом для твоего осуждения.

Масинисса, услышав эти суровые и справедливые упреки, не только покраснел от стыда, но, горько плача, сказал, что отдает себя во власть Сципиона. Однако он горячо просил его, если возможно, позволить ему соблести опрометчиво данное Софонисбе слово, потому что он клялся ей, что живой она не попадет в руки римлян. Поговорив еще о разных делах, Масинисса направился к себе в палатку и, предавшись там наедине своему горю, вздыхал и заливался горькими слезами, так громко рыдая, что далеко кругом было слышно. Он проплакал весь день, не зная, что ему делать, и добрую часть ночи не смыкал глаз, думая то об одном, то о другом, совершенно растерявшись. Ему пришло в голову через Геркулесовы столбы пробраться с женой морем на острова Блаженных. То он думал отправиться с ней в Карфаген и с помощью этого города поднять восстание против римлян. То он собирался клинком, ядом или веревкой или еще каким-нибудь

способом покончить со всеми своими муками и с жизнью. Несколько раз он был близок к тому, чтобы умертвить себя, и его удерживал не страх смерти, а нежелание запятнать свое славное имя. Он бросался на постель, но не находил себе покоя, ворочаясь из стороны в сторону. Несчастный влюбленный пылал, как в открытом поле пылает зажженный хворост, и, не находя утешений своим мукам, начал так взывать:

— О любимая моя Софонисба, жизнь моей жизни, свет очей моих, ты слаще и дороже мне всего на свете; что будет с нами? Горе мне, я больше не увижу твоего прелестного и любимого лица, белокурых твоих локонов, твоих прекрасных глаз, которым тысячу раз могло бы позавидовать солнце, не услышу сладостной гармонии твоего голоса, чья нежность может заставить Юпитера в минуту самой большой ярости, когда, разгневанный, мечет он грома и молнии, выпустить оружие из своих рук. Ах, мне уже не будет дозволено обнимать тебя этими руками за шею, блеск которой, когда разольется по ней стыдливый румянец, может соперничать с утренней зарей. Но богам неуютно, чтобы я жил без тебя; да и как я могу жить без тебя: разве тело может жить без души? Дозволь, о Юпитер, чтобы одна могила скрыла нас, ибо, если мне не дано жить вместе с Софонисбой здесь, на земле, мы пребудем неразлучны в царстве теней. О милостивый бог! Кто среди духов в Елисейских полях будет более блаженным, чем я, если там я буду блуждать с тобою, о Софонисба, по тенистым рощам, среди зеленых и ароматных мирт? Там мы будем без всякой помехи предаваться воспоминаниям о днях минувших, о наших горестях и о нашей любви, радуясь наслаждениям и печальясь о минувших муках. Там не будет сурового и строгого, как мрамор, Сципиона, которому нет дела до любовных страстей и который не может сострадать моим жестоким мукам, ибо он никогда не знал, что такое любовь. Там не будет он пытаться своими жестокими словами убедить меня, чтобы я тебя оставил или отдал в руки римлян и стал бы причиной твоего жалкого и тяжкого рабства. И хулить меня за мою страстную любовь к

тебе он уже не будет. Мы не будем страшиться, что он или кто-либо другой разъединит нас и помешает нашей сладостной близости. О, почему бессмертные боги не захотели, чтобы Сципион никогда не переступал пределов Африки, а всегда оставался бы в Сицилии, Италии или в Испании? Но что говорю я, безумный, безрассудный человек? Ведь если бы он не приплыл в Африку и не затеял бы войну с Сифаксом, разве увидел бы я тогда прекрасную Софонисбу, чья краса затмевает всякую иную, чье изящество не имеет себе равного, чья грация невыразима и беспредельна, чьи манеры безупречны и ни с чем не сравнимы и всю прелесть которой нельзя выразить человеческим языком? Не приди сюда Сципион, как бы я узнал тебя, моя дорогая надежда, предел всех моих желаний? Разумеется, ты не была бы моей женой, а я твоим мужем. Но тогда по крайней мере ты страдала бы так, как сейчас, зная, что твоя жизнь, достойная счастливых и долгих дней, положена на весы: будешь ты жить или умрешь? Хуже того, уже решено, если ты останешься в живых, тебя отдадут, как добычу, римлянам. На то была воля бессмертных богов, чтобы ты стала добычей римлян. Кто может поверить, что Сципион, даруя мне жизнь, в то же время отнимает ее? Разве не он даровал мне жизнь, найдя повод послать в Цирту, где я нашел свою жизнь, мою прекрасную Софонисбу? Без нее зачем мне, несчастному, оставаться в этой печальной и горестной жизни? О, жалкий я, разве не отнимает он у меня жизнь и не дарует смерть, желая взять Софонисбу? Увы, почему, захватив в плен Сифакса, он не отправился в Италию или хотя бы в Сицилию? Почему Сципион не отвез Сифакса в Рим, чтобы устроить великолепное зрелище, показав царя нумидийского римскому народу? Не будь Сципиона здесь, ты, Софонисба, осталась бы моей, потому что с Лелием я нашел бы способ договориться и спасти тебя. Но, разумеется, если бы Сципион хоть раз взглянул на Софонисбу и ее необыкновенную красоту, я уверен, он сжалился бы над ней и надо мной и понял бы, что она заслуживает быть царицей не только Нумидии, но и всякой другой страны. А если бы он,

увидя ее, влюбился и взял бы ее себе? Ведь он такой же человек, как и все, и разве может такая красота не смягчить его души? Но, горе мне, что я говорю? О чем мечтаю? Поистине я хорошо понимаю, что, как говорится, пою для глухих и хочу слепым объяснить, что такое краски и как их различать, а разве можно научить этому слепорожденных? Несчастный, я из всех несчастных самый несчастный! Вот теперь Сципион требует Софонисбу, как вещь, ему принадлежащую, ибо он говорит, что она добыча и часть трофеев римских солдат. Что же мне делать? Отдать Софонисбу Сципиону? Он этого хочет, он меня убеждает, настаивает и просит; но я знаю хорошо, что значат его увещевания и что таится под его просьбами. Так неужели же отдать Софонисбу в его руки? Нет, пусть раньше великий Юпитер поразит меня пылающей молнией и ввергнет в глубину преисподней, пусть развернется земля и поглотит меня, пусть тело мое разорвут на тысячу кусков и оно сделается добычей диких зверей и приманкой для воронья и стервятников, если я совершу такое предательство и нарушу слово, подтвержденное клятвой. Увы, что же мне делать? Но я обязан повиноваться и на свою беду должен делать то, что мне приказывает мой военачальник! Горе мне, при этой мысли я умираю! Впрочем, чтобы мне совершить меньшее зло и чтобы сдержать свою клятву, о моя Софонисба, ты умрешь и с помощью своего дорогого супруга избежишь тяжелого ярма римского рабства. Так угодно жестокому Юпитеру и презренным небесам, которые заставляют меня самого распоряжаться моей злой судьбой. Итак, о жизнь моя, что до меня, я только и могу, что сдержать слово, которое я так недавно дал тебе.

И, решив послать Софонисбе яд, он снова пришел в такую ярость и гнев так закипел в нем, что, казалось, он совсем обезумел, и, словно перед ним была сама Софонисба, он обращался к ней, говорил ей о своей страсти, жаловался ей. Потом он долго безудержно рыдал, облегчив немного свое горе слезами, но все же совершенно освободиться от него он не мог. И снова начал неистовствовать и предаваться бесплодным мечтаниям.

Когда я думаю о таком человеке, как Масинисса, который был действительно благороднейшим и прославленным царем, разумно управлявшим отвоеванными и захваченными им областями и с таким постоянством сохранявшим дружбу с римским народом, я молю бога, чтобы он не дал мне и моим друзьям запутаться в любовном лабиринте, в каком очутился он, но сподобил нас любить более умеренно. Вот почему я заклинаю вас, синьор Ринуччо¹, сейчас, когда вы находитесь в цвете вашей прекрасной юности, остерегаться такой необузданной страсти, ибо стоит вам только вступить на эту зыбкую почву, как вы неизбежно увязнете в ней. Однако вернемся к нашему глубоко опечаленному Масиниссе. Так вот, он сказал:

— Итак, я должен послать яд той, в ком вся моя жизнь? Допустят ли боги, чтобы это свершилось? Лучше я увезу ее подальше в неизведанную, покрытую сыпучими песками Ливию, где повсюду кишат змеи. Там мы будем в большей безопасности, чем в любом другом месте, ибо туда не заглянет жестокий и неумолимый Сципион, а змеи, увидя божественную и редкостную красоту моей прекрасной Софонисбы, смягчатся, и их горький яд не повредит и мне. О супруга моя сладчайшая, я решился, мы скроемся там, чтобы ты могла избежать и рабства и смерти. Если мы не сможем захватить с собой золото и серебро, мы все же как-нибудь с тобой проживем, ибо лучше жить на хлебе и воде, чем быть в рабстве. А с тобой живя, могу ли я чувствовать бедность? Я привык к бедности и нищете, ведь я был изгнан из своего царства, и часто прятался в темных пещерах, и жил с дикими зверями. Но ты, моя дорогая супруга, ты, воспитанная в роскоши и изнеженности, привыкшая жить в довольстве и радости, что будет с тобой?

Я знаю, что сердцем буду против того, чтобы ты следовала за мной. А если ты все же этого захочешь, какой путь я смогу сейчас избрать? На море римская флотилия, которая подстере-

¹ Новелла посвящена Ринуччо Фарнезе.

гает наш каждый шаг. На суше Сципион со своими легионерами занял все дороги и стал властелином страны. Что буду делать я, жалкий и несчастный человек? Вот я предаюсь своим горьким мыслям и не замечаю, как бегут часы и скоро, скоро взойдет солнце, ибо начинает светать. Мне кажется, что я уже вижу Сципионова посланца, который пришел взять Софонисбу. Я должен либо отдать ее, либо убить. Но она предпочтет смерть рабству.

Итак, решив послать ей яд, он замертво упал наземь, охваченный нечеловеческим страданием. Потом, придя немного в себя, он стал проклинать землю, воду, воздух, огонь, небеса, небесных богов и богов ада и, издав горький, скорбный крик, призвал к себе преданнейшего слугу, у которого, по обычаю тех времен, всегда хранился яд, сказав ему:

— Возьми мою золотую чашу и снеси яд в Цирту царице Софонисбе и скажи ей: «Масинисса охотнее воспользовался бы узами брака и исполнил свою первую клятву, данную тебе, но предводитель войск, которому он подчинен, ему это запрещает. Он пытался сделать все возможное, чтобы супруга его и царица остались в живых, но Сципион и его приказания были столь жестоки, что он вынужден покарать самого себя и стать творцом своего собственного несчастья. Он посылает яд с такими горестными мыслями, о которых знает только он один; ты им поверишь, а я был свидетелем их. Остался этот единственный путь, чтобы спастись от римского рабства». Скажи ей, чтобы она подумала о доблести своего отца, о чести своей родины и о царском величии двух законных своих мужей, и пусть делает то, что ей кажется более достойным. Теперь ступай и не теряй попусту время.

Слуга удалился, а Масинисса рыдал, как побитый мальчишка.

Когда посланец прибыл к царице и исполнил свое суровое поручение, передав ей чашу с ядом, и стал дожидаться ее ответа, царица взяла чашу и так сказала ему:

— Я выпью яд из этой золотой чаши, а ты вернешься к своему господину и скажешь ему, что я охотно принимаю его дар, потому что другого не мог послать супруг своей супруге; но много легче мне было бы умереть до моей нечаянной свадьбы.

И не говоря больше ни слова, взяла чашу, распустила в ней яд и, бесстрашно поднеся ее к губам, осушила до дна и передала посланцу, сама же легла на свое ложе. Там насколько возможно пристойнее она подобрала свои одежды и без жалоб или каких-либо признаков женского малодушия отважно стала ждать смерти. Девушки ее, стоявшие вокруг, плакали навзрыд, так что по всему дворцу раздавались вопли и поднялась страшная суматоха. Недолго жила Софонисба, яд оказал свое действие, и она скончалась.

Посланец вернулся к Масиниссе с жестокой вестью, и тот, проливая слезы, был несколько раз близок к тому, чтобы наложить на себя руки и последовать за своей беспредельно любимой Софонисбой. Узнав об этом, великодушный и мудрый Сципион, который опасался, как бы разгневанный и охваченный страданием Масинисса не ожесточился против себя и не сделал бы чего-либо худого, призвав его к себе, старался утешить ласковыми словами, дружески укоряя, что он так мало ему доверял.

На следующий день в присутствии своих легионов он осыпал его похвалами, пожаловав ему царство Нумидийское, богато одарив его и воздав ему много почестей от лица римлян. Сенат и граждане Рима это одобрили, предоставив Масиниссе самые широкие права, и нарекли его царем Нумидии и другом римлян. Таков был конец несчастной любви царя Масиниссы, столь прославленной нашим божественным Петраркой¹.

[Часть первая, новелла XLI]

¹ В поэме «Африка». История Масиниссы и Софонисбы излагается у Тита Ливия и других античных историков.

МАРКИЗ НИККОЛО III Д'ЭСТЕ,
ЗАСТАВ СЫНА В ОБЪЯТИЯХ МАЧЕХИ,
ПРИКАЗЫВАЕТ В ОДИН И ТОТ ЖЕ ДЕНЬ
ОБЕЗГЛАВИТЬ ОБОИХ В ФЕРРАРЕ

Велика была прогремевшая на всю Европу слава маркиза Никколо. Третьего д'Эсте, моего деда по отцу¹. Он был, я повторяю, великолепнейшим и единственным в своем роде синьором, и не раз ему приходилось разрешать споры между итальянскими властителями, когда меж ними возникали раздоры или затевалась война. Так как он не был законным наследником, ему очень докучал Аццо Четвертый д'Эсте, его кровный кузен. Но благодаря его счастливой судьбе и любви к нему венецианцев, флорентийцев и болонцев Аццо был изгнан на остров Крит, что теперь называется Кандией, а он долгое время спокойно управлял Феррарской синьорией. Впоследствии он женился на синьоре Джильюоле, дочери синьора Франческо из Каррары, который в ту пору правил Падуей. От этого брака у него был единственный сын необыкновенной красоты, который назывался Уго, графом ди Ровиго. Недолго после рождения сына мать прожила на свете.

¹ Рассказывает Бьянка Сансеверино д'Эсте.

Она тяжело заболела и отошла в иной мир к великому огорчению маркиза, который ее безумно любил.

Уго был воспитан как полагается сыну такого властителя, и за что бы он ни брался — во всем был великолепен для своих лет. Маркиз, однако, стал увлекаться разными женщинами и, будучи молодым и миролюбивым, только и делал, что предавался развлечениям. У него было столько побочных детей, что из них можно было набрать целое войско. Поэтому до сих пор имеют обыкновение говорить: «Вдоль реки По триста сынков маркиза Никколо подняли паруса на своих кораблях». Его первым побочным сыном был Лионелло, родившийся от прелестной девушки по имени Стелла и унаследовавший от отца синьорию города Феррары. Вторым был знаменитый Борсо, родившийся от одной знатной сьенки из старинного, благородного рода Толомеи, который, по воле его святейшества папы Павла II, сменил титул маркиза на титул герцога Феррары, а император Фридрих Австрийский сделал его герцогом Модены и Реджо. Но к чему мне перечислять всех сыновей маркиза Никколо, которых он прижил со своими любовницами? Их было столько, что мне потребовалось бы слишком много времени, чтобы рассказать о них. Я уж не говорю о тех, которых никто не знает, и имею в виду бесспорно ему принадлежащих; с десятков таких видывала я в Ферраре, когда была еще ребенком; но, оставляя их в стороне и продолжая рассказ, я должна сообщить вам, что маркиз Никколо решил жениться во второй раз.

В Италии и за ее пределами много было подходящих для него невест. Он решил взять себе в жены дочь синьора Карло Малатеста, в ту пору могущественного властителя многих городов Марки и Романьи, пользовавшегося среди итальянцев славой большого знатока военного дела. Невеста была очень юной, ей еще не исполнилось и пятнадцати лет, красивой и очень привлекательной. Она прибыла в Феррару в сопровождении многочисленной и почтительной свиты из дворян Марки и Романьи и была встречена маркизом Никколо с большой пышностью. Не-

долго прожила она с маркизом, как ей пришлось убедиться, что он известный в Ферраре петух и что она погубит себя с ним. И действительно, маркиз был самым отъявленным волокитой, какие в те дни только встречались, и не пропускал ни одной женщины. Однако, неизвестно почему, ни с одной из них он не пустил в ход насилия. Когда маркиза увидела, что ее супруг был таким человеком, который на стороне растрачивал то, на чем экономил дома, решила и она не сидеть сложа руки и не губить зря свою молодость. Итак, начав приглядываться к нравам и поведению своих придворных, она, на свое несчастье, обратила свой взор на пасынка Уго, который поистине отличался красотой и изысканностью манер. Он ей до крайности понравился, и она так в него влюбилась, что не находила себе покоя и огорчалась, если ей не удавалось увидеть его или поговорить с ним. Он же, далекий от мысли о таком преступлении, оказывал мачехе те же знаки уважения и то же почтение, которое послушный сын оказывает своей родной матери. А она, хотевшая совсем другого и страстно в него влюбленная, всячески старалась разжечь в нем то пламя, что горело в ней самой. Много раз она замечала, что граф Уго, юноша шестнадцати-семнадцати лет, не обращает внимания на все ее сластолюбивые ухищрения, думая обо всем, что угодно, только не об этом. Она чрезмерно огорчалась, не осмеливаясь прямо заговорить с ним о своих нечестных и непристойных желаниях, а если иногда и пыталась завести этот разговор, стыд сковывал ее уста, и она не могла произнести ни слова. Так жила она в глубочайшей тоске, не зная, что ей делать, не находя ни в чем успокоения, и ее безутешная страсть с каждым днем становилась все сильнее и сильнее. Некоторое время она прожила в таком горестном настроении, хорошо понимая, что лишь стыд удерживает ее от признания Уго в своей любви. Поэтому она решила, раз уж она открыла свое сердце для столь постыдной страсти, открыть также и свои уста и, отбросив всякую стыдливость, добиться своего. Не доверяясь никому, она была намерена во всем открыться Уго.

Когда она пришла к этому решению, случилось, что маркиз Никколо, вызванный герцогом Филиппе Висконти, отбыл в Милан, где он должен был прожить несколько дней. И вот однажды маркиза, сидя у себя в комнате, всецело отдавшись мыслям о своей страсти, не будучи в состоянии более сдерживать себя и считая, что настал подходящий момент для осуществления ее намерения, велела позвать Уго будто бы для разговоров о важных вещах. Тот, мысли которого были очень далеки от мыслей маркизы, поспешил к ней явиться и, после обычного приветствия, сел, по ее желанию, рядом с ней в ожидании, что она ему скажет. Маркиза старалась немного овладеть собой, ибо в ней любовь боролась со стыдом; побежденная под конец любовью, заставившей ее забыть и стыд и честь, вся зардевшись и едва переводя дух, дрожащим и прерывающимся голосом, которому мешали рыдания и слезы, струившиеся ручьями, стараясь быть как можно спокойнее, она так начала говорить:

— Я не знаю, дорогой мой синьор, думали ли вы когда-нибудь о той мало похвальной жизни, что ведет ваш отец, маркиз Никколо, и о его поведении, которое таково, что является причиной моего постоянного недовольства. Он, оставшись вдовцом после смерти блаженной памяти вашей матушки, так неутомимо преследует женщин, что и в Ферраре и в округе нет уголка, где бы у него не было побочного сына. Каждый думал, что, женившись на мне, он бросит свои повадки, но, хотя я и сделалась его женой, он ничуть не отказался от своих мерзких привычек: как и раньше, сколько женщин он видит, столько и хочет. Мне кажется, что он скорее расстанется с жизнью, чем откажется от утех то с одной, то с другой женщиной, какая ему только подвернется. А так как он синьор, то разве найдется женщина, которая ему откажет? Но хуже всего то, что он гораздо больше оказывает внимания этим потаскушкам и продажным женщинам, чем мне и вам, родившемуся от столь благородной и добродетельной синьоры. И если вы хорошенько об этом подумаете, вы легко убедитесь в моей правоте. Когда я еще жила в доме синьора моего

отца, я слышала от одного нашего писца, очень любившего читать хроники, что меж нашими предками был некий Фреско, и он, разгневавшись на Аццо Второго, своего отца, убил его, так как Аццо ввел в дом мачеху, хотя она и была дочерью Карла Второго, короля Неаполитанского. Поэтому я не хочу, чтобы вы тоже обагрили руки свои в крови вашего отца, сделавшись его убийцей. Я должна открыть вам глаза и предупредить вас, чтобы вы когда-нибудь не остались посрамленным, осмеянным и с пустыми руками. Разве вы не слышали, как ваш отец, который не имел права наследовать Феррарское маркграфство, ибо был незаконным сыном и оно по справедливости принадлежало синьору Аццо Четвертому, — с помощью своих приспешников выгнал означенного Аццо из синьории и при содействии венецианцев отправил его в изгнание на остров Кандию, где несчастный синьор умер жалкой смертью? Берегитесь, чтобы подобное несчастье не случилось и с вами; как бы один из побочных сыновей, как говорится, не натянул бы вам нос и не послал бы вас куда глаза глядят. Что до меня, случись что-нибудь с вашим отцом, я без всякого колебания пожертвовала бы ради вас и жизнью и имуществом, чтобы только государство, как этому и надлежит быть, осталось в наших руках. И хотя принято говорить, что мачехи не любят своих пасынков, однако вы можете быть уверены, что я люблю вас больше самой себя. О, если бы богу было угодно, чтобы случилось то, на что я надеялась: ведь когда отец мой убеждал меня ехать в Феррару, он говорил, что моим мужем будете вы, а не ваш отец. Не знаю, почему потом все изменилось. Бог да простит тому, кто виновен в такой замене! Синьор мой, года наши подходящие для того, чтобы нам соединиться. И было бы гораздо лучше, если бы я сочеталась браком с вами, а не с вашим отцом. И насколько же легче и прекраснее, чем теперь, была бы моя жизнь, будь вы моим повелителем, потому что я любила вас раньше, чем маркиза, питая надежду, что я должна быть вашей, а вы моим. Сказать по правде, я всегда горячо любила вас и люблю больше, чем свою душу. Мои мысли могут быть

обращены только к вам, так глубоко проникли вы в мое сердце. Теперь, мой повелитель и свет очей моих (и сказав это, а они были одни в комнате, она обвила его шею руками и любовно поцеловала несколько раз в уста), пожалейте себя и меня. О дорогой синьор мой, сжальтесь надо мной и будьте моим, как я всегда была и буду вашей; и если так случится, вы, без сомнения, станете властителем государства и сделаете меня из несчастнейшей самой счастливой женщиной на свете.

Граф Уго, который все ждал, к чему приведут речи маркизы, при этих последних словах, сопровождавшихся страстными и волнуемыми поцелуями, совершенно растерялся и не мог ни ответить ей, ни уйти; он был до такой степени потрясен и поражен, что в тот момент больше походил на мраморную статую, чем на живого человека. А маркиза была так хороша и обольстительна, так игрива и глаза ее горели таким любовным пламенем, что, будь Федра столь же прекрасна, я твердо уверена, что ее возлюбленный Ипполит не устоял бы перед ее страстью.

Маркиза, видя, что Уго как будто не взволнован и не поднимается с места, а сидит неподвижно, в полном молчании, решила, что надо ковать железо пока горячо и не дать юноше опомниться или поразмыслить над тем, какое преступление затевается здесь, какое страшное оскорбление нанесет он отцу и какой опасности и риску подвергнется сам. И, пользуясь своим преимуществом, она вновь обняла его за шею и стала сладострастно целовать и пустила в ход тысячу других милых шуток и бесстыдных ухищрений вместе с нежными и вкрадчивыми словами, так что бедный юноша совсем потерял голову и, дав волю своим безудержным желаниям, стал похотливо целовать и обнимать ее, и положив руку на ее белоснежное тело, любовно ласкал ее прелестные круглые и упругие груди. Но зачем я буду рассказывать вам обо всех их любовных уловках? Они охотно дали бы волю своей страсти, но не были уверены, что здесь они в безопасности, и поэтому уговорились найти более надежное место для своих наслаждений. Они решили, что только тогда смогут спокойно встречаться, если

какая-либо из служанок будет во все посвящена. Придя к такому решению, маркиза, поразмыслив о достоинствах и поведении своих служанок, остановилась на одной, которая казалась ей более других пригодной для этой цели.

Итак, однажды маркиза, улучив время, рассказала этой служанке о своем намерении и сумела ее так хорошо уговорить, что та обещала ей сделать все, что она прикажет. В свою очередь Уго, выйдя из комнаты мачехи, был так упоен ее пламенной любовью, что ни о чем другом, как о ее красоте, думать не мог. И если маркиза жаждала быть с ним, то и он желал этого не менее. С помощью верной служанки они вскоре стали встречаться, предаваясь любовным утехам ко взаимному удовольствию. И хотя придворные замечали некоторую близость между ними, никто ни о чем дурном не мог подумать. Так продолжалась их любовная связь около двух лет, и никто о ней и не догадывался, но в один прекрасный день служанка тяжело заболела и умерла. Теперь любовникам стало трудно скрывать свою близость, и кто-то из камердинеров графа Уго проведал обо всем, уж не знаю как. Чтобы лучше в этом убедиться, он принялся внимательно следить за каждым движением своего господина, и не знаю уж каким способом, но ему удалось устроиться над комнатой, где любовники обычно наслаждались. Стараясь, чтобы не было слышно, он пробил в потолке отверстие и через него два или три раза наблюдал, как злосчастные любовники предавались любовным утехам. Увидев собственными глазами столь ужасную низость, он, улучив удобный момент, показал все происходящее маркизу Никколо. Этот срам превыше всякой меры опечалил и огорчил маркиза, и его любовь к жене и сыну обратилась в страшнейшую ненависть: Он решил жестоко расправиться с обоими. Стоял май месяц и было около девяти часов, когда он увидел, как любовники развлекались. Около восьми часов, когда злополучный граф Уго играл на городской площади в мяч, маркиз велел вызвать начальника стражи с солдатами, приказав, чтобы все были вооружены. Когда начальник вошел во дворец, там было много

феррарских вельмож, и они с огромным удивлением выслушали приказание маркиза немедленно взять под стражу Уго, заковать его в цепи и заточить в башню замка, что у Львиных ворот, где сейчас томятся в заключении дон Феррандо и Джулио, братья герцога¹. Затем он приказал кастеляну взять маркизу и заточить ее в другую башню. Потом всем присутствующим объяснил причину этого. Как уже было сказано, злосчастный граф Уго играл в мяч, а так как был праздничный день и жители были свободны, то вся Феррара пришла посмотреть на его игру. Начальник со своими солдатами появился на площади и как раз против городских часов позорно скрутил графу Уго руки за спиной и, к великому ужасу присутствовавших при этой тяжелой сцене, препроводил связанного Уго в темницу. Кастелян таким же способом захватил маркизу.

В этот же самый вечер жестокий отец послал двух братьев ордена Ангелов к графу Уго сказать ему, чтобы он готовился к смерти. Уго сразу понял причину столь неожиданной вести и своего злоключения, и стал горько оплакивать свой грех, и с глубоким раскаянием в душе решил принять заслуженную смерть. Всю ночь он провел в благочестивых размышлениях, каясь в своем поступке. Он послал также передать своему отцу просьбу о прощении за причиненную обиду. Когда маркиза увидела, что ее взяли под стражу и узнала, что Уго в заточении, она горячо умоляла дать ей возможность поговорить с мужем, но милости этой добиться не могла. Тогда она послала сказать ему, что во всем виновата она одна, ибо обманула графа Уго и потому должна одна понести наказание за совершенное злодеяние. А когда она узнала, что им обоим отрубят головы, она обезумела до такой степени, что ее никак нельзя было успокоить. Было ясно, что ее совсем или очень мало тревожит собственная смерть, но что она не может примириться со смертью графа Уго. В течение следую-

¹ Речь идет о феррарском герцоге Ипполито д'Эсте, современнике Банделло. Феррандо и Джулио были осуждены на вечное заточение вследствие дворцовых интриг.

щего дня и ночи она только и делала, что призывала своего синьора Уго, так что все три дня в темнице имя графа Уго не сходило с ее уст. Маркиз послал двух монахов утешить ее и уговорить терпеливо принять муки смерти; но они понапрасну старались. Раскаявшийся же юноша, напротив, провел три последующих дня в обществе двух монахов, стараясь как можно лучше подготовить себя к близкой смерти и беседуя о святых вещах. Пришел третий день, и рано поутру один из монахов отслужил мессу; в конце ее юноша, роняя обильные слезы, просил у господ бога и у всех прощения за свои грехи и благоговейно принял пресвятое тело нашего спасителя. В тот же вечер, когда почти совсем стемнело, в той же самой башне, по приказанию отца, палач отрубил ему голову. В это же время, но в другой башне отрубили голову и маркизе, причем она не проявила ни малейшего признака раскаяния, и не хотела даже исповедоваться, и лишь умоляла, чтобы ей позволили хотя бы один разок взглянуть на синьора ее, Уго. И вот с этим дорогим и бесценным именем на устах несчастная была обезглавлена.

На следующий день маркиз приказал оба тела хорошо обмыть, нарядно одеть и положить на возвышении посреди внутреннего дворика замка, чтобы каждый, кто пожелает мог бы их видеть вплоть до самого вечера, когда их положат в одну и ту же гробницу на кладбище монастыря Сан Франческо, отнеся туда в сопровождении пышной траурной процессии. Видя, что он остался без жены и законных наследников, маркиз женился в третий раз, взяв себе в жены синьору Риччарду, дочь маркиза Салуццо, от которой у него родился сын, герцог Эрколе, отец герцога Альфонсо, и также синьор Сиджисмондо д'Эсте, мой отец. Я знаю, некоторые полагают, что несчастный граф Уго не был сыном первой жены маркиза Никколо, а лишь первым побочным его сыном; однако они глубоко заблуждаются, ибо он действительно был законным сыном, графом ди Ровиго, как я много раз слышала об этом от блаженной памяти синьора моего отца.

[Часть первая, новелла XLIV]

**ФРА ФИЛИППО ЛИППИ,
ФЛОРЕНТИЙСКИЙ ЖИВОПИСЕЦ,
ЗАХВАЧЕН В ПЛЕН МАВРАМИ И ОБРАЩЕН В РАБСТВО,
НО БЛАГОДАря СВОЕМУ ИСКУССТВУ
ОСВОБОЖДЕН И ОКРУЖЕН ПОЧЕСТЯМИ**

Монсиньор кардинал был весьма удивлен той щедростью, которую проявляет в отношении меня наш высокочтимый и милостивый синьор герцог Лодовико¹, но, по правде говоря, я удивлен больше его: я удивляюсь его невежеству, показывающему, как слабо начитан он в хороших авторах. Не буду касаться почестей, которые всегда оказывались людям, прославившим себя в разных других науках и искусствах, — а скажу лишь о том уважении и почете, которыми окружали живописцев. Не бойтесь, что надолго задержу вас перечислением всех знаменитых художников, которые процветали в добрые старые времена. Если бы я захотел это сделать, нам не хватило бы и целого дня. Что касается древних, с нас будет довольно одного примера с Александром Великим и славным живописцем Апеллесом, а из современных сошлюсь лишь на одного флорентийского мастера.

¹Эту новеллу, по словам автора, рассказал Леонардо да Винчи после того, как один кардинал счел непомерно большим жалование, которое художник получал от герцога Миланского.

Однако перейдем к рассказу. Так вот, скажу я вам, что Апеллес пользовался большим почетом у Александра Великого и был настолько близок к нему, что Александр не раз заходил в мастерскую художника посмотреть, как он работает. Однажды, когда Александр в его присутствии заспорил с кем-то и начал говорить несуразные вещи, Апеллес очень мягко перебил его и сказал: «Александр, помолчи немного и не неси околесицы! Ты рассмешишь моих учеников, которые растирают краски». Теперь вы можете судить, сколь велик был авторитет Апеллеса в глазах Александра, особенно если вы вспомните, каким раздражительным, высокомерным и превыше всякой меры вспыльчивым был этот государь. Я не говорю уже о том, что Александр издал публичный указ, по которому лишь Апеллес имел право писать с него портреты.

Однажды Александру захотелось, чтобы Апеллес нарисовал Кампаспу, его прекрасную наложницу, совсем обнаженной. Апеллес, увидя нагое, совершеннейшей формы тело юной женщины, страстно в нее влюбился, и когда Александр узнал об этом, то под видом дара отослал ее Апеллесу. Александр был человек большой души, но в этом случае он превзошел самого себя и был не менее велик, чем тогда, когда одерживал важную победу на поле боя. Он победил самого себя; он не только подарил Апеллесу тело своей возлюбленной Кампаспы, но пожертвовал и своей любовью, совершенно забыв о том, что она из подруги царя станет подругой простого мастера.

Обратимся теперь к нашим дням и поговорим о некоем флорентийском художнике и о морском пирате. Жил во Флоренции Томмазо Липпи, у которого был сын по имени Филиппо¹. Когда отец умер, мальчику было восемь лет, и бедная мать, оставшись без всяких средств к жизни, отдала его в монастырь кармелитов. Маленький монах, вместо того чтобы обучаться грамоте, целыми днями портил бумагу и стены, набрасывая рисунки; увидя это и узнав о пристрастии монашка, настоятель дал ему возможность заниматься живописью. В монастыре была часовня, заново распи-

¹ Речь идет о *фра Филиппо Липпи*, известном флорентийском живописце (ок. 1406—1469).

санная одним знаменитым художником¹. Она очень нравилась фра Филиппо Липпи (так звали в обители нового монаха), и он целые дни проводил там, работая вместе с другими учениками, и настолько превзошел остальных в ловкости и мастерстве, что у всех, кто его знал, составилось твердое убеждение, что в зрелом возрасте он будет величайшим живописцем. Но фра Филиппо и в молодости, не говоря уже о зрелых годах, так превосходно владел кистью, что создал много удивительных творений в монастыре кармелитов во Флоренции и в других местах, где их теперь можно видеть. Слыша постоянные похвалы и пресытившись монастырской жизнью, он сбросил с себя монашескую одежду, хотя и был произведен в диаконы. Много прекрасных картин написал он для Козимо Медичи Великолепного, который его всегда очень любил.

Но художник был выше всякой меры сластолюбив и большой охотник до женщин. Если он встречал женщину, которая ему нравилась, он не останавливался ни перед чем, лишь бы овладеть ею. Когда на него находила такая блажь, он или совсем не рисовал, или рисовал очень мало. Однажды фра Филиппо писал картину для Козимо Медичи, которую тот собирался преподнести папе Евгению Венецианскому. Великолепный заметил, что художник частенько бросает работу и пропадает у женщин, и велел привести его домой и запереть в большой комнате, чтобы он попусту не терял времени. Но тот с трудом просидел три дня, затем ночью взял ножницы, нарезал из простыни полосы и, таким образом вылезши из окна, провел несколько дней в свое удовольствие.

Как-то раз Козимо Великолепный, навещавший его каждый день, не найдя его дома, страшно рассердился и послал его разыскивать, но потом разрешил ему работать, как ему вздумается, и тот с рвением исполнял его заказы; Козимо говаривал, что фра Филиппо и ему подобные суть вдохновенные богом редкостные и высокие таланты, а не вьючные ослы.

Однако вернемся к тому, что заставило нас завести о нем разговор, и покажем, что талант уважается даже варварами. Как-то Филиппо был в Марке Анконской и отправился со своими

¹ Капелла Бранкаччи в церкви Санта-Мария дель Кармине, расписанная флорентийским художником Мазаччо (1401—1428).

друзьями прокатиться на лодке по морю. Внезапно появились галеры Абдул Маумена, великого берберийского корсара того времени, и наш добрый фра Филиппо вместе со своими друзьями был захвачен в плен, закован в цепи и отвезен в Берберию, где в тяжелом положении находились они года полтора, и Филиппо пришлось держать в руке вместо кисти весло¹. Но как-то раз, когда из-за непогоды нельзя было выйти в море, его заставили рыть и разрыхлять землю в саду. Нередко приходилось ему видеть там Абдул Маумена, своего господина, и вот однажды пришла ему фантазия нарисовать его на стене в мавританской одежде, и это ему удалось так хорошо, что тот вышел совсем как живой.

Всем маврам это показалось каким-то чудом, потому что в их краях не принято ни рисовать, ни писать красками. Тогда корсар велел освободить его от цепей и стал обращаться с ним, как с другом, и из почтения к нему поступил так же с его товарищами по плену. Много еще написал красками прекраснейших картин фра Филиппо для своего господина, который из уважения к его таланту одарил его всякими вещами, в том числе и серебряными вазами, и приказал доставить его вместе с земляками целыми и невредимыми в Неаполь.

Поистине, столь велика сила искусства, что даже варвар, наш исконный враг, осыпал наградами тех, кого мог навсегда оставить у себя, как рабов. Не меньшей любовью пользовался талант фра Филиппо и на родине. Ему представился случай сойтись с прекрасной молодой флорентийкой по имени Лукреция, дочерью Франческо Бути, от которой у него родился сын, тоже названный Филиппо (впоследствии он стал знаменитым живописцем²). Папа Евгений видел много славных творений фра Филиппо и так его любил, ценил и баловал, что даже хотел снять с него сан диакона, чтобы дать ему возможность жениться на Лукреции. Но фра Филиппо не захотел связать себя узами брака, слишком любя свободу.

[Часть первая, новелла LVIII]

¹ То есть он стал гребцом на галере.

² Имеется в виду художник Филиппино Алиппи (ок. 1457—1504).

**ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ
И ПЕЧАЛЬНАЯ СМЕРТЬ ДВУХ ВЛЮБЛЕННЫХ:
ОДИН УМИРАЕТ, ПРИНЯВ ЯД,
ДРУГАЯ — ОТ ВЕЛИКОГО ГОРЯ**

Думается мне, достославный синьор мой — если только благородная любовь, которую я питаю к своим родным местам, не обманывает меня, — что вряд ли найдется в прекрасной Италии город, который мог бы соперничать с Вероной в живописности местоположения, в красоте реки, подобной Адидже, что величаво несет свои прозрачные воды, деля город почти пополам, и в изобилии товаров, присылаемых Германией. Солнечные поля, веселые долины и плодородные зеленеющие холмы окружают его со всех сторон. Я уже не говорю о множестве источников с отменно чистой и свежей водой, что служат для удобства горожан, о четырех прекраснейших мостах, перекинутых через реку, и о славных памятниках старины, рассеянных по всему городу. Однако я начал свой рассказ не для того, чтобы осыпать похвалами свое родное пепелище, которое и без того заслуживает всяческого восхваления и почестей, — я хотел поведать вам о печальном событии, об ужасном несчастье, происшедшем в нашем городе с двумя благороднейшими влюбленными.

Во времена синьоров дела Скала¹ в Вероне среди горожан, известных своим богатством и знатностью, славились два семейства — Монтекки и Капеллетти. Между ними, не знаю уж по какой причине, возникла жестокая и кровавая вражда. В различных столкновениях — ибо каждый из родов был силен — многие из Монтекки и Капеллетти, а равно и их сторонников были убиты, отчего взаимная ненависть все возрастала. В те дни властителем Вероны был Бартоломео дела Скала², приложивший много старания, чтобы примирить эти два враждующие рода, но порядка навести никак не мог, ибо ненависть прочно укоренилась в их душах. Тем не менее со временем вражда эта несколько приутихла, по крайней мере прекратились постоянные кровопролитные стычки, и если юноши встречали на улице стариков враждебной стороны, то уступали им дорогу.

Случилось как-то после рождества, что повсюду стали устраивать праздники, на которых был обычай появляться в масках. Антонио Капеллетто³, глава своего рода, тоже устроил пышный праздник, куда были приглашены знатнейшие синьоры и дамы. Там можно было увидеть почти всех славных юношей города. Пришел туда и двадцатилетний Ромео Монтеккьо, выделявшийся среди молодежи Вероны своей красотой и учтивостью. Был он в маске и вместе с другими приглашенными проник в дом Капеллетти, когда наступила ночь. Ромео этот был в те дни пылко влюблен в одну благородную даму и в течение двух лет безутешно по ней вздыхал; направлялась ли она в церковь, или еще куда, он всегда следовал за ней по пятам, но она не удостоивала его взглядом. Он писал ей письма, засылал своих посланцев, но жестокосердная дама никогда даже не улыбнулась страстному юноше. Тяжело было Ромео переносить столь жестокие страдания, и он уже подумывал, непрестанно сокрушаясь о своей участи,

¹ Род дела Скала управлял Вероной в XIII—XIV веках.

² Бартоломео дела Скала правил городом с 1301 по 1304 год.

³ Окончания имен меняются в зависимости от числа (Capelletto — Capalletti, Montecchio — Montecchi).

покинуть Верону на два-три года и отправиться в путешествие по Италии, дабы забыть о своей страсти. Однако затем, охваченный безумной любовью к даме, он стал порицать себя за столь безрассудную мысль и решил ни в коем случае не покидать Верону. Иной раз на него находили сомнения, и он говорил себе: «Зачем я буду следовать за ней повсюду, если это не сулит мне никакой радости? Не нужно мне сопровождать ее в церковь и бывать там, где она. Быть может, пламя моей любви постепенно угаснет, если я не буду видеть ее прекрасных очей». Но — увы! — все рассуждения его были тщетны, ибо чем суровее она была и чем меньше надежды у него оставалось, тем крепче становилась его любовь, и стоило ему не повидать своей дамы лишь один день, он начинал испытывать мучения. Он был столь упорен и настойчив в своей страсти, что некоторые друзья его стали опасаться, не зачахнет ли он, и много раз любовно увещевали его отказаться от этой затеи. Но Ромео так же мало обращал внимания на их слова, как дама на его ухаживания.

Был среди друзей Ромео юноша, который крайне сокрушался, что тот влюблен без всякой надежды на взаимность и губит себя в цвете лет. Однажды он так ему сказал:

— Ромео, я люблю тебя как брата, мне горько видеть, что ты таешь, словно снег на солнце. Разве ты не замечаешь, что все твои старания напрасны и склонить к любви свою милую ты не можешь, ибо с каждым днем она становится все суровее; зачем же ты зря терзаешься? Ведь безумие желать того, чего не только трудно, но и невозможно добиться. Неужели ты не видишь, что ни ты сам, ни твоя любовь ей не нужны? Быть может, у нее есть любовник, и она не оставит его ради самого императора. Ты молод и первый красавец в нашем городе. Ты — я могу тебе это сказать прямо в глаза и без всякой лести — обходителен, смел и, кроме того, обладаешь тем, что более всего украшает юность, — ты образован. К тому же ты единственный сын, а насколько богат твой отец — знает каждый. Быть может, он несколько скуповат с тобой и бранится, глядя на твои сумасбродные траты?

Но он ведь трудится для тебя не покладая рук и разрешает тебе делать все, что ты пожелаешь. Очнись же и взгляни на свои заблуждения: сбрось с глаз пелену, скрывающую тот путь, который тебе уготован; соберись с духом и пусть твоей госпожой будет та, которая этого достойна. Ты гневаешься справедливо, и гнев твой сильнее самой любви. Сейчас время праздников и карнавалов: ходи же повсюду, и если случайно ты увидишь ту, ухаживая за которой ты напрасно убил столько времени, отвернись от нее: посмотри лучше в зеркало твоей любви, и там ты найдешь награду за все свои мучения, ибо тебя охватит такой справедливый и разумный гнев, что он обуздает твою страсть и ты почувствуешь себя свободным.

Верный друг Ромео такими и всякими иными рассуждениями, которых я не привожу, пытался отвлечь его от безнадежной любви. Ромео терпеливо выслушал речи друга и решил его мудрые слова претворить в дела. Вот почему он стал посещать всевозможные празднества, и когда встречал свою неумолимую даму, не опускал глаз, а наоборот, любовался и приглядывался к другим женщинам, выбирая ту, что ему больше по сердцу, словно пришел на ярмарку прицениться к лошадям или одежде.

Как уже сказано, случилось в эти дни, что Ромео в маске отправился на праздник к Капеллетти, и хотя они были недругами, все же оскорбленными себя не сочли. Долгое время Ромео оставался в маске, потом снял ее и сел в угол, откуда мог видеть всех находящихся в зале, которая освещалась множеством факелов и где было светло, как днем. Гости с любопытством смотрели на Ромео, особенно женщины, удивляясь, как он мог так бесстрашно показаться в этом доме. Ромео был всеобщим любимцем, ибо, кроме того, что был красивейшим юношей, он отличался хорошими манерами и благородством. Даже враги его были к нему менее суровы, снисходя к его летам. Итак, Ромео стал приглядываться к прекрасным дамам, бывшим на празднике, выражая свое мнение то об одной, то о другой, и, развлекаясь таким образом, не хотел танцевать. Как вдруг его взгляд остановился

на девушке необыкновенной красоты, которую он не знал раньше. Девушка безмерно понравилась Ромео, и он рассудил, что в жизни ему еще не доводилось видеть столь очаровательного и прекрасного создания. Ему казалось, что чем больше он смотрит на девушку, тем краше она становится, и он никак не мог оторвать от нее своих восхищенных глаз. Он чувствовал огромную радость от лицезрения ее и решил во что бы то ни стало добиться ее благосклонности и любви. И старое чувство, побежденное новым, уступило место этому внезапно вспыхнувшему пламени, которое угасло лишь со смертью юноши. Очувтившись в этом запутанном лабиринте, Ромео не решался даже разузнать, кто эта девушка, а лишь упивался ее красотой, внимательно следя за каждым ее движением, каждой черточкой лица, вкушая сладостный яд любви.

Ромео, как уже сказано, сидел в углу, и все танцующие проходили мимо него. Джульетта, так звали девушку, столь приглянувшуюся Ромео, была дочерью хозяина дома и душой торжества. Она тоже не знала Ромео, но он показался ей самым привлекательным и красивым юношей из всех живущих на свете, и она любовалась им, украдкой поглядывая на него, а сердце ее переполнялось неизъяснимым волнением и радостью. Девушке очень хотелось, чтобы Ромео принял участие в танцах: тогда они смогла бы лучше его рассмотреть и услышать его голос, ибо ей казалось, что речи его должны быть столь же нежны, сколь нежны были взгляды, которые он, не переставая, бросал на нее. Но Ромео сидел в одиночестве в углу и не выказывал никакого желания танцевать. Он был целиком поглощен тем, что, не отрывая глаз, смотрел на прекрасную девушку, а она тоже не могла наглядеться на него. Когда их взгляды встречались, они начинали страстно вздыхать, и в глазах их горело такое пламя, что видно было, какая сильная любовь их волнует. Казалось, они хотят лишь одного — остаться наедине и излить друг другу свои пламенные чувства.

Пока они пребывали в таком состоянии, любуясь друг другом, танцы окончились и затеяли хоровод с «венком», или, как его

называют другие, с «гирляндой». Когда игра началась, некая дама пригласила Ромео; войдя в игру, Ромео стал делать то, что полагалось, и, передав венок одной из дам, подошел к Джульетте, как того требовал порядок игры, и взял ее за руку к невыразимому обоюдному удовольствию. Джульетта оказалась между Ромео и Маркуччо, прозванным «косоглазым». Он был придворным и славился своей учтивостью; все его любили за острый язык и всякие прибаутки, ибо у него была всегда наготове какая-нибудь веселая выдумка, дабы рассмешить компанию, и он умел позабыться, не обижая никого. Между прочим, у него и зимой, и летом, и в остальные времена года руки были холоднее, чем альпийский лед, и сколько бы он ни старался их согреть у огня, всегда они оставались холодными. Джульетта, у которой с левой стороны был Ромео, а с правой Маркуччо, почувствовав, что ее милый взял ее за руку, желая вызвать его на разговор, обратилась к нему с оживленным лицом и трепещущим голосом сказала:

— Да будет благословен тот миг, когда вы оказались рядом со мной! — И с этими словами она нежно пожала руку Ромео. Юноша тоже тихонько сжал ей руку и так ей ответил:

— Мадонна, за что вы меня благословляете? — потом посмотрел на нее умоляющими глазами и, наклонившись к ее устам, глубоко вздохнул.

Тогда Джульетта, сладостно улыбнувшись, сказала:

— О, не удивляйтесь, благородный юноша, что я благословляю ваш приход: мессер Маркуччо своей холодной рукой меня совсем заморозил, а вы, по милости вашей, согрели меня нежным рукопожатием.

На что Ромео, не задумываясь, ответил:

— Мадонна, то, что я мог доставить вам приятность каким бы то ни было способом, меня безмерно радует, и я ничего другого в мире так не желаю, как услужить вам, и буду почитать себя счастливым, если вы соблаговолите приказывать мне, как вашему последнему слуге. Если моя рука вас согревает, то огонь ваших прекрасных глаз воспламенил меня, и если вы не поможете мне

потушить этот пожар, не пройдет и минуты, как я весь сгорю и обращусь в пепел.

Не успел он произнести последние слова, как игра с «венком» кончилась. Поэтому Джульетта, загоревшаяся любовью, со вздохами пожимая ему руку, успела только промолвить в ответ:

— Увы, что могу я вам сказать, кроме одного, что я больше принадлежу вам, чем себе самой!

Ромео, когда гости стали расходиться, задержался, чтобы проследить, куда направится девушка; но немного ему понадобилось времени, чтобы убедиться, что Джульетта — дочь хозяина дома; к тому же это подтвердил один из его благожелателей, когда он расспрашивал его о присутствующих дамах. Это открытие повергло Ромео в страшное отчаяние. Он понял, сколь опасно и трудно ему будет добиться желанного исхода своей любви. Но рана уже открылась, и любовный яд постепенно проникал в нее. В свою очередь Джульетта жаждала узнать, кто же тот юноша, во власти которого она целиком оказалась. Она позвала свою старую кормилицу, вошла в комнату и, подойдя к окну, через которое проникал свет факелов с улицы, стала расспрашивать ее: кто тот юноша в пышной одежде, и тот, который не выпускает из рук шпагу; потом спросила, а кто тот красавец, который держит маску в руке. Добрая старушка, которая была обо всех наслышана, всех назвала по имени и, отлично зная Ромео, назвала и его. Девушка при упоминании имени Монтеки вся замерла: отчаяние овладело ее душой — Ромео никогда не будет ее мужем по причине смертельной вражды между двумя семействами; однако она и виду не подавала и пошла спать. В эту ночь она почти не сомкнула глаз; тысячи разнообразных мыслей проносились у нее в голове; но отказаться от своего чувства к Ромео она не могла и не хотела, ибо загорелась к нему сильной любовью. Перед ее очами вставала неотразимая красота Ромео, и чем труднее и опаснее представлялось ей положение, тем больше, с потерей надежды, возрастала в ней страсть. Так, борясь с двумя противоположными мыслями, из которых одна укрепляла Джульетту в ее намерении,

другая же отрезала все пути к счастью, она, не переставая, твердила себе:

— Боже, куда я позволяю унести себя моим неумеренным желаниям? Кто я? Разве Ромео может любить меня?! Какая я глупенькая! Быть может, хитрый юноша шептал мне слова любви, чтобы обмануть и получить от меня желаемое, а потом насмеяться надо мной, как над потаскушкой? Быть может, это месть за ту вражду, что с каждым днем растет меж нашими семьями? Но нет, он слишком великодушен, чтобы насмеяться над той, что любит и обожает его. Если подлинно лицо есть зеркало души, значит красота его обманчива, раз она скрывает жестокое и злое сердце; нет, я хочу надеяться, что от такого прекрасного юноши можно ожидать лишь любви, благородства и учтивости. Допустим, что он действительно меня любит и хочет назвать своей женой, — разве я могу не понимать того, что отец мой никогда на это не согласится? Но, кто знает, быть может, это родство принесет прочный мир и согласие нашим семьям? Я часто слышала, что браки способствовали воцарению мира не только между простыми людьми, но и синьорами и даже приводили к желанному для всех примирению и согласию между враждовавшими друг с другом могущественными властителями и королями. Быть может, я буду той, которая принесет мир нашим семьям.

Утвердившись в этой мысли, она всякий раз, когда видела Ромео проходящим мимо по улице, приветствовала его с радостным лицом. И это было для него величайшим счастьем. Ромео, подобно Джульетте, вел бесконечную борьбу со своими мыслями, переходя от надежды к отчаянию. С превеликой опасностью для себя днем и ночью ходил он под окнами своей возлюбленной. Но приветливые взгляды, которые Джульетта бросала ему, все более воспаляли его и притягивали к этой улице.

Окна в комнате Джульетты выходили в узенький проулок, а напротив них находился какой-то старый заброшенный дом. Когда Ромео, свернув с главной улицы, достигал этого проулка, он очень часто еще издали видел Джульетту у окна, и всякий раз, как он с

ней встречался глазами, она улыбалась и всем своим видом показывала, что безмерно рада ему. Часто ночью Ромео приходил туда и подолгу стоял, ибо место это было уединенное, и он мог, хотя изредка, слышать голос Джульетты за окном. Случилось однажды, что Ромео пришел сюда поздно ночью: то ли почувствовала это девушка, то ли по какой иной причине, но она открыла окно. Ромео спрятался за старым домом, но Джульетта успела его признать, ибо луна своим ярким светом заливала проулок. Девушка, будучи одна в комнате, робко позвала его и сказала:

— Ромео, что делаете вы здесь один в столь поздний час? Несчастный вы, если вас схватят, что станет с вашей молодой жизнью? Разве вы не знаете о жестокой вражде между нашими семьями, вспомните, сколько людей уже погибло. Разумеется, и с вами могут здесь жестоко расправиться, от чего мне будет мало чести, а вам лишь непоправимая утрата.

— Синьора моя, — отвечал Ромео, — любовь — причина того, почему я здесь в такой поздний час. Я не сомневаюсь, что, если ваши найдут меня, они убьют меня на месте. Но я буду пытаться, насколько слабые силы мои это позволят, исполнить свой долг, и если увижу, что окружен со всех сторон, я умру, но умру не один. Да и: пусть меня убьют, занятого делами любви, — разве может быть более счастливая смерть, чем пасть мертвым к вашим ногам? Никогда не будет того, чтобы я бросил хоть малейшую тень на вашу честь, и, чтобы сохранить ее незапятнанной и чистой, я готов заплатить собственной кровью. Но если вы любите меня не менее, чем я вас, и дорожите жизнью моей, как я вашей, отбросьте все препятствия и сделайте меня самым счастливым человеком на свете.

— А что вы хотите, чтобы я сделала? — спросила Джульетта.

— Я хочу, — отвечал Ромео, — чтобы вы любили меня, как я вас, и разрешили мне войти в вашу комнату, дабы я мог с меньшей опасностью поведать вам о своей любви и о тех муках, что я из-за вас терплю.

На это Джульетта, объятая гневом и возмущением, сказала:

— Ромео, вы знаете свою любовь, так же как я — свою. Я знаю, что люблю вас, как только сердце способно любить и, вероятно, больше, чем мне это пристало. Но говорю вам, если вы рассчитываете соединиться со мной не законными брачными узами, вы сильно ошибаетесь и согласия моего не ждите. И так как я знаю, что, показываясь здесь слишком часто, вы легко можете попасть в ловушку, расставленную злыми людьми, после чего я уже никогда не буду веселой, я решила, что, если вы так же хотите быть моим, как я вашей, вы должны назвать меня своей женой. Если вы женитесь на мне, я всегда буду готова сопровождать вас, куда вы только пожелаете. Если же вы питаете другие надежды, ступайте и занимайтесь вашими делами, а меня оставьте здесь жить в мире.

Ромео, не мечтавший ни о чем другом, услышав эти речи, радостно ответил, что это единственное его желание и он готов в любую минуту обвенчаться с ней, стоит ей только приказать, где и когда.

— Вот теперь все хорошо, — сказала Джульетта. — Но так как я хочу, чтобы все у нас было по чести, пусть наш брак благословит почтенный фра Лоренцо из Реджио, мой духовник.

На этом они и порешили, и Ромео на следующий день должен был условиться с монахом, который был с ним в тесной дружбе.

Был этот монах из ордена миноритов, знаток теологии, философ и большой искусник во многих вещах, чудодей, знающий тайны магии и колдовства. А так как добрый монах хотел пользоваться хорошей славой в народе и наслаждаться теми радостями, какие были ему по душе, он старался своими делами заниматься осторожно и, на всякий случай, всегда искал опоры в людях знатных и пользующихся авторитетом. В Вероне среди друзей монаха был также и отец Ромео, слывший за человека очень достойного и глубоко уважаемый всеми. В его глазах монах был святейшим человеком. Ромео тоже весьма чтит монаха, а тот его очень любил, так как считал рассудительным и храбрым юно-

шей. Монах не только был духовником семьи Монтекки, но и с Капеллетти поддерживал тесную дружбу; у него исповедовалась большая часть знатных мужчин и дам города.

Распростившись с Джульеттой и получив от нее наказ, Ромео вернулся домой. Когда наступил день, он направился в монастырь Сан-Франческо, рассказал монаху историю своей любви и сообщил о решении, принятом им и Джульеттой. Фра Лоренцо, выслушав Ромео, обещал ему сделать все, что тот пожелает. Не мог он ему отказать ни в чем, да к тому же монаху представлялось, что таким путем можно будет примирить Монтекки и Капеллетти и заслужить милость синьора Бартоломео, который безмерно желал, чтобы эти два семейства прекратили вражду и в городе кончились бы междоусобицы.

Оба влюбленных только ждали случая, чтобы исповедаться и совершить то, что задумали.

Пришло время поста, и Джульетта, чтобы иметь наперсницу в своих делах, решила открыться старой кормилице, которая спала с ней в комнате, и, улучив подходящий момент, поведала ей историю своей любви. Хотя старуха бранила ее и всячески умоляла отказаться от этой затеи, все было тщетно, и в конце концов Джульетте удалось упросить ее отнести письмо к Ромео. Влюбленный, прочтя письмо, ощутил себя самым счастливым человеком в мире, ибо Джульетта писала ему, чтобы в пять часов ночи он пришел к окну, что против старого дома, и захватил с собой веревочную лестницу. Был у Ромео преданнейший слуга, которому он доверялся в самых важных делах, и тот всегда оказывался исполнительным и честным. Ему-то Ромео и рассказал о своем намерении, велел достать веревочную лестницу и, отдав необходимые распоряжения, в условленный час отправился с Пьетро — так звали слугу — туда, где его поджидала Джульетта. Завидев Ромео, она бросила вниз заранее приготовленную веревку и, после того как лестница была прикреплена к ней, стала тянуть ее вверх. Потом с помощью старухи Джульетта крепко-накрепко привязала лестницу к железной решетке и стала поджидать сво-

его возлюбленного. Ромео смело поднялся по лестнице, а Пьетро спрятался в доме напротив. Добравшись до окна, где были очень частые и крепкие решетки, так что рука и та с трудом могла пролезть, Ромео повел беседу с Джульеттой. После взаимных любовных приветствий она так сказала своему возлюбленному:

— Синьор мой, вы дороже мне, чем свет очей моих, я просила вас прийти, чтобы сказать вам, что моя мать решила отправиться со мной к исповеди в следующую пятницу в час богослужения. Предупредите фра Лоренцо, пусть он обо всем позаботится.

Ромео ответил, что монах обо всем осведомлен и согласен сделать все, что они хотят. Долго говорили они о своей любви, а когда пришла пора расставаться, Ромео спустился вниз. Отвязали лестницу, и он удалился вместе с Пьетро. Джульетта пребывала в веселом расположении духа, и часы, оставшиеся до свадьбы, казались ей бесконечно долгими. В свою очередь Ромео, беседуя со своим слугой, не чувствовал под собою ног от счастья. Наступила пятница, и, как было условлено, мадонна Джованна, мать Джульетты, взяла с собой дочь и служанок и отправилась в монастырь Сан-Франческо, что тогда находился в крепости; войдя в церковь, она попросила позвать фра Лоренцо. Предупрежденный обо всем, он уже заранее спрятал Ромео в своей исповедальне и, заперев его там, вышел к матери Джульетты, которая так ему сказала:

— Падре¹, я пришла спозаранку и привела с собой Джульетту, ибо знаю, что вы будете целый день исповедовать ваших духовных детей.

Монах ответил, что он делает это во имя божие, и, благословив их, пошел внутрь монастыря и затем в исповедальню, где находился Ромео. Джульетта первая должна была предстать перед монахом. Она вошла в исповедальню, закрыла дверь и подала монаху знак, что готова. Фра Лоренцо быстро поднял решетку окошечка и после положенных приветствий сказал Джульетте:

¹ Отец (итал.) — обращение к духовному лицу в Италии.

— Дочь моя, по словам Ромео, ты изъявила согласие быть его женой, как он твоим мужем. Не изменили ли вы своего намерения?

Влюбленные отвечали, что они только этого и желают. Монах, выслушав волю обоих, произнес несколько слов в похвалу таинства брака, потом прочел молитвы, полагающиеся по уставу церкви в таких случаях, а Ромео надел на палец своей дорогой Джульетте кольцо, к великой радости обоих. Условившись этой же ночью встретиться, Ромео поцеловал Джульетту через отверстие в окошечке, тихонько вышел из исповедальни и, покинув монастырь, радостный отправился по своим делам. Монах снова опустил решетку на окошечке и, пристроив ее так, чтобы никто не заметил, что она была поднята, приступил сначала к исповеди счастливой девушки, потом матери ее и остальных женщин. Пришла ночь, и в назначенный час Ромео со своим слугой очутились у стены сада. Ромео взобрался на стену и оттуда спрыгнул в сад, где его уже поджидала Джульетта со старой кормилицей. Увидев Джульетту, Ромео бросился к ней, раскрыв объятия. Девушка тоже кинулась ему навстречу, и долгое время стояли они обнявшись, не смея вымолвить ни слова. С невыразимой радостью и бесконечным блаженством они стали осыпать друг друга поцелуями. Потом удалились в один из уголков сада и здесь, на скамье, страстно заключив друг друга в объятия, закрепили и завершили свой брак. Они порешили снова встретиться, а тем временем сообщить обо всем мессеру Антонио, чтобы заключить мир и родственный союз между семьями, и Ромео, тысячеюкратно поцеловав свою жену, покинул сад, полный радостных надежд и размышляя так:

— Разве есть на свете человек счастливее меня? Кто может соперничать со мной в любви? Кто обладал когда-либо столь прелестной девушкой?

Джульетта тоже была упоена своим блаженством, ибо ей казалось, что на свете не сыскать юноши краше Ромео, учтивее, благороднее его и обладающего столь же многими приятными ее сердцу достоинствами. Она ждала с страстным нетерпением, чтобы

дело обернулось так, как им хотелось, и она могла бы без всякой боязни наслаждаться счастьем со своим Ромео. Случалось, что супруги проводили дни вместе, а бывало, что и нет. Фра Лоренцо всячески старался примирить Монтекки и Капеллетти, и дело как будто шло к хорошему концу; он уже надеялся, что семьи породнятся к обоюдному удовлетворению.

Был праздник воскресения господня, когда вышло так, что на Корсо неподалеку от ворот Борсари, ведущих в сторону Кастельвекко, многие из рода Капеллетти повстречались с Монтекки и напали на них с оружием в руках. Среди Капеллетти был Тебальдо, двоюродный брат Джульетты, юноша храбрый, побуждавший своих действовать смелее и не щадить никого из Монтекки. Разгорелась схватка, на помощь той и другой стороне подоспели вооруженные люди, и все так распалились, что без разбору стали наносить друг другу удары. Случайно здесь оказался Ромео, который с несколькими друзьями, не считая слуг, направлялся на прогулку по городу. Увидя, что его родственники схватились с Капеллетти, он сильно взволновался; он знал, что падре старается примирить их семьи, и не хотел, чтобы возникла ссора. Дабы несколько успокоить буянов, он своим слугам и друзьям во всеулышание сказал так:

— Братья мои, вмешаемся в эту драку и постараемся прекратить ее, заставив всех сложить оружие.

Ромео ринулся вперед, с силой стал расталкивать дерущихся людей и, поддержанный своими сторонниками, старался словом и делом положить конец побоищу. Однако ничто не помогало, ибо озлобление той и другой стороны было столь велико, что люди только и ждали случая как следует рассчитаться за старые обиды. Уже двое или трое из сражавшихся лежали на земле, а Ромео тщетно пытался утихомирить своих, когда внезапно наперерез ему выскочил Тебальдо и нанес ему сильный удар шпагой прямо в бедро. Но на Ромео была надета кольчуга, и шпага не могла пронзить и ранить его. Обернувшись к Тебальдо, он дружелюбно сказал ему:

— Тебальдо, ты заблуждаешься, если думаешь, что я пришел сюда затеять ссору с тобой и твоими людьми. Я оказался здесь случайно и хочу увести своих, желая только одного, чтобы мы жили друг с другом как хорошие граждане. Я прошу тебя, чтобы ты так же поступил со своими. Пусть не будет больше никаких столкновений, — ведь и так уже, к сожалению, пролилась кровь.

Эти слова Ромео были услышаны всеми, но Тебальдо либо не понимал того, что говорил Ромео, либо делал вид, что не понимает, и отвечал ему так:

— А, предатель, умри же! — и с яростью бросился на него сзади, пытаясь нанести удар в голову. Но Ромео, носивший всегда кольчугу с нарукавниками, мгновенно завернул левую руку в плащ и, занеся ее над головой, отбил удар и обратил острие шпаги против своего врага, пронзив ему насквозь горло. Тебальдо тут же ничком повалился на землю и умер. Поднялся невероятный шум, появилась стража подеста, и участники ссоры рассеялись.

Ромео, огорченный сверх всякой меры смертью Тебальдо, в сопровождении своих родичей и друзей поспешил в Сан-Франческо, чтобы там укрыться в келье фра Лоренцо. Добрый монах, услышав о смерти юного Тебальдо, пришел в отчаяние, видя теперь полную невозможность пресечь вражду между двумя семьями. Все Капеллетти отправились с жалобой к синьору Бартоломео. В свою очередь отец скрывшегося Ромео со старейшими Монтекки доказывали синьору Бартоломео, что Ромео прогуливался со своими друзьями и, случайно очутившись в том месте, где Капеллетти напали на Монтекки, вмешался в схватку, чтобы уладить дело миром; Ромео, уже раненный, говорил он, продолжал умолять Тебальдо увести своих и сложить оружие, но тот снова пытался напасть на него, что и послужило причиной случившегося. Так, обвиняя друг друга, обе стороны предстали перед синьором Бартоломео, с пеной у рта доказывая свою правоту. Хотя всем было ясно, что Капеллетти первыми затеяли ссору, и свидетели, достойные доверия, подтверждали слова Ромео, обращенные к его товарищам и к Тебальдо, все же синьор Бартоло-

мео, приказав всем сложить оружие, повелел изгнать Ромео из Вероны.

В доме Капеллетти горько оплакивали убитого Тебальдо. Джульетта рыдала, не осушая глаз. Но не смерть кузена оплакивала она, — сверх всякой меры ее печалила потерянная надежда на брак и мир между семьями, и она бесконечно горевала и убивалась, не зная, чем все это может кончиться. Узнав затем через фра Лоренцо, где находится Ромео, она написала ему письмо, облитое слезами, и, отдав его в руки кормилицы, просила передать монаху. Джульетта знала, что Ромео изгнан и что, по всей вероятности, ему придется покинуть Верону; она умоляла его взять ее с собой. Ромео ответил ей, прося ее успокоиться, обещая со временем обо всем позаботиться и сообщая, что он еще не решил, где будет искать убежища, но постарается быть как можно ближе к ней и перед отъездом сделает все возможное, чтобы свидеться с ней там, где она найдет это удобным. Джульетта выбрала как менее опасное то местечко в саду, где она познала первые радости любви, и в условленную ночь Ромео, взяв оружие, с помощью фра Лоренцо вышел из монастыря и в сопровождении верного Пьетро направился к своей супруге. Джульетта встретила его в саду, обливаясь слезами. Долгое время они не могли произнести ни слова и, упиваясь поцелуями, глотали неудержимые слезы, которые ручьями текли по их лицам. Потом, сетуя, что они должны вскоре расстаться, они только и делали, что оплакивали свою горькую судьбу, без конца обнимались и целовались, предаваясь всем наслаждениям любви. Приближался час расставания, и Джульетта обратилась к супругу со страстными мольбами, чтобы он взял ее с собою.

— Мой дорогой повелитель, — говорила она, — я обрежу свои длинные волосы, оденусь в мужское платье, и куда бы вы только ни уехали, я всегда буду рядом с вами, с любовью служа вам. Разве может быть более верный слуга, чем я? О дорогой мой супруг, окажите мне эту милость и дозвоьте разделить вашу судьбу.

Ромео как только мог утешал ее ласковыми словами и всячески успокаивал, уверяя, что в скором времени изгнание его будет отменено, ибо властитель уже подал надежду его отцу. И что если он думает взять ее с собою, то повезет ее не в одежде пажа, а как свою супругу и госпожу в сопровождении подобающей свиты. Он убеждал ее, что все равно изгнание больше года не продлится, и если за это время мир меж их семьями не наступит, то синьор сам возьмется за это дело, — тогда волей-неволей врагам придется помириться. Если же он увидит, что дело затягивается, он примет другое решение, ибо не может и помыслить о том, чтобы долгое время быть без нее. Они условились извещать друг друга обо всем письмами. Много слов еще сказал Ромео, чтобы успокоить свою жену, но безутешная Джульетта только и делала, что плакала. В конце концов, когда забрезжила заря, влюбленные обнялись, крепко расцеловались и, обливаясь слезами и вздыхая, предали себя воле божией. Ромео вернулся в Сан-Франческо, Джульетта — в свою комнату. Через два или три дня Ромео в одежде чужеземного купца тайком покинул Верону и в окружении своих верных слуг направился в Мантую. Там он нанял дом, ибо отец не отказывал ему в деньгах, и зажил, окруженный почетом, как ему это пристало.

Джульетта целыми днями только и делала, что лила слезы да вздыхала, почти не ела, не знала сна, и ночи ее были похожи на дни. Мать, видя слезы дочери, много раз спрашивала ее о причине ее дурного расположения духа, говорила, что пора положить конец слезам и перестать оплакивать смерть Тебальдо. Джульетта отвечала, что она не знает сама, что с ней. Однако стоило ей остаться одной, как она вновь предавалась своему горю. По этой причине она похудела и стала столь печальной и унылой, что почти ничем не походила на прежнюю красавицу Джульетту. Ромео письмами поддерживал и утешал ее, подавая надежду, что скоро-скоро они снова будут вместе. Он горячо просил ее быть веселой и не сомневаться, что все обойдется как нельзя лучше. Однако ничто не помогало, ибо без Ромео она не могла найти

лекарства от своих мучений. Мать думала, что печаль девушки происходит оттого, что некоторые ее подруги уже замужем и Джульетта тоже хочет обзавестись мужем. Эта мысль запала ей в голову, она поделилась ею с мужем и сказала:

— Супруг мой, жизнь нашей дочери очень грустна, она только и делает, что плачет и вздыхает, избегая всяких разговоров с посторонними. Я много раз спрашивала ее о причине такой скорби, но путного ничего не узнала. На все она отвечает, что сама не ведает причины, а все домочадцы только пожимают плечами и не знают, что сказать. Сдастся мне, что какая-нибудь сильная страсть ее терзает, ведь она тает на глазах, словно воск от огня. Я перебрала уже тысячу причин, и вот что мне пришло в голову: все ее подруги после последнего карнавала вышли замуж, а с ней никто и не заговаривает о браке. Вот откуда ее грусть. В день святой Евфимии ей минет восемнадцать лет; так вот, супруг мой, мне хотелось бы замолвить тебе словечко. Пора тебе позаботиться о том, чтобы найти ей хорошую партию, уважаемого человека и не оставлять ее без мужа, ибо это не такой товар, чтобы держать его дома.

Выслушал мессер Антонио речи жены своей, и они ему показались не лишенными здравого смысла, и он так ответил ей:

— Супруга моя, так как ты не видишь никакой другой причины тоски нашей дочери и считаешь, что ее надлежит выдать замуж, я сделаю все, что сочту нужным, чтобы найти ей мужа, достойного нашего рода. Ты же тем временем постарайся разузнать, не влюблена ли она ненароком, и кого ей хотелось бы в мужья.

Мадонна Джованна сказала, что сделает все возможное, и своими расспросами не оставляла в покое ни дочь, ни домочадцев, но так ничего и не узнала. Как раз в это время мессер Антонио познакомился с графом Парисом ди Лодроне, юношей двадцати четырех — двадцати пяти лет, красивым собой и богатым. Решив, что это самая подходящая партия для Джульетты, он, не без надежды на хороший исход, сказал об этом жене. Той этот брак показался достойным и даже почетным; она сказала обо всем

дочери, но та пришла в безмерное отчаяние и печаль. Мадонна Джованна, увидя это, крайне огорчилась, не будучи в состоянии разгадать причины такого поведения. Долго она уговаривала Джульетту и наконец сказала:

— Итак, дочь моя, я вижу, что ты не хочешь выходить замуж.

— Нет, я не пойду замуж, — отвечала Джульетта матери, прибавив, что если та ее любит и жалеет, то не станет принуждать ее к замужеству.

Мать, выслушав ответ дочери, сказала ей:

— Что же с тобой станется, если ты не пойдешь замуж? Ты что, желаешь остаться старой девой? Или пойти в монастырь? Скажи мне, душа моя!

Джульетта отвечала, что она не собирается ни оставаться старой девой, ни идти в монастырь, просто она сама не знает, чего хочет, разве только одной смерти. Мать была крайне удивлена и огорчена этим ответом и не знала, что говорить, а еще менее — что делать. Все домочадцы только и судачили о том, что Джульетта после смерти Тебальдо всегда печальна, не переставая плачет и никогда не показывается у окна. Мадонна Джованна обо всем рассказала мессеру Антонио. Он позвал к себе дочь и после многих увещеваний сказал ей:

— Дочь моя, видя, что ты уже на выданье, я нашел тебе мужа весьма благородного, богатого и красивого. Это граф Лодроне. Поэтому готовься выйти за него и сделать то, что мне угодно, ибо столь достойную партию не так легко сыскать.

На все это Джульетта с необыкновенной смелостью, столь не свойственной такой девочке, решительно отвечала, что она замуж не пойдет. Отец сильно разгневался и готов был даже побить дочь. Он сурово угрожал ей и осыпал бранными словами, а в заключение сказал, что хочет она или нет, но через три-четыре дня она отправится с матерью и другими родственниками в Виллафранка, ибо туда прибудет Парис со своими друзьями, чтобы поглядеть на нее, и пусть она не возражает и не противится, если не хочет, чтобы он изувечил ее и сделал самой несчастной де-

вушкой на свете. Каково было состояние Джульетты, каковы были ее мысли, это поймет каждый, кого сжигало когда-нибудь любовное пламя. Она была так ошеломлена, словно ее поразили молния и грома небесные. Придя в себя, она тут же через посредство фра Лоренцо сообщила грустную весть Ромео. Тот ответил ей, чтобы она не теряла присутствия духа, ибо в скором времени он приедет за ней и заберет ее с собой в Мантую.

Джульетту почти насильно увезли в Виллафранка, где у ее отца было прекраснейшее имение. Девушка поехала туда с такой же охотой, с какой приговоренные к смерти идут на виселицу. Туда прибыл и граф Парис, который увидел Джульетту в церкви во время мессы, и, хотя она была похудевшей, побледневшей и печальной, все же она приглянулась ему, и он отправился в Верону, где договорился с мессером Антонио о заключении брачного союза. Джульетта тоже вскоре вернулась в Верону, и отец сообщил ей о договоре с графом Парисом, убеждая не противиться и быть в хорошем расположении духа. На это Джульетта ничего отцу не ответила, удерживая слезы, готовые брызнуть из глаз, и стараясь овладеть собой. Узнав, что свадьба назначена на середину сентября, и не зная, к кому обратиться за помощью в столь трудном деле, она решила отправиться к фра Лоренцо и посоветоваться с ним, как ей отказаться от нареченного жениха.

Приближался торжественный праздник успения благословеннейшей девы Марии, матери нашего спасителя; Джульетта, воспользовавшись этим случаем, пошла к мадонне Джованне и так сказала ей:

— Мама моя милая, я не знаю, откуда взялась эта тяжелая тоска, что давит меня, ибо после смерти Тебальдо я не нахожу себе места и с каждым днем становлюсь все печальнее, и нет на свете ничего, что могло бы порадовать меня. И вот я решила в святой праздник успения нашей заступницы девы Марии исповедаться. Быть может, с ее помощью я найду успокоение моим страданиям. Что скажете вы на это, дорогая моя мама? Должна ли я сделать то, что мне запало в душу? Если вам кажется, что

мне надлежит принять иное решение, научите меня, ибо я другого ничего придумать не могу.

Мадонна Джованна, будучи женщиной доброй и крайне набожной, с радостью согласилась на решение дочери, вполне одобряя его и всячески расхваливая ее намерение.

Итак, собрав своих домочадцев, они отправились в Сан-Франческо и, прибыв в монастырь, просили позвать фра Лоренцо, который не замедлил прийти в исповедальню. Джульетте удалось проскользнуть туда, и, очутившись перед своим духовным отцом, она так сказала ему:

— Падре, нет на свете человека, который лучше вас знал бы, что произошло между мной и моим супругом, поэтому нет нужды об этом распространяться. Вы должны еще помнить письмо, которое я послала моему Ромео: вам надлежало прочесть его и переслать ему. Там я писала, что отец мой прочит мне в мужья графа Париса ди Лодроне. На что Ромео мне ответил, что придет и все уладит, но когда — один бог знает! Теперь дело обстоит так, что в наступающем сентябре назначена моя свадьба, и я получила строгий наказ быть готовой. Время приближается, а я не вижу способа, как мне освободиться от этого Лодроне, который и в самом деле мне представляется разбойником и губителем¹, ибо он хочет похитить чужое добро. Я пришла к вам сюда за советом и помощью. Я не хочу довольствоваться этим «приеду и все улажу», как пишет мне Ромео, ибо я жена его и заключила с ним брачный союз; я буду принадлежать только ему и никому другому. Но мне нужна ваша помощь и совет. Выслушайте же меня. Вот что мне пришло в голову. Я хотела бы, падре, чтобы вы достали мне чулки, куртку и остальные принадлежности одежды мальчика и помогли мне поздно вечером или рано поутру покинуть Верону и, никем не узнанной, отправиться в Мантую и укрыться в доме моего Ромео.

¹ Lodrone, родовое имя графа Париса, созвучно с ladrone, что по-итальянски значит «разбойник», «бандит».

Монах, услышав об этой не совсем ловко задуманной затее, которую он не одобрял, сказал:

— Дочь моя, твое намерение нельзя привести в исполнение, ибо ты подвергаешь себя чересчур большой опасности. Ты слишком молода, воспитана в довольстве, тебе трудно будет перенести тяготы путешествия; ведь потребуются идти пешком. Ты не знаешь дороги и можешь легко заблудиться. Твой отец немедленно, не найдя тебя дома, пошлет за тобой погоню ко всем воротам города и по всем дорогам, и, разумеется, тебя легко найдут. Когда тебя приведут домой, отец захочет узнать, что за причина твоего бегства, да еще в мужской одежде. Я не знаю, как перенесешь ты все угрозы, а может статься, даже побои родителей, и, хотя ты сделаешь все, чтобы свидеться с Ромео, действуя этим способом, ты потеряешь всякую надежду когда-либо увидеть его.

На благоразумные слова монаха Джульетта, несколько успокоившись, отвечала:

— Я вижу, падре, что намерение мое вам не по душе, и я вам верю; посоветуйте же и научите, как мне развязать тот запутанный узел, в котором я, несчастная, очутилась, и как мне с наименьшими страданиями свидеться с моим Ромео, ибо без него мне нет жизни. И если вы мне никак помочь не можете, то по крайней мере помогите мне не быть ничьей женой, раз я не могу принадлежать Ромео. Он мне говорил, что вы великий знаток трав и всяких иных лекарств и умеете делать настойку, которая через два часа без всякой боли умерщвляет человека. Дайте мне ее в таком количестве, чтобы я могла избежать рук этого разбойника и губителя, ибо другим способом вы не вернете меня Ромео. Он любит меня так же, как и я его, и согласится скорей видеть меня мертвой, чем в объятиях другого. Вы избавите меня и всю мою семью от величайшего позора, ибо, если нет иного пути спасти мое утлое суденышко, которое носится без руля по этому бушующему морю, я даю вам слово и сдержу его, что однажды ночью острым кинжалом покончу с собой, вскрыв вены на шее, ибо я лучше умру, чем нарушу клятву супружеской верности, данную Ромео.

Монах был человек многоопытный, исколесил на своем веку много стран и повидал множество диковинных вещей; особенно хорошо ведомы ему были свойства трав и камней, и был он одним из величайших знатоков магии тех времен. Он умел составлять снотворное из смеси всяких трав, которую превращал в мельчайший порошок, обладающий чудесной силой: если развести его в воде и выпить, человек через полчаса засыпал таким крепким сном и все чувства его настолько притуплялись, что даже самый ученый и опытный медик не мог бы сказать, что человек этот жив.

В таком оцепенении человек мог пробыть сорок, а иногда и больше часов — в зависимости от количества принятого порошка и состояния организма. Когда действие порошка прекращалось, принявший его — будь то мужчина или женщина — просыпался как ни в чем не бывало, словно после долгого сладкого сна.

Услышав о смелом намерении безутешной молодой женщины, монах, движимый жалостью, еле сдерживая слезы, печальным голосом сказал:

— Послушай, дочь моя, не говори о смерти, ибо уверяю тебя, что раз ты умрешь, ты уже никогда больше на землю не вернешься, разве лишь в день страшного суда, когда все мертвые воскреснут. Я хочу, чтобы ты думала о жизни, пока будет угодно господу. Он дал нам жизнь и хранит ее, он же и возьмет ее, если на то будет его воля. Отгони же от себя эти мрачные мысли. Ты еще молода, ты должна наслаждаться жизнью и любовью со своим Ромео. Не сомневайся же, мы найдем средство спасти тебя. Как тебе ведомо, я в этом великолепном городе пользуюсь всеобщим почетом и уважением. Узнай люди, что я способствовал твоему браку, стыд и позор пали бы на меня. Что же будет со мной, если я дам тебе яд? Но яда у меня нет, да и имей я его, я все равно тебе его не дал бы, ибо это значило нанести смертельное оскорбление господу, и я потерял бы уважение всех. Ты, вероятно, слышала, что нет такого сколько-нибудь важного деяния, в котором не принял бы я участия; не прошло еще двух недель, как синьор города привлек меня к делу величайшего значения.

Поэтому, дочь моя, я охотно сделаю все для тебя и Ромео и ради твоего спасения буду стараться, чтобы ты принадлежала ему, а не этому Лодроне. Я не дам тебе умереть. Но надо, чтобы никто никогда о моей помощи не узнал. Будь же смелой и твердой и решишь сделать то, что я тебе прикажу. Вреда тебе никакого не будет. Слушай меня внимательно.

С этими словами монах показал Джульетте порошок, поведав ей о его чудесных свойствах и о том, что много раз он его испробовал и всегда порошок этот оказывал превосходное действие.

— Дочь моя, — сказал ей монах, — мой порошок столь чудодействен и обладает столь необыкновенной силой, что без вреда для твоего здоровья он усыпит тебя, как я тебе уже говорил, и во время твоего безмятежного сна ни один врач, будь то Гален, Гиппократ, Мезуе¹ или Авиценна и весь сонм величайших медиков, ныне существующих или живших когда-либо, увидя тебя и пощупав твой пульс, не смогут не признать тебя мертвой. Но когда ты проснешься в положенный час, ты встанешь такая же красивая и здоровая, как поутру встаешь с кровати. Ты выпьешь это снадобье, когда взойдет заря, и вскоре уснешь, а в час, когда все поднимаются, твои домочадцы, увидя, что ты еще спишь, захотят тебя разбудить и не смогут. Ты будешь без пульса и холодная как лед. Позовут врачей и родственников, и все будут, разумеется, считать тебя умершей, и к вечеру тебя положат в родовой склеп Капеллетти. Там ты будешь спокойно отдыхать всю ночь и следующий день. На вторую ночь я и Ромео придем за тобой, ибо я через посланца извещу его обо всем. Он тайком отвезет тебя в Мантую, и ты будешь скрываться там, покуда не наступит благословенный мир меж вашими семьями, и эта надежда дает мне силу добиваться его. Если ты не согласишься на мое предложение, тогда я не знаю, чем тебе еще можно помочь. Но слушай, как я уже сказал, ты должна все хранить в тайне, иначе ты повредишь и себе и мне.

¹ Арабский врач, автор фармацевтического трактата, очень распространенного в Италии XVI—XVII веков.

Джульетта ради своего Ромео готова была броситься в пылающий горн, а не то что очутиться среди мертвецов в склепе, и она полностью доверилась речам монаха, без всяких колебаний согласилась и так сказала ему:

— Падре, я сделаю все, что вы мне прикажете, и предаю себя вашей воле. Не сомневайтесь, я никому не скажу ни слова и буду все хранить в строжайшей тайне.

Монах без промедления побежал в келью и принес Джульетте щепотку порошка, завернутого в клочок бумаги. Молодая женщина взяла порошок, положила его в один из своих карманов и принялась осыпать благодарностями фра Лоренцо. Монах же с трудом мог поверить тому, что девочка сумеет проявить такую смелость и мужество и позволит себя запереть в гробнице среди мертвецов, и сказал ей:

— Скажи, дитя мое, ты не боишься Тебальдо, который так недавно был убит и теперь лежит в склепе; он, вероятно, уже издает зловоние.

— Падре, — отвечала Джульетта, — не беспокойтесь, если бы мне даже пришлось пройти все адские муки, чтобы обрести Ромео, я не побоялась бы и геенны огненной.

— Да пребудет с тобой господь, — сказал монах.

Джульетта, ликуя, вернулась к матери и по дороге из монастыря домой сказала ей:

— Мама, милая, верьте, что фра Лоренцо святой человек. Он так утешил меня своими ласковыми и святыми речами, что я почти избавилась от угнетавшей меня тоски. Он мне прочел по поводу моего состояния самое благочестивое наставление, какое только можно себе представить.

Мадонна Джованна, видя дочь повеселевшей и услышав ее слова, страшно обрадовалась, что она утешилась и успокоилась, и сказала ей:

— Дочь моя дорогая, да благословит тебя бог! Я так рада, так рада тому, что у тебя веселей на душе! Мы обязаны столь многим нашему духовному отцу! Возблагодарим же его и поддержим на-

шей милостьюней, ибо монастырь бедный, а он каждый день молит бога о нас. Вспоминай о нем почаще и посылай ему хорошие дары.

Мадонна Джованна полагала по притворно веселому виду Джульетты, что она действительно рассталась со своей прежней тоской. Она сказала об этом мужу, и оба, крайне довольные, перестали подозревать, что Джульетта в кого-то влюблена. Догадаться об истинной причине ее тоски они не могли, и им казалось, что этому виной смерть Тебальдо или еще какое-либо печальное событие. Родители считали Джульетту еще слишком юной и охотно, не будь задета их честь, года два-три держали бы ее при себе; но дело с графом зашло чересчур далеко, и отказ от того, что было уже твердо решено, мог вызвать большие разговоры.

Приближался назначенный день свадьбы, и для Джульетты приготовили пышные и богатые одежды и драгоценности. Поутру она встала веселой, смеялась и шутила, и часы казались ей годами, так хотелось ей поскорее выпить снотворный порошок. Пришла ночь, а на следующий день, в воскресенье, должно было состояться венчание. Джульетта, не говоря никому ни слова, приготовила стакан с водой и поставила его у изголовья своей кровати, так что кормилица ничего не заметила. Ночью она почти не сомкнула глаз, терзаемая противоречивыми мыслями. Когда забрезжил рассвет и ей надлежало выпить воду с порошком, внезапно представился ей Тебальдо с пронзенным шпагой горлом, истекающий кровью. Она подумала, что, быть может, ее похоронят рядом с ним, а вокруг гробницы будут лежать еще трупы и голые кости, и холод пронизал ее всю насквозь, по телу побежали мурашки, и, охваченная страхом, Джульетта задрожала, как листочек на ветру. Она покрылась ледяным потом, ибо ей казалось, что мертвецы разорвут ее на тысячи мелких кусочков. Охваченная невероятным ужасом, она не знала, как ей поступить. Потом, собравшись с мыслями, она сказала себе;

— Горе мне! Что собираюсь я делать? Куда же положат меня? А вдруг я очнусь раньше, чем подспеют падре и Ромео,

что тогда будет со мной? Смогу ли я вынести то зловоние, что исходит от разложившегося трупа Тебальдо, когда я не могу терпеть ничтожного дурного запаха? А может быть, в гробнице гнездятся тысячи червей и змей, которые вызывают во мне страх и отвращение? И если я вся содрогаюсь при мысли об этом, то как же буду я терпеть, когда они будут кишеть вокруг меня и ко мне прикасаться? Разве я не слышала столько раз, что рассказывают о страшных вещах, происходящих ночью не только в гробницах, но и в церквах и на кладбищах?

Все эти опасения вызывали в ее воображении тысячу ужасных видений, и она почти решилась не принимать порошка и была готова выбросить его, но в ее лихорадочном мозгу снова и снова возникали самые противоречивые мысли: одни внушали ей принять порошок, другие рисовали бесконечное количество опасностей. В конце концов после долгой борьбы, побуждаемая горячей и пылкой любовью к Ромео, что в горе стала еще сильнее, в пору, когда заря уже занималась на востоке, она, отбросив все сомнения, одним глотком выпила бестрепетно воду с порошком, потом легла и вскоре уснула. Старая кормилица, спавшая в ней в комнате, хотя и знала, что Джульетта не спала всю ночь, однако не заметила, как та выпила снадобье. Встав поутру, она, как обычно, принялась за свою работу по дому. В час, когда Джульетта имела обыкновение просыпаться, старуха вошла в комнату и сказала:

— Вставай же, вставай, пора!

Открыв окно и видя, что Джульетта не двигается, словно и не собирается вставать, она подошла к ней и, расталкивая ее, снова громко сказала:

— Ну, соня ты эдакая, вставай же, вставай!

Но добрая старушка понапрасну тратила слова. Тогда она что было сил стала трясти Джульетту, щипать ее и теревить за нос; но все ее усилия ни к чему не приводили. Жизненные силы Джульетты были в таком оцепенении, что самые громкие и резкие звуки в мире, самый страшный гул и грохот не смогли бы ее

разбудить. Бедная старуха, смертельно испуганная, видя, что Джульетта не подает никаких признаков жизни, твердо решила, что она умерла. Сверх всякой меры огорченная и опечаленная, она, плача навзрыд, бросилась к мадонне Джованне и, задыхаясь от горя, едва могла вымолвить:

— Мадонна, дочь ваша скончалась.

Мать опрометью побежала, заливаясь слезами, и нашла свою дочь в том состоянии, о котором вы уже знаете. Каково было горе матери и как она убивалась, говорить не приходится. Она горько рыдала, вознося к звездам свои громкие мольбы, которые могли бы тронуть камни и смягчить тигров, разъяренных потерей своих детенышей. Плач и вопли матери и старухи кормилицы раздавались по всему дому; все сбежалось на этот шум. Прибежал и отец и, увидев свою дочь холодной как лед, без всяких признаков жизни, помертвел от горя. Пошли разговоры, и мало-помалу весть о случившемся распространилась по всему городу. Собрались все родственники и друзья, и чем больше прибывало народу, тем громче становился плач. Послали за самыми знаменитыми врачами города, которые испробовали безуспешно тысячу всяких средств, но, узнав, что девушка в последнее время только и делала, что плакала и вздыхала, все сошлись на том мнении, что какое-то безмерное горе убило ее. От этого известия плач и стенания стали еще громче; все веронцы оплакивали столь внезапную и горькую смерть Джульетты. Больше всех убивалась мать, которая без конца лила слезы и не слушала ничьих утешений. Она трижды обняла и поцеловала дочку, бесчувственную и неподвижную, как мертвец, и печаль ее все увеличивалась, а рыдания становились все безудержнее. Собравшиеся вокруг женщины пытались, как могли, ее успокоить. Но она так предалась своему горю, что совсем обезумела, не слушая того, что ей говорили, и только плакала да время от времени пронзительно кричала и рвала на себе волосы. Мессер Антонио был опечален не менее жены, но чем сдержаннее выражал он свое горе слезами, тем тяжелее оно ложилось на сердце; он, столь нежно любивший

свою дочь, чувствовал невыразимую муку, но, как человек благо-разумный, старался справиться с ней.

В это утро фра Лоренцо написал подробное письмо Ромео о порошке, данном Джульетте, и о последствиях этого, сообщая, что ночью он отправится взять Джульетту из гробницы и спрячет ее в своей келье. Поэтому Ромео должен постараться как можно скорее прибыть переодетым в Верону, и он будет ждать его до следующей полуночи, а потом уж они договорятся, как быть дальше. Написав письмо и запечатав его, он отдал его самому преданному послушнику своему, приказав немедленно ехать в Мантую, найти там Ромео Монтеккьо и передать ему письмо прямо в руки, не доверяя его никому другому. Монах пустился в путь и, прибыв в Мантую очень рано, спешил к монастырю Сан-Франческо. Он поставил на место лошадь, и пока искал привратника, чтобы тот дал ему провожатого по городу, узнал, что недавно один из монахов этого монастыря умер, а так как побаивались чумы, санитарные власти решили, что упомянутый монах умер именно от нее, тем более что в паху у него оказался бубон величиною с яйцо, что служило несомненным признаком этой болезни. Как раз в тот момент, когда монах-веронец просил о провожатом, появилась санитарная стража и, под страхом строжайшего наказания со стороны синьора города, приказала привратнику никого не выпускать из монастыря, если ему дорога милость властителя. Монах, прибывший из Вероны, всячески старался доказать, что он только что приехал и ни с кем еще не виделся, но все же ему пришлось покориться и остаться с братией в монастыре. Вот почему он не мог ни передать злосчастное письмо Ромео, ни сообщить ему о нем каким-либо способом. Это было причиной величайшего несчастья и горя, как вы потом узнаете.

В Вероне в это время шли приготовления к торжественным похоронам Джульетты, которую все сочли умершей, и было решено, что они состоятся в тот же день поздно вечером. Пьетро, слуга Ромео, прослышав, что Джульетта умерла, в крайнем смятении решил отправиться в Мантую, но прежде дожидаться похо-

рон, чтобы воочию убедиться в смерти молодой женщины и тогда уже сообщить об этом своему господину. Желая выбраться поскорее из Вероны, он решил ночью ехать верхом на лошади, дабы рано утром, как только откроются городские ворота, попасть в Мантую. Однако, к всеобщему неудовольствию веронцев, пышное погребальное шествие с гробом Джульетты в окружении клириков и монахов города двинулось по направлению к Сан-Франческо лишь поздно вечером. Пьетро был так ошеломлен случившимся, глубоко жалея своего господина, который безгранично любил девушку, что совершенно потерял голову, забыв встретиться с фра Лоренцо и посоветоваться с ним, как он это делал в других случаях; найди он падре, он узнал бы всю историю с порошком, рассказал бы ее Ромео и не произошло бы того страшного несчастья, которое впоследствии последовало.

Теперь, увидя Джульетту в гробу и убедившись, что это действительно она, Пьетро сел на коня и поскакал по направлению к Виллафранка, чтобы там дать передышку лошади да и самому немного поспать. Встав за два часа до наступления дня, он на рассвете прибыл в Мантую и направился прямо в дом своего господина.

Однако вернемся в Верону. Джульетту отнесли в церковь, где, как полагается, отслужили торжественную заупокойную мессу, и около двенадцати часов ночи перенесли в гробницу. Была эта гробница мраморная и очень большая. Стояла она на возвышении за церковью и одной стороной выходила к стене кладбища, тянувшейся на расстоянии трех-четырех локтей от нее, и, когда труп клали в гробницу, приходилось выбрасывать останки тех, кто был раньше там похоронен. Когда открыли гробницу, фра Лоренцо оттащил в сторону тело Тебальдо, который, будучи от природы худощав и потеряв много крови, мало испортился и не издавал слишком большого зловония. Потом монах приказал подмести и вычистить гробницу, ибо на него были возложены заботы по похоронам, и устроил все как можно лучше; в изголовье Джульетте он положил подушечку. Потом опять запер гробницу.

Когда Пьетро вошел в дом, Ромео был еще в постели. Рыдания и слезы не давали Пьетро вымолвить ни слова, чему Ромео был крайне удивлен и, готовясь услышать о любом несчастье, только не о том, которое произошло, так сказал ему:

— Пьетро, что с тобой? Какие новости привез ты мне из Вероны? Как поживает мой отец и другие родственники? Скажи мне скорей, не мучай меня. Что случилось, почему ты столь опечален? Говори же скорей!

Пьетро, справившись наконец со своим волнением, слабым, прерывающимся голосом поведал Ромео о смерти Джульетты, сказав, что видел, как ее понесли хоронить, и что ходят слухи, будто она скончалась от тоски. От этого ужасного известия Ромео долгое время не мог прийти в себя, потом как сумасшедший вскочил с кровати и закричал:

— О изменник Ромео, вероломный предатель, из всех неблагодарных самый неблагодарный! Не от горя умерла твоя супруга, от горя не умирают; ты, несчастный, ты ее убийца, ты ее палач. Ты тот, кто погубил ее. Она писала тебе, что лучше умрет, чем будет женою другого, умоляла тебя взять ее из дома отца. И ты, неблагодарный, ты, ленивец, ты, жалкий пес, ты дал ей слово, что приедешь за ней, уговаривал ее быть веселой и откладывал со дня на день, не решаясь сделать то, что она хотела. Ты остался сидеть сложа руки, а Джульетта умерла. Джульетта умерла, а ты жив еще? О изменник, сколько раз ты писал и клялся на словах, что без нее тебе не жить. Однако ты все еще живешь. Как ты думаешь, где она? Душа ее блуждает где-то здесь и ждет, что ты последуешь за ней. Она порицает тебя: «Вот лгун, вот лживый любовник и неверный супруг; до него дошла весть, что я умерла, а он продолжает жить!»

О, прости, прости меня, возлюбленная супруга моя, я сознаю свой величайший грех. Но если того горя, которое сверх всякой меры терзает меня, недостаточно, чтобы отнять у меня жизнь, я сам сделаю то, что полагалось сделать ему. Я покончу с собой — вопреки горю и смерти, которые медлят.

Сказав это, он протянул руку к шпаге, что висела в головах кровати, и, вынув ее из ножон, приставил к груди против сердца. Однако добрый Пьетро подоспел вовремя и вырвал шпагу у него из рук, так что Ромео не успел себя ранить. Пьетро стал утешать его, как подобает хорошему и доброму слуге, уговаривая не совершать никаких безумств, а остаться жить на белом свете, ибо уже никакие человеческие силы не воскресят его умершую супругу. Ромео был в таком отчаянии от этой ужасной внезапной вести, что в груди у него все окаменело, он стал подобен холодному мрамору, и ни одна слезинка не скатилась у него из глаз. Если бы кто-либо поглядел на его лицо в этот момент, то сказал бы, пожалуй, что это статуя, а не живой человек. Но не прошло много времени, как слезы полились у него в таком обилии, что казалось, будто забил неиссякаемый родник. Слова, которые, плача и вздыхая, он произносил, тронули бы сердце самых закоренелых злодеев. Когда его душевные страдания нашли себе наконец выход, Ромео стал помышлять о том, чтобы отдаться на волю своим горестным мукам и отчаянию, и решил, что раз его дорогая Джульетта умерла, ему незачем жить на свете. Но, приняв такое суровое решение, он и виду не показал и словом не обмолвился, но скрыл свое намерение, боясь, что слуга или кто-либо другой помешают ему привести в исполнение то, что запало ему в душу. Он строгонастрого приказал Пьетро, который был один в комнате, никому не говорить о смерти Джульетты и о том, что он собирался лишиться себя жизни; потом велел ему взнуздать двух лошадей, сказав, что собирается ехать в Верону.

— Я хочу, — молвил Ромео, — чтобы ты потихонечку, не говоря никому ни слова, уехал отсюда, а когда прибудешь в Верону, не говори отцу, что я должен приехать, приготовь инструменты, чтобы открыть гробницу, и подпорки для крышки, ибо сегодня к ночи я буду в Вороне и направлюсь прямо в домик, что стоит за нашим садом, а между тремя и четырьмя часами мы пойдем с тобой на кладбище; я хочу в последний раз увидеть мою дорогую супругу, покоящуюся в гробу. А поутру я, неузнанный, покину Верону, ты меня в пути догонишь, и мы вместе вернемся сюда.

Недолго оставался Пьетро в Мантуе. Когда он уехал, Ромео написал отцу письмо и просил у него прощения за самовольную женитьбу, рассказав о своей любви и о совершившемся браке. Он горячо умолял отца, чтобы тот приказал постоянно служить торжественную зауспокойную мессу на могиле своей невестки, оплачивая это из личных доходов Ромео; у Ромео было несколько имений, доставшихся ему в наследство по завещанию умершей тетки. Он просил также обеспечить Пьетро, дабы он, не прибегая к милости других, мог жить безбедно. И об исполнении этих двух своих желаний он настойчиво просил отца, утверждая, что это его последняя воля. А так как тетка его умерла совсем недавно, он также просил отца первые доходы с его имений раздать нищим во имя божие. Написав письмо и запечатав его, он положил его за пазуху. Потом взял бутылочку с ядовитым зельем, оделся в немецкое платье и сказал своим слугам, что на следующий день вернется и что сопровождать его не нужно. Он скакал что есть мочи, и в час вечерней молитвы прибыл в Верону и отправился прямо к Пьетро, который приготовил все, что ему было приказано. Около четырех часов ночи, запасшись различными инструментами, которые могли понадобиться, они направились в крепость и без всякой помехи проникли на кладбище церкви Сан-Франческо. Там они без труда нашли гробницу, где покоилась Джульетта, открыли ее и под крышку подставили подпорки. Пьетро по приказанию Ромео принес с собой маленький фонарь, который некоторые называют «чека», а другие «сорда»¹. При свете его они совершили то, что хотели. Войдя внутрь склепа, Ромео увидел свою дорогую супругу, которая поистине казалась покойницей. Ромео бросился почти без чувств на тело своей Джульетты, похолодевший более, чем она, и некоторое время лежал, охваченный великим горем, похожий сам на мертвеца. Придя в себя, он принялся горько плакать, обнимая и целуя Джуль-

¹ Различные названия потайного фонаря (*сіесо* по-итальянски «слепой», *sordo* — «приглушенный», «затененный»).

етту, орошая слезами ее мертвенно-бледное лицо. Рыдания не давали ему произнести ни слова. Он долго плакал и так убивался, что самые жестокие сердца дрогнули бы от жалости. Потом, решив, что жизнь ему более не нужна, он взял бутылочку с ядом, которая была у него с собой, поднес ее ко рту и залпом выпил. Сделав это, он позвал Пьетро, который поджидал его на кладбище, и велел ему приблизиться. Когда тот подошел к нему и стал, прислонившись к стене гробницы, Ромео так сказал ему:

— Вот, Пьетро, моя жена; ты знал и знаешь, как я люблю ее. Я не могу жить без нее, как тело не может жить без души. Я принес с собою ядовитую змеиную настойку, которая меньше чем в час убивает человека. Я выпил ее с радостью, чтобы лечь мертвым рядом с той, которая при жизни была мною столь любима. И если нам не суждено было при жизни быть вместе, зато мертвый я буду покоиться рядом с ней. Видишь эту бутылочку? Здесь был ядовитый настой. Если ты помнишь, мне дал его в Мантуе тот человек из Сполето, который держал живых гадюк и других змей. Бог в своем милосердии да простит мне содеянное, ибо я убил себя, не желая его оскорбить, а чтобы не жить без моей милой супруги. И если ты видишь на глазах моих слезы, не думай, что я плачу, жалея себя, ибо должен умереть молодым; я плачу от горя по усопшей, которая была достойна счастливой и безмятежной жизни. Передай это письмо отцу моему. Там все мои посмертные желания, как относительно гробницы, так и моих людей, что остались в Мантуе. Тебе же, как своему верному слуге, я отписал столько, что тебе не придется больше служить. Я уверен, что отец мой полностью исполнит то, о чем я его прошу. Теперь я чувствую, что смерть близка, ибо яд разливается по моему телу и я слабею. Подержи же крышку и помоги мне лечь рядом с моей любимой.

Пьетро был в таком отчаянии, что, казалось, сердце у него разорвется в груди от бесконечной муки, которая его терзала. Много слов сказал он своему господину, но все было напрасно, ибо от этого яда спасения никакого не было, а он уже разлился

по всему телу. Ромео взял Джульетту на руки и, без конца осыпая ее поцелуями, ждал своей неминуемой смерти, приказав Пьетро опустить крышку гробницы. Тем временем Джульетта проснулась, ибо действие порошка уже кончилось. Ощувив поцелуи, она решила, что за ней пришел фра Лоренцо, чтобы отнести ее в келью и, охваченный плотским вожделением, держит ее в своих объятиях.

— Что вы, фра Лоренцо, — удивленно сказала Джульетта, — а Ромео вам так доверял! Оставьте меня.

И стараясь вырваться из объятий, она открыла глаза, увидела себя на руках Ромео, тут же узнала его, хотя он был одет на немецкий манер, и воскликнула:

— Боже мой, ужели это вы, жизнь моя? А где фра Лоренцо? Почему вы не уносите меня подальше от этой могилы? Ради бога, бежим скорей отсюда!

Ромео, увидев, что Джульетта открыла глаза и заговорила, убедившись воочию, что она жива, ощутил в одно и то же время радость и невыразимую скорбь и, обливаясь слезами и прижимая к груди свою дорогую жену, сказал:

— О жизнь моей жизни и душа моего тела, может ли быть на свете человек счастливее меня в эту минуту, когда я держу вас в своих объятиях, живую и здоровую, будучи прежде твердо уверен, что вы скончались? Но чья мука может сравниться с моей и чье наказание может быть суровее моего теперь, когда я чувствую, что пришел конец печальным дням моим и жизнь моя угасает, а я больше, чем когда-либо, мог бы наслаждаться жизнью. Мне осталось прожить на свете лишь полчаса, и это все. Разве сочетались когда-либо в одном человеке столь безумная радость и бесконечная скорбь, как во мне в этот миг? Я счастлив безмерно и полон радости, что неожиданно вижу вас, нежная моя супруга, живой, вас, которую считал мертвой и так горько оплакивал. Но я чувствую бесконечную скорбь и муку, которой нет равной, зная, что мне уже не придется видеть вас, слышать ваш голос и проводить с вами время, наслаждаясь вашим обществом, столь для

меня желанным. Поистине радость видеть вас превосходит тоску, что меня терзает; однако близится час, когда мы должны навеки расстаться; я молю всевышнего, чтобы те годы, что он отнимает у моей несчастливой юности, он прибавил к вашим, и вам дозволено было бы долго и счастливо жить, я же ощущаю, что жизнь моя уходит.

Джульетта, слушая то, что говорил ей Ромео, совсем почти очнувшись от сна, сказала ему:

— Что это за слова, синьор мой, вы произносите? Хорошо же ваше утешение! Значит, вы приехали из Мантуи, чтобы сообщить мне столь приятную новость? Что с вами?

Тогда несчастный Ромео поведал ей, что выпил яд.

— О горе мне, горе! — воскликнула Джульетта. — Что слышу я! О я горемычная! Разве фра Лоренцо ничего не сообщил вам о том, что мы с ним порешили? Он же мне обещал, что напишет вам обо всем.

Тут безутешная молодая женщина, полная горькой скорби, рыдая, почти обезумев от отчаяния, рассказала подробно, как она и падре решили уберечь ее от мужа, которого отец прочил ей. После этих слов скорбь Ромео стала еще безмерней. И тем временем как Джульетта сетовала на их несчастную судьбу, взывая к небу, звездам и всей вселенной — суровой и бесчувственной, — Ромео заметил мертвого Тебальдо, которого он убил несколько месяцев назад, как вы уже слышали, и, обратившись к трупу, сказал:

— Тебальдо, где бы ты ни был, знай, что я не хотел тебя оскорбить. Я вмешался в ссору, чтобы прекратить ее и уговорить тебя увести твоих людей, а своих заставить сложить оружие. Но ты, кипя гневом и старинной ненавистью, не захотел внимать моим словам, а вероломно напал на меня. Ты вынудил меня схватиться за оружие, я потерял терпение и не мог отступить, но я лишь защищался, это твой злой рок захотел, чтобы я убил тебя. Теперь я прошу прощения за то, что я причинил тебе, тем более что я породнился с тобой, женившись на Джульетте. Если ты

жаждешь мести, то теперь ты отомщен. Разве может быть большая месть, чем видеть, что твой убийца в твоём присутствии принял яд, и добровольно здесь умирает, и рядом с тобой будет погребен? Если при жизни мы были врагами, то после смерти будем мирно покоиться в одной гробнице.

Пьетро, внимая этим горестным речам мужа и стенаниям жены, безмолвно стоял, словно мраморная статуя, не веря ни своим глазам, ни ушам, считая, что все это лишь сон, и был столь ошеломлен, что не знал ни что говорить, ни что делать. Бедняжка Джульетта, страдая более всякой иной женщины, предаваясь безмерному отчаянию, наконец сказала Ромео:

— Богу не было угодно, чтобы мы жили вместе, пусть же он позволит мне умереть и быть похороненной вместе с вами. Знайте же (да исполнится воля его!), отныне я никогда с вами не расстанусь.

Ромео снова сжал ее в объятиях и ласково стал умолять, чтобы она не горевала и думала не о смерти, а лишь о жизни, ибо он отойдет в иной мир успокоенный, если будет знать, что она жива, и еще много-много слов говорил он ей. Постепенно он стал слабеть, взгляд его затуманился и силы начали его оставлять. Он не мог уже держаться на ногах и, весь поникнув, опустился на землю; печально глядя в лицо своей страдающей супруге, он прошептал:

— Увы, жизнь моя, я умираю...

Фра Лоренцо по какой-то причине не хотел перенести Джульетту в келью в ту ночь, когда ее похоронили. На следующую ночь, видя, что Ромео не появляется, он взял преданного монаха и нужные инструменты, чтобы открыть гробницу, и подошел к ней в тот момент, когда Ромео расставался с жизнью. Увидя гробницу открытой и узнав Пьетро, он сказал:

— Доброго здоровья, а где же Ромео?

Джульетта, услышав голос монаха, подняла голову и сказала:

— Бог да простит вас! Хорошо же вы исполнили обещание послать письмо Ромео!

— Я послал письмо, — ответил монах, — я поручил его отвезти фра Ансельмо, которого ты знаешь. А почему ты мне это говоришь?

Горько плача, Джульетта сказала:

— Подите же сюда и вы узнаете все.

Падре приблизился и, увидев Ромео, в котором жизнь едва-едва теплилась, сказал ему:

— Ромео, сын мой, что с тобой?

Ромео открыл помутневшие глаза, признал его и тихо молвил, что он поручает ему Джульетту, а ему уж не нужны более ни советы, ни помощь; он раскаивается в своих грехах и просит прощения у господина и у падре. С большим трудом несчастный Ромео произнес эти последние слова, судорожно хватаясь за грудь, уже неподвижную, закрыл глаза и умер.

Как велико и невыносимо было горе безутешной супруги, у меня не хватит мужества вам рассказать, но тот, кто сам поистине любит, пусть подумает об этом и представит себе столь ужасающее зрелище. Она отчаянно убивалась, бесконечно проливая слезы, напрасно повторяя любимое имя, потом в великой скорби упала на бездыханное тело мужа и долгое время оставалась совершенно неподвижной. Падре и Пьетро, опечаленные сверх всякой меры, делали все возможное, чтобы привести ее в чувство. Придя в себя и ломая руки, Джульетта дала волю слезам и столько их пролила, сколько не выпадало на долю ни одной женщине; целуя мертвое лицо Ромео, она сказала:

— О сладчайший приют моих мыслей, сколько радостей я познала с тобой, мой единственный и дорогой супруг, сколько горечи таилось в твоей сладости! Ты в цвете твоей прекрасной молодости закончил свой путь, не думая о жизни, которой все так дорожат. Ты захотел умереть в ту пору, когда другие наслаждаются жизнью, и подошел к той черте, к которой рано или поздно подойдут все. Ты, повелитель мой, пришел закончить свои дни на могиле той, что любила тебя превыше всего, добровольно решив похоронить себя рядом с ней, считая ее мертвой. Ты не надеялся, что увидишь мои горькие и обильные слезы. Не думай же, что, уйдя в другой мир, ты меня там не найдешь. Я уверена, что, если

бы ты меня там не нашел, ты вернулся бы сюда посмотреть, иду ли я за тобой. Быть может, душа твоя витает вокруг, удивляясь и скорбя, что я мешкаю. Синьор мой, я иду за тобой, я ощущаю тебя, я вижу тебя и знаю, что ты ждешь моего прихода. Не бойся, синьор мой, что я останусь здесь без тебя. Жизнь моя без тебя была бы ужасной, самой страшной смертью, какую только можно вообразить. Итак, дорогой супруг, я иду к тебе, чтобы уже больше никогда не разлучаться. Да и с кем еще я могла бы уйти из этой жалкой и тягостной жизни, если самое радостное для меня — это следовать за тобой? Разумеется, ни с кем.

Монах и Пьетро, стоявшие тут же, охваченные великой жалостью, плакали и старались, как могли, утешить Джульетту. Но все их усилия были тщетны.

Тогда фра Лоренцо сказал ей:

— Дочь моя, случилось то, что было суждено. Если бы наши слезы могли воскресить Ромео, мы изошли бы слезами, чтобы помочь ему; но пути к его спасению нет. Успокойся же и вернись к жизни. Если же ты не хочешь возвращаться домой, дай мне согласие, и я устрою тебя в святом монастыре, где ты будешь служить господу богу и возносить молитвы за душу твоего Ромео.

Джульетта не хотела слышать его речей, но настаивала на своем жестоком решении и все сетовала, что не может отдать свою жалкую жизнь за жизнь Ромео, твердо решив умереть. Дыхание ее стеснилось, она легла рядом с Ромео и, не произнеся ни слова, скончалась.

Тем временем как два монаха и Пьетро понапрасну хлопотали вокруг мертвой Джульетты, полагая, что она лишилась чувств, стража, проходившая случайно мимо, увидя свет в гробнице, прибежала туда. Она взяла монахов и Пьетро и, услышав печальную весть о несчастных влюбленных, оставив монахов под надежной охраной, отвела Пьетро к синьору Бартоломео, сообщив, каким образом его захватили.

Синьор Бартоломео велел ему подробно рассказать историю двух влюбленных, и, когда забрезжил день, он поднялся и выразил желание увидеть оба трупа.

Весть об этом случае разнеслась по всей Вероне, и все от мала до велика побежали на кладбище; Пьетро и монахи были прощены, затем самым торжественным образом было совершено погребение при величайшей скорби семейств Монтекки и Капеллетти и плаче всего города. Синьор захотел, чтоб влюбленные были похоронены в одной и той же могиле. По этой причине Монтекки и Капеллетти примирились, хотя мир этот длился недолго. Отец Ромео, прочтя письмо сына, долгое время предавался скорби и полностью исполнил волю последнего.

На гробнице двух влюбленных была высечена эпитафия, которая гласила следующее:

Поверив в смерть своей супруги милой,
Которой жизнь, — увы! — не возвратят,
Ромео, пав на грудь ей, принял яд —
Тот, что зовут «змеиным» — страшной силы.

Она ж, проснувшись и узнав, что было,
И обратив к супругу скорбный взгляд,
Рыдала над тягчайшей из утрат,
Взывала к звездам, небеса молила.

Когда ж — о горе! — стал он недвижим,
Она, бледней, чем саван, прошептала:
«Позволь, господь, и мне идти за ним;

Нет просьб иных, и я прошу так мало —
Позволь быть там, где тот, что мной любим!»
И тут же скорбь ей сердце разорвала¹.

[Часть вторая, новелла IX]

¹Перевод Э. Егермана.

**ПЬЕТРО СИМОНЕ ИЗ ЗЕЛАНДИИ
ХИТРОСТЬЮ БЕРЕТ В ЖЕНЫ
ДОЧЬ СВОЕГО ВРАГА
И МИРИТСЯ С НИМ**

Миддельбург, главный город острова Зеландии, город торговый и весьма богатый, находится под властью императора. В нем множество красивых и привлекательных женщин; я¹ охотно остался бы там навсегда — так мне нравится тамошняя жизнь и простота нравов, но при этом мне хотелось бы иметь богатства Ансальдо Гримальдо², чтобы каждый день задавать пиры в садах и окружить себя хороводом девушек, беленьких, как снег, и таких ласковых, что тебе кажется, будто ты знаком с ними уже много лет, а между тем видишь их в первый раз.

Итак, в Миддельбурге жили две семьи, считавшиеся самыми знатными, и меж ними возникла смертельная вражда, ибо в какой-то схватке один из братьев Пьетро из дома Симоне убил сына Антонио Вельцо и был изгнан правосудием за пределы острова.

¹ Рассказ ведет флорентийский купец Франческо Товалья.

² Богатейший генуэзский купец.

У Антонио осталась единственная дочь по имени Мария, девушка милостивая, изящная и такого хорошего нрава, что трудно сыскать подобную. Антонио давал за дочкой не менее чем тысячу пятьсот дукатов приданого; впрочем, после смерти отца ей осталось бы более тридцати тысяч. Поэтому многие льстились на нее, желая назвать своей женой. Однако отец по неизвестной причине не выдавал ее замуж, да казалось, что и она сама не очень беспокоится о муже, ибо ей гораздо больше нравилось жить при матери. Пьетро Симоне, который часто видел ее и находил, что она гораздо более красива и привлекательна, чем любая из известных ему островитянок, так пылко влюбился, что без нее жизнь ему была немила. И видя, как любовь к Марии Вельцо овладела им и зажгла в нем такое пламя, что вырваться из ее пут и затушить этот огонь он не может, он считал себя самым несчастным человеком на свете, зная, что жестокая и яростная вражда между их семьями помешает ему взять ее в жены. Он пытался занять себя чем-нибудь другим и вырвать ее из своей души. Однако все его попытки были тщетны, и бедный влюбленный изводился понапрасну. Был этот Пьетро Симоне одним из самых богатых и первых людей в городе и вел роскошнейший образ жизни.

В те дни на острове занимался торговлей флорентийский купец по имени Франко Маппа, завязавший тесную дружбу с Пьетро Симоне. Бывало нередко так, что Маппа жила по полтора в доме Пьетро, где его радушно принимали, и если порой ему нужна была тысяча дукатов, Пьетро их ссужал ему без всяких процентов. Пьетро, совершенно обезумевший от своей любви, открылся во всем Маппо и умолял его пригласить Марию, дочь Антонио Вельцо, в сад, где он устроит пирушку без других девушек, ибо он хочет напоить Марию и овладеть ею, так как не видит, да и не может себе представить, каким другим путем мог бы он собрать плоды своей любви и получить Марию в жены.

Маппа, услышав такую просьбу Пьетро, сказал, что он ради него готов отдать все, что имеет, но он ни за что не пойдет на то,

чтобы обмануть честную девушку и ее родных и потерять уважение всех жителей острова, которые, как он знает, его любят. Он убеждал Пьетро отказаться от таких действий, ибо это приведет к новой вспышке вражды, придется взять оружие в руки, и он легко может быть убитым, так же как и сам убить других. Пьетро показалось, что Маппа прав и что совет его дружеский, ибо только так и мог поступить честный и хороший купец, и несколько дней Пьетро не предпринимал никаких дальнейших шагов, с каждым днем загораясь все больше и больше любовью к девушке.

Должно вам знать, что в Миддельбурге и повсеместно на острове существует такой обычай: каждый местный житель или заезжий купец, которого знают за порядочного человека, может войти в дом знатного человека или простого горожанина, у которого есть дочь на выданье, попросить, чтобы вышла мать, и сказать ей: «Мадонна, я прошу вашего позволения отпустить завтра вашу дочь со мной на гулянье с угощением, которое я хочу устроить в таком-то саду». Мать всегда отвечает, что весьма охотно это сделает и что на следующий день он может заходить за дочерью. Утром мать принарядит дочь как можно лучше и будет дожидаться того, кто ее пригласил. Когда он появляется, девушка уже готова, и он ее приветствует и целует. Целует он также и мать; потом берет девушку под руку и вдвоем, болтая о разных приятных вещах, они направляются в сад, где уже приготовлено угощение и собираются другие мужчины с девушками на выданье. Тут пары развлекаются целый день, пьют, едят, поют и танцуют, придумывают тысячи веселых забав, и притом мужчины целуют своих прекрасных спутниц, сколько им захочется. Когда наступает вечер, каждый провожает свою милую домой и при прощании целует ее; а мать очень любезно благодарит за развлечение, доставленное ее дочери.

Что касается меня, я был бы очень доволен, если бы в нашем родном Милане существовал такой обычай. Я пришел бы к вам, синьор Томачелла, и пригласил бы одну из ваших дочерей, кото-

рых вы держите взаперти, и повел бы ее прогуляться по дорогам любви. О, как веселились бы мы! Честно о том предупреждаю, чтобы предотвратить ваш гнев! Но вернемся к нашей истории.

Итак, я сказал, что Пьетро влюбился в Марию и долго страдал, не находя никакого выхода, пока не встретил другого своего приятеля, который был не столь разборчив в средствах, и, согласившись отправиться, по обычаю, за Марией, пригласил ее в сад, выбранный для этой цели. Там не было других достойных мужчин и дам, если не считать того, кто ее привел. Пьетро не показывался: он прятался тут же в особой комнате. Когда Мария пришла в сад, спутник ее стал с ней пить, есть и веселиться, как это принято в здешних местах. Пьетро припас крепкие, дорогие вина, смешав их в большой бутылки, из которой, как он приказал, должны были все время подливать девушке. В этих краях не изготавливают вина, но купцы привозят его туда в большом количестве и самых лучших сортов, и я клянусь вам, что пивал в Зеландии, в Англии и на других островах такую тонкую мальвазию, какой я не нюхал не только в Венеции, но и на Кандии, где ее выдeldывают.

Вино пили без передышки (во всех кушаньях было много перца и всяких специй, возбуждающих жажду), и Мария, выпившая сверх всякой меры, скоро опьянела и тотчас же после ужина повалилась на постель и уснула. Узнав об этом от своего приятеля и видя, что его план удался, Пьетро вышел из своей засады, прилег рядышком с девушкой и стал с ней любовно забавляться. Но что бы Пьетро с нею ни выдeldывал, она не подавала никаких признаков жизни, словно была мертвая, так она опьянела от специально приготовленного вина. Больше четырех часов проспала Мария, и пришлось порядком с ней повозиться, прежде чем она пришла в себя; однако при помощи кое-каких средств, приготовленных Пьетро, удалось пробудить ее; она очнулась, словно от глубокого сна, и сказала, что у нее болит голова. Пьетро опять спрятался в свое укромное местечко, откуда он мог наблюдать, что делает его возлюбленная, которая вскоре, когда появились

другие пары, тоже стала веселиться со своим спутником. Вечером тот отвел ее домой, и мать весьма его благодарила.

Пьетро, бесконечно довольный своей любовной уловкой, все искал случая просить руки Марии и по меньшей мере два-три раза встречался с нею на пирушках, где сам бывал с другими юношами, и оказывал ей всякие знаки внимания и уважения. Однако дело обернулось так, что она, после любовных забав Пьетро в саду, забеременела. Мать, обратив внимание, что дочь ее не имеет тех забот, что бывают у девушки каждый месяц, что она побледнела, потеряла аппетит и живот у нее округлился, однажды, когда они были вдвоем в комнате, сказала ей:

— Дочь моя, я вижу, что с тобой что-то случилось? Что ты наделала?

— Я ничего не сделала, — отвечала девушка.

— К сожалению, сделала, — возразила порядком рассерженная мать. — Должна же ты знать по крайней мере, кто он? Скажи мне правду, с каким мужчиной ты спала?

— Увы, милая мама, что могу я вам сказать? — отвечала Мария. — Я ни с одним мужчиной на свете не спала, дорогая мама, и очень удивляюсь вашим словам.

— Дочь моя, — сказала тогда жалостливая мать, — я вижу, что ты беременна, и ведь, несомненно, какой-нибудь мужчина этому причиной. Не от духа же святого ты забеременела?! Но горе тебе, если отец твой это заметит! Он непременно убьет тебя, не перенесет он такого сраму и силой заставит тебя признаться, кому ты угодила своим телом.

Огорченная девушка без конца клялась, что ни один мужчина в свете с нею не спал. Много было разговоров и всяких споров. Обе не молчали — ни дочь, ни мать. Но Мария и в самом деле не могла ничего сказать, кроме того, что ни один мужчина в свете не прикасался к ней с нечестными намерениями, не считая поцелуев и иной раз прикосновений к груди, и никогда она не была в таком месте, где бы мужчина мог подступиться к ней с дурными помыслами. Мать, видя упорное нежелание дочери признаться, от

кого она забеременела, не знала, что и делать; она вообразила себе, что, быть может, это приступ какой-нибудь болезни, который скоро пройдет. Между тем все шло своим чередом, и скрывать беременность стало уже невозможно, и каждый мог видеть, что наша простушка Мария отведала той травки, которую чем больше вкушаешь, тем больше полнеешь. Мать принимала всякие меры, чтобы избавить дочку от беременности, но ничего не помогало, и живот становился день ото дня все больше. Когда отец это заметил, он пришел в такую ярость, что готов был убить дочь. Но, опасаясь правосудия, он ограничился лишь тем, что угостил ее оплеухами и осыпал бранью и яростными угрозами.

Во что бы то ни стало он хотел дознаться, от кого она беременна, но, убей он ее или разорви на мелкие клочья, все равно не узнал бы, от кого она понесла. Отец надавал ей пинков и колотушек и, кажется, не оставил на голове ни одного целого волоска. Но — увы! — он мог бы, если бы захотел, терзать и даже душить ее, но поистине иного ответа он от нее добиться бы не смог. Слух об этом случае прошел по всему Миддельбургу, и на каждом углу шептались, что дочь Антонио Вельцо забеременела. Ведь в этих местах, где такая простота и чистота нравов, как я вам говорил, редко случается подобная оказия, и если девушка на выданье вдруг оказывается беременной, она считается опозоренной, и, как бы богата она ни была, ей гораздо труднее найти себе подходящего мужа, чем девушке невинной, хотя и бедной, — так высоко ценится честное поведение у этих людей.

Пьетро, узнав о беременности Марии, ощутил невыразимую радость, ибо ему показалось, что его цель достигнута и что теперь он сможет назвать женой свою возлюбленную, которую он любил более, чем когда-либо. Наступило время родов. Мария родила прелестного мальчугана, и все об этом узнали, а Пьетро никак не мог удержаться, чтобы не высказать огромной радости. Все решили, что он радуется позору своего врага, но у него было другое на уме.

Мать Марии уже заранее сговорила с кормилицей, обещая ей платить по дукату в месяц, и отдала ей выкармливать внука,

горячо умоляя получше ухаживать за ним. Итак, кормилица увезла ребенка в деревушку поблизости от Миддельбурга, так как Антонио не хотел, чтобы ребенок рос в его доме. Узнав об этом, Пьетро, у которого были соглядатаи, следившие за всем, что делается с его сыном, отправился на той же неделе, когда Мария родила, к кормилице и сказал ей:

— Выслушай, голубушка, внимательно то, что я тебе скажу, и смотри, если жизнь тебе дорога, никому на свете не проболтайся. Бережно храни этого ребенка и старайся, чтобы у него никогда ни в чем не было недостатка. Каждый месяц я буду давать тебе по два дуката, и ты увидишь, как я тебя отблагодарю, если ты будешь хорошо его пестовать.

И он любовно поцеловал своего сына и чрезвычайно довольный вернулся в Миддельбург.

Встав после родов, Мария уже больше не бывала на пирушках, не выходила из дому, разве только по праздникам рано поутру отправлялась в церковь и, прослушав мессу, тут же возвращалась домой, где жила как отшельница, никого не видя, кроме домочадцев, и даже отец не хотел, чтобы она появлялась в его присутствии. Кормилица хорошо ухаживала за малюткой и, зная, что Пьетро Симоне — одно из первых и уважаемых лиц в городе и враг Антонио Вельцо, очень удивлялась и никак не могла понять истинной причины, почему он так заботится о ребенке. Однако, видя, что она в накладе не остается и что Пьетро довольно часто навещает ребенка, постоянно принося ей маленькие подарки, она всегда дожидалась его с большим нетерпением. Малютка с каждым днем становился все краше. Мать Марии тоже два-три раза в месяц справлялась о внуке и не отказывала ему решительно ни в чем.

Прошло уже около десяти месяцев, как Мария родила, и однажды, когда Антонио был в отлучке, мать захотела, чтобы кормилица привезла малютку, что та и сделала. Добрая бабушка, увидя ребенка, взяла его на руки и, тихо всхлипывая, поцеловала. Потом понесла его в комнату Марии и, протягивая его дочери, сказала:

— Мария, возьми его, ведь это твой сынок.

Мария, увидя своего сына, который улыбался и делал смешные движения, какие обычно делают дети в столь нежном возрасте, совсем растрогалась и залилась слезами. Потом тихонько его поцеловала и, осушив слезы, сказала:

— О бедненький мой сынок, под какой несчастной звездой явился ты на свет божий? Какой грех совершил ты, что отец твой неизвестен, а дед так суров, что не хочет видеть тебя и считать своим внуком? Не будь моей матери, о крошка моя дорогая, тебя бы не было сейчас здесь, ибо я твердо уверена, что отец мой послал бы тебя в приют к нищим и мошенникам, а ты ведь плоть от плоти и кровь от крови его! Несчастливая я! Если матери моей не будет, что станется с тобой? Кто будет о тебе заботиться? Я попала в немилость к отцу, и, если мать моя умрет, меня выгонят из дому и оставят на улице на произвол судьбы. Увы! Если бы я хоть знала имя того, кто дал тебе жизнь! Случалось ли когда-нибудь что-либо подобное? Слыханное ли дело, чтобы девушка забеременела и не знала от кого?

Этими и другими речами убаюкивала печальная мать своего сына, без конца нежно целуя его и вызывая у присутствующих слезы; однако, боясь, как бы Антонио не застал ребенка в доме, она передала его кормилице, которая рассказала Пьетро, когда тот однажды приехал навестить сына, все, что говорила Мария. А Пьетро только и ждал случая, чтобы попросить у отца ее руки.

Случилось вскоре, что Пьетро и Антонио с четырьмя другими гражданами были выбраны консулами Миддельбурга, магистрат которого считался первым в стране. Но хотя они были коллегами, они никогда друг с другом не разговаривали. И вот однажды рано утром Антонио отправился в консульство, где не оказалось никого из его коллег. Однако вскоре появился Пьетро и увидел прохаживающегося в полном одиночестве Антонио. Тогда Пьетро решил, что настал самый подходящий момент, подошел к нему и сказал:

— Синьор Антонио, если вы соблаговолите меня выслушать, я охотно скажу вам несколько слов.

Возмущенный Антонио сердито сказал ему:

— Ступай и не надоедай мне. На какого черта ты мне нужен?

Тогда Пьетро продолжал:

— Синьор Антонио, выслушайте же меня, я скажу вам нечто приятное, и вы убедитесь в моем добром расположении к вам.

— Что приятного можешь ты мне сказать? — промолвил Антонио.

— Я хочу просить вас, — отвечал Пьетро, — чтобы вы отдали мне в жены вашу дочь Марию.

Антонио, решив, что Пьетро хочет его оскорбить, поднимая на смех и попрекая позором дочери, наговорил ему всяких грубостей и стал угрожать. Тогда Пьетро сказал:

— Синьор Антонио, я не шучу и говорю совершенно чисто-сердечно. Если хотите, я в присутствии нотариуса и свидетелей дам вам слово и возьму Марию как свою законную жену.

Тогда Антонио, смилив свой гнев, сказал:

— Пьетро, если ты действительно этого хочешь, я дам тебе в приданое за дочкой три тысячи дукатов и приму тебя как родного сына.

— Я не гонюсь за вашими деньгами, — отвечал Пьетро, — я хочу жениться на Марии, потому что она девушка хорошая и честная.

Словом, они договорились и отправились домой, где Пьетро взял Марию за руку, поцеловал, назвав своей женой, и в присутствии многих с ней обвенчался. Об этом браке стало известно, и все друзья Пьетро порицали его, считая, что он женился на потаскушке. Он же всем отвечал, что ему не нужны ни советчики, ни опекуны, он-де сам знает, что делает, и что его жена честнейшая женщина, и он так говорил о ней, что никто не посмел сказать ему больше ни единого слова, если не считать похвал его поступку.

Существовал такой обычай, что в первый день свадьбы молодой не садится за стол, а прислуживает, а во второй день прислуживает молодая. Пьетро велел сшить двадцать камзолов из

лиловато-красного атласа для себя и девятнадцати юношей, которые должны были прислуживать за столом в день свадьбы. Приглашенных было сто двадцать человек, мужчин и женщин. Он разодел так же кормилицу, нарядил в такой же точно атлас маленького сынишку и приказал отнести его в соседний дом. В разгар пиршества он велел привести кормилицу с ребенком на руках в сопровождении музыкантов. Когда кормилица появилась в зале, Пьетро взял ее за руку и, улыбаясь, посадил на самое почетное место. Это очень не понравилось родственникам Антонио, так же как и родичам Пьетро, а невеста очень смутилась, опустила глаза, перестала есть и стала громко плакать. Антонио, в свою очередь, при мысли, что это сын Марии, сильно взволновался и готов был провалиться сквозь землю. И под неодобрительные возгласы присутствующих Пьетро взял на руки своего сына и, нежно поцеловав его два-три раза, громким голосом, так, что все слышали, сказал:

— Синьоры и дамы, вы пришли сюда, чтобы отпраздновать мой брак, не удивляйтесь же тому, что вы видите перед собой этого мальчугана, ибо он действительно сын моей жены и мой, и я хочу, чтобы все так и считали. Теперь послушайте, как все случилось. Я был очень влюблен в свою теперешнюю жену и думал, что вражда, существовавшая между нашими семьями, не позволит моему тестю отдать ее мне в жены, и поэтому я решил прибегнуть к обману, чтобы добиться своей цели.

И тут Пьетро рассказал, как все произошло, и попросил, чтобы друг его, который пригласил Марию в сад, подтвердил это. Тот, одетый как слуга, к радости и удовольствию всех, это сделал. И праздник продолжался с еще большим весельем. Вскоре Антонио велел вернуть из изгнания брата Пьетро. Сам же Пьетро и по сей день очень счастлив со своей женой, и они живут меж собой в добром согласии; Антонио любит Пьетро как родного сына, и после смерти своего тестя Пьетро унаследует более тридцати тысяч дукатов и прекрасно обставленный всевозможной мебелью дом, какого не сыщешь во всем Миддельбурге.

[Часть вторая, новелла XLIII]

КАК КОРОЛЕВА МАРИЯ АРАГОНСКАЯ ОБМАНУЛА КОРОЛЯ ПЬЕТРО, ЧТОБЫ ИМЕТЬ ОТ НЕГО СЫНА

В году 1190 от воплощения спасителя нашего, а может быть, немногим раньше или позже, графом Барселоны был Пьетро Арагонский, седьмой король Арагонской земли. Супругой его была донна Мария из Монте-Пезулино, внучка константинопольского императора. Мария была хороша собой, но еще более славилась своей приветливостью и добродетелями. Народ Арагонии любил и почитал ее за ее добрый нрав и за то, что всякий согласно своему положению и достоинствам встречал у нее радужный прием и исполнение своих просьб, если долг это ей позволял. Король Пьетро, судя по его поведению, не очень нежно к ней относился и обычно оставлял ее в одиночестве, развлекаясь с другими женщинами. И хотя королева могла сама распоряжаться делами королевства, и бароны, рыцари и все прочие весьма ее уважали и повиновались ей, а король никогда не отменял ее приказаний, тем не менее это мало ее удовлетворяло, и она жила в глубокой печали, ибо охотно поступилась бы своим влиянием в делах государственных, лишь бы ночью лежать в объятиях короля, своего супруга. Она никому не жаловалась на свою тоску, и, если порой ей намекали насчет любовных походов короля и

упоминали дам, за которыми он волочился, она, как женщина разумная, делала вид, что это ее мало беспокоит, и лишь говорила, что ее супруг и повелитель прекрасно к ней относится, любит ее, и все, что бы он ни делал, — все хорошо, потому что он господин и синьор над всеми. Некоторые бароны очень не одобряли такой образ жизни короля, ибо у него не было законного сына, и им казалось весьма странным, что король совсем не заботится о том, чтобы оставить законного наследника и преемника своего славного королевства. Беззаботность и похождения короля вызывали в народе ропот, и каждый день кто-нибудь приходил к королеве с жалобой на него. На это она не знала, что и отвечать, кроме того, что каждое желание короля для нее закон. Тем не менее ее очень беспокоила мысль, что король мало тревожится о том, чтобы оставить после своей смерти наследника. С другой стороны, будучи, как все женщины, из мяса и костей, она тяжело переживала столь обидное отношение к себе короля, уделявшего больше внимания другим женщинам, хотя они и не могли сравниться с ней ни по красоте, ни по происхождению, ни по воспитанию. И ощутив в своей груди жало ревности, она горько сетовала на ту жизнь, что вел король. Однако, считая недостойным жаловаться кому бы то ни было, она не раз кротко, как только могла, жаловалась королю; но он был глух и нем. Не обращая внимания на ее слова, король продолжал жить по-старому, развлекаясь сегодня с одной, завтра с другой фавориткой. Королева, которой благородная ревность открыла глаза, принялась еще усерднее, чем раньше, следить за поступками и любовными похождениями короля. Вскоре она заметила, что самый преданный его камердинер, зная повадки короля и потворствуя его желаниям, тайком приводит во дворец то одну, то другую даму и прячет в одной из комнат; потом, когда король удалялся в опочивальню, названный камердинер укладывал рядышком с ним приведенную женщину, проделывая это почти всегда в полной темноте. Проведав об этом, добрая королева решила, пустив в ход все средства, добиться того, чтобы камердинер вместо одной из фавориток тайно положил бы ее на супружеское ложе. Утвердившись в этом намерении, королева и словами, и делами, и всякими способами старалась задобрить камердинера и столько ему наобещала, что он решился совершить

в отношении своего господина этот благородный обман. Недолго пришлось ждать, чтобы он осуществился.

Король и королева проводили ночь в одном и том же дворце, но в разных покоях, которые находились неподалеку друг от друга. Итак, однажды король приказал своему камердинеру привести к нему одну из его обычных дам, о чем тот сообщил королеве, которая приготовилась взойти на брачное ложе и стала дожидаться условленного часа. Улучив подходящий момент, камердинер пошел за королевой, привел ее и уложил рядом с королем, который, считая, что это одна из его фавориток, стал любовно с ней забавляться. Когда же король вдоволь насытился любовными утехами, да и заря занималась, он простился с королевой и вызвал камердинера, чтобы тот увел ее. Тогда королева, добившаяся того, чего желала, такую повела речь:

— Синьор и супруг мой, я не та, за которую вы меня принимаете. Вы думали, что развлекаетесь с одной из ваших любовниц, но это была я, ваша законная супруга. Я полагаю, вы не станете сердиться; ведь я добилась того, что по праву принадлежит мне; не будучи в состоянии получить своего добром, я вынуждена была прибегнуть к благородному обману, а человек, действующий на законном основании, не может никому причинить обиды. Вы, как король и мой супруг и повелитель, можете, если на то будет ваша воля, растерзать и убить меня, но сделанного все равно не вернешь. А если господь окажет мне такую милость, что от нашего соития сегодня ночью я забеременею и рожу в положенное время сына, наследника Арагонского королевства, я не хочу, чтобы говорили, будто я зачала в прелюбодеянии, ибо в народе идет молва, что вы не спите со мной. Поэтому вы должны оповестить первых баронов вашей свиты, что этой ночью я была с вами, и они, удостоверившись в этом, смогут подтвердить, что плод мой из вашего семени.

Королю очень понравился благородный обман королевы, и он оставил ее на своем ложе, пожелав, чтобы наутро все бароны и придворные вошли в опочивальню и воочию увидели возлежащую с ним королеву. Король рассказал своим придворным об ее хитрой выдумке. Все восхищались умом своей синьоры, так искусно обманувшей своего супруга, и славили короля, оставшегося

довольным этой милой шуткой. С тех пор король совершенно переменялся, оставил своих дам, с которыми предавался любовным утехам, и так привязался к королеве и так полюбились ему ее объятия и поцелуи, что он уже не стал забавляться с другими женщинами.

Господь бог оказал милость доброй королеве, и она зачала ребенка мужеского пола и в положенное время родила. Это было в первый день февраля года 1196. Радость была великая среди всех арагонцев, узнавших о рождении законного наследника своего богоданного короля. По обычаю этой страны, малютку понесли в церковь, и случилось, что при входе в нее к людям, несшим ребенка, вышли священники, не знавшие о происшедшем, и запели прекраснейшую молитву «Te Deum laudamus»¹, которую некогда сложили вместе два святых отца церкви — Амвросий и Августин, при крещении Августина, причем начинал Амвросий, а вторил ему Августин. Потом малютку из этого храма понесли в другой, при входе в который священники запели молитву пророка Захарии, отца предтечи искупителя рода человеческого, «Benedictus, Dominus Deus Israel»², что было явным признаком того, что рожденный малютка будет королем добрым и справедливым. Затем ребенка надо было окрестить, и король с королевой, вспоминая многие имена, не знали, какое же имя ему дать, и порешили на следующем. Было приказано взять двенадцать факелов одного и того же размера и веса и одновременно их зажечь и на каждом факеле в честь двенадцати апостолов начертать имя одного из них с тем намерением, что мальчика нарекут именем, означенным на том факеле, который скорее потухнет. Первым погас факел, на котором стояло имя св. Иакова. Мальчик вырос, и из него вышел достойнейший человек, славный и в военных и в мирных делах. Он вел против мавров жесточайшую и упорную войну и прогнал их с островов Балеарских — Мальорки и Менорки. Потом занял королевство Валенсию и, переправившись через Гибралтарский пролив, причинил много вреда неверным, насаждая, где только возможно, веру Христову.

[Часть вторая, новелла XLIII]

¹ Тебя бога хвалим (лат.).

² Благословен господь бог Израилей (лат.).

**О ХИТРОУМНОЙ ЗАТЕЕ ДОНА БАССАНО,
ПРЕДПРИНЯТОЙ С ЦЕЛЮ ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ЕПИСКОПА,
НАМЕРЕВАВШЕГОСЯ ЗАТОЧИТЬ ЕГО В ТЮРЬМУ
ЗА ЛЮБОВНЫЕ УСАДЫ С МОНАХИНЯМИ**

Немного лет тому назад жил в одном из городов Ломбардии некий епископ, сльвиший за человека отменной святости, и, пожалуй, будь он кастратом, святость его была бы еще больше. Но поистине до женщин он был охоч сверх всякой меры, всех хотел только для себя, а бедным священникам не только не позволял с ними немного порезвиться, но даже глядеть на них. Посещая некоторые городские монастыри, он повстречался с одной аббатисой, которая пришлась ему по душе. Он быстро с ней сблизился, и дружба их была такого рода, что к моменту отбытия мессера епископа его и аббатису связывали узы любви. В том же монастыре жила молодая монахиня, возлюбленным которой был священник, каноник одной из городских церквей. Он целыми днями торчал в монастыре, без конца болтая со своей духовной дочерью. Это совсем не нравилось аббатисе, но, так как монахиня была одной из знатнейших дам города, она не могла поставить ее на место так, как ей этого хотелось бы. Впрочем, она не переставала

каждый день пробирать ее и поучать. Монахиня столько же обращала внимания на слова аббатисы, сколько на свой плат, надетый при пострижении. Теперь, когда аббатиса завела дружбу с епископом, она стала просить его, как милости, чтобы тот наказал дона Бассано — так звали нашего каноника — и запретил ему бывать в монастыре. Епископ, желавший угодить ей, предал его анафеме и запретил всем священникам, независимо от сана, посещать женские монастыри без особого на то разрешения. Он добился согласия губернатора, который от имени герцога Миланского правил городом, на издание и обнародование соответствующего строжайшего указа, что и было сделано.

Однако каноника это не остановило, и, побуждаемый любовью, он продолжал посещать монастырь; но так как дела свои он вел совсем неосторожно, а у аббатисы было сколько угодно соглядатаев, которые не спускали с него глаз, каноник скоро попался в расставленные сети. Когда он однажды направлялся в приемную, сбирь схватили его и отвели в епископат, где епископ и приказал заточить его в тюрьму. Там ему пришлось сесть на хлеб и на воду и соблюдать посты, не указанные в календаре. Аббатиса же, не переставая, забрасывала письмами епископа и через всяких посредников настаивала, чтобы он построже наказал злосчастного дона Бассано. Устроили большой процесс, на котором было подтверждено непослушание священника и предание его анафеме; епископ был к нему очень суров, намереваясь сыграть с ним шутку позлее. Однако в дело вмешалось несколько знатных людей, друзей священника, и они чуть поумерили гнев епископа, хотя совершенно умиротворить его не удалось.

Дело приняло вот каков оборот: священника Бассано освободили из тюрьмы и сняли с него анафему, но с условием, что он обязуется уплатить, кроме тюремных расходов, восемьдесят золотых дукатов в епископскую казну и что ноги его никогда не будет в монастыре, а если паче чаяния его там застигнут, то он будет сослан на галеры или навечно заключен в тюрьму.

Аббатиса, узнав, как плохо пришлось священнику Бассано, и радуясь чужому горю, старалась нанести монахине, подруге священника, самые жестокие обиды, какие только могла, но та тер-

пеливо все сносила, ожидая подходящего места и часа, чтобы отомстить. И вот аббатиса, как особа признательная, не желая, чтобы ее упрекнули в пороке неблагодарности, который столь не по душе людям, решила пригласить епископа к себе в келью и пободрствовать с ним ночью. И зная, что при таких бдениях происходят вещи, вызывающие некоторое утомление в человеческом теле, приказала самой преданной своей монахине, услуживающей ей в подобных случаях, заняться в ее келье изготовлением засахаренных орехов, марципанов и всевозможных других лакомств и, кроме того, принести две бутылки, одну с превосходной верначчей, а другую с тончайшей и дорогой мальвазией.

Между тем влюбленная монахиня в полном отчаянии, что дону Бассано грозит тюрьма, только и помышляла о том, как бы ей чем-нибудь насолить аббатисе, которая, как говорится, просто из кожи вон лезла; видя, какая суета происходит в ее келье, она решила, что, несомненно, мадонна аббатиса собирается приятно провести ночь, но с кем-никак не могла дознаться. Тогда она решила одну-две ночи посторожить и воочию убедилась, что приходит к ней сам епископ. И не только в эту ночь, но всякий раз, когда готовились лакомства, появлялся епископ, чтобы немного подкрепиться. Поэтому она подобрала ключ к келье аббатисы; еще прежде у нее был подделан ключ к монастырским воротам, через которые она впускала к себе дону Бассано. Итак, видя совершавшиеся приготовления, она через главные ворота провела к себе дону Бассано и спрятала его в келье. Был канун праздника св. Лоренцо, и аббатиса находилась в трапезной с монашками; в это время возлюбленная дону Бассано провела его в келью аббатисы и спрятала под кровать. Ночью, по обыкновению, пришел епископ и был введен в келью, где, хорошо полакомившись и выпив, монсиньор и аббатиса возлегли. И, шутя и болтая, епископ возложил руку на грудь своей дочери и спросил:

— А что сие у вас?

— Грудки, — отвечала та.

— Нет, нет, — перебил ее епископ, — сие небесные колокольчики. — Потом, дотронувшись до живота, спросил опять: — А сие что такое?

— Живот, — отвечала аббатиса.

— Вы заблуждаетесь, жизнь моя, сие гора Гелвуйс-

кая¹. А сие что, душа моя? — и положил свою руку на то место, которое не признает ни праздников, ни бдений. Мадонна аббатиса хотя и захихикала, но не знала, что ответить. Тогда епископ продолжал:

— Я вижу, сердце мое, что вы не знаете истинных названий вещей. Сие долина Иосафатская², — и прибавил: — так вот, поднимусь я на оную гору Гелвуйскую и зазвоню в оба небесных колокольчика, а затем спущусь в долину Иосафатскую, где совершу великое чудо, — с этими словами он обнял аббатису и предался с ней утехам любви.

Дон Бассано, сидевший под кроватью, слышал это милое щебетанье и, чувствуя у себя над головой чертовскую пляску, хотел было выдать себя, но потом раздумал. Всю ночь епископ развлекался и под утро удалился из монастыря. Монахиня, стоявшая на страже, в то время как аббатиса и ее приспешница провожали епископа, провела священника из кельи аббатисы в свою и там, загоня дьявола в ад, он рассказал ей все, что слышал и что он намеревается делать.

Когда аббатиса вернулась в свою келью, хитрая монахиня выставила за дверь своего священника. Как раз был день св. Лоренцо, на празднование которого был приглашен епископ, и дон Бассано, каноник Сан-Лоренцо, должен был в этот день служить мессу. Поэтому он велел принести полный требник к себе в келью, соскоблил несколько слов в самом начале и искусно вписал туда совсем другие, какие — вы дальше узнаете. На пергаментной бумаге требника сделать это было нетрудно. Явился епископ в сопровождении первейших граждан города, чтобы почтить праздник своим присутствием. И вот дон Бассано торжественно начал служить мессу. Епископ сидел около главного алтаря в большом кресле, поставленном для него по уставу. И вот, приступая к службе, дон Бассано сказал:

— *Omni potens, aeterne Deus, qui haesterna nocte Reverendissimum Dominum nostrum supra monte m Gelboe ascendere, ibique*

¹ Согласно библии, у подножия этой горы принял смерть царь Саул.

² По церковной традиции, то место, где будет происходить Страшный суд при кончине мира.

campanas coeli pulsare et deinde in vallem Iosaphat descendere fecisti, ubi multa mirabilia fecit, etc¹.

Епископ, услышав в начале богослужения слова, которые он считал никому неизвестными, пришел в страшную ярость. Когда месса кончилась, он, возмущенный свыше всякой меры, удалился в епископат с твердым намерением проучить священника и приказал тотчас же после ужина позвать его. Священник, которого всегда окружали друзья — несколько дворян из самых храбрых в городе, явился с ними к епископу. В это время монсиньор прохаживался по залу и, завидя священника, с суровым видом спросил его, что это за слова, которыми он начал службу. Тот отвечал, что так, мол, написано в требнике. Епископ ему не поверил и послал одного из своих священников в Сан-Лоренцо за требником. Когда требник был принесен и передан епископу, тот открыл его и увидел, что слова так хорошо подделаны и так похожи на стертые, что ничего и не скажешь. Тогда он отозвал в сторону дона Бассано, желая разузнать, как обстояло дело. Священник рассказал ему, как все произошло; испуганный епископ, боявшийся, как бы его «бдения» с аббатисой не получили огласки, пообещал священнику возместить ему восемьдесят дукатов, которые он заставил его раньше заплатить, и сказал ему:

— Дон Бассано, мы все человеки: развлекайся сколько хочешь и не мешай другим заниматься тем же. Мы постараемся, чтобы твоя монахиня и аббатиса помирились.

И все без особого труда устроилось так, что под сенью монастырской колокольни и на счет монастыря епископ с аббатисой и дон Бассано со своей монахиней частенько спускались в долину Иосафатскую, где предавались всяческому утехам.

[Часть вторая, новелла XLV]

¹ Всемогуций и вечный боже, ты, что подвигнул вчера ночью нашего преподобного отца взойти на гору Гелвуйскую, и там зазвонить в небесные колокольчики, и спуститься потом в долину Иосафатскую, где свершил он много чудес, и прочее (лат.).

ИЗАБЕЛЛА ЛУНА, ИСПАНКА,
ЛОВКО ВЫСМЕИВАЕТ ТОГО,
КТО СОБИРАЛСЯ ОСМЕЯТЬ ЕЕ

Если бы кому-нибудь пришла охота составить перечень всех проделок, совершаемых повсеместно куртизанками, то мне сдаётся, что тому пришлось бы много повозиться, и, даже если бы ему казалось, что в результате его стараний все исчерпано, вероятно, ещё многое осталось бы порассказать. Но, однако, обратимся к некоторым отдельным случаям и расскажем о кое-каких шутках этих цирюльниц. Среди проживающих в Риме куртизанок была одна по имени Изабелла Луна, испанка, которая чего только не повидала на белом свете. Была она и в Галетте, и в Тунисе, и в других городах, оказывая разные услуги солдатам и не давая им умереть с голоду. Одно время она следовала за двором императора по Германии и Фландрии и по разным другим местам и в любое время готова была одолжить свою лошадку, лишь бы ее об этом попросили. В конце концов она вернулась в Рим, где приобрела в кругу своих знакомых репутацию самой проницательной и остроумной женщины, какая когда-либо существовала на свете. Она умела поддержать беседу в любой компании, с людьми всякого круга, ко всем умела подойти, и все чувствовали себя с

ней легко и непринужденно. Приветливая, находчивая, живая, она умела вовремя и быстро ответить, о чем бы речь ни шла. Она прекрасно говорила по-итальянски, и, если ее задевали, не думайте, что она смущалась и у нее не хватало слов дать отпор тому, кто ее затронул, ибо она была остра на язык и не щадила никого, умея своими колкими словечками огреть каждого. К тому же она была так самоуверенна и бесстыдна, что могла заставить покраснеть любого, сама не меняясь в лице.

В Риме проживали несколько наших мантуанских¹ дворян, весьма достойных и любезных, среди которых был мессер Роберто Строщи и братья мессер Лелио и мессер Ипполито Капилупи. Мессер Роберто приехал в Рим для своего удовольствия, а мессер Ипполито находился там по делам нашего святейшего и преподобнейшего кардинала Мантуанского. Они занимали один и тот же дом, но каждый жил по-своему, как хотел. Правда, они по большей части обедали вместе, устраивая складчину; так они вели веселую и занимательную жизнь. К ним часто присоединялись и другие, ибо они были хорошими собутельниками, и в доме у них без конца играли, и пели, и спорили о литературе как латинской, так и отечественной, и о других достойных вещах, так что скучать им было некогда. С этими синьорами был очень дружен и частенько разделял с ними компанию некий Рокко Бьянкалана, именовавшийся поверенным в делах одного из светлейших и преподобнейших кардиналов. Он долгое время прожил в Риме и, будучи человеком веселым, отличался не менее острым языком, чем Изабелла, и нередко затевал с ней словесные перепалки. Этой самой Изабеллой, бывавшей часто в компании названных синьоров, мессер Роберто был, как говорится, немного уязвлен и охотно с ней встречался. А между Рокко и ею происходило постоянное состязание, кто кого опередит в наглости, дерзости и сквернословии, так что каждый из них был всегда наготове. Наши синьоры, зная их обоюдную находчивость

¹Новеллу рассказывает Джан Баттиста Оливо из Мантуи.

и слыша самые отборные ругательства, которыми они часто награждали друг друга, получали от этого большое удовольствие и порой, чтобы заставить их наговорить побольше дерзостей, на травливали их друг на друга, как собачонок. Словом, между Луной и Ланой возникла жесточайшая ненависть, ибо Рокко никак не мог перенести, что такая бесстыжая и продажная женщина, на которой клейма негде было поставить, имела дело с такими тонкими умами и даже часто нападала на мессера Роберто.

В это время славнейший и преподобный кардинал, державший Рокко в Риме, вероятно ввиду обстоятельств особой важности, послал туда же мессера Антонио Ромео, человека в высшей степени опытного, умеющего наладить самое трудное и запутанное дело, как бы сложно оно ни было. Ромео действительно мог бы считаться совершенством, не будь у него одного пятнышка, которое все портило: был он жаден и скуп сверх всякой меры. Когда он приехал в Рим, положение Рокко несколько изменилось: по чину он стоял ниже Ромео, и теперь ему приходилось вести все дела по его указке, так что казалось, будто он доверенное лицо Ромео, а не кардинала, и он жил с ним не как товарищ, а почти как его слуга. Но больше всего на свете Рокко раздражала скупость Ромео, и, если бы ему представилась хоть малейшая возможность, он, как говорится, послал бы в преисподнюю своего кардинала и договорился бы с кем-нибудь другим, хотя бы это был частный человек, не имеющий никакого сана, ибо этот самый Рокко был большим сластолюбом и любил, чтобы стол ломился от яств.

В таком плохом настроении он часто обедал и ужинал в обществе вышеназванных синьоров и отводил душу, браня исключительно жадность мессера Антонио; присутствие Изабеллы его несколько не смущало. Он принимался жаловаться на то, что хлеб покупается совсем черствый и его нельзя ни прожевать, ни нарезать ножом, а иногда даже плесневелый, так что его приходится сушить под тем предлогом, что это, мол, полезно при катаре желудка. Вино же всегда разбавляется водой,

прежде чем его поставят на стол, и настолько, что его свободно можно давать тяжело больному; на столе другого мяса, кроме говяжьего, не увидишь, и прежде чем его доедят, из него три-четыре раза сварят бульон; однажды подали ножку, которая уже раз двадцать бывала на столе, но никто к ней так и не прикоснулся, ибо это была голая кость без признаков мяса: она как-то сама собой появилась на столе, после того как его накрыли. Говорил еще Рокко, что сыр подается весь изъеденный червями и гнилой, а фрукты незрелыми, да и подавали их всего раз пять-шесть. Рассказывал он об этом без всякого стеснения, совершенно не беспокоясь, что все его слушали.

Однажды между Рокко и Изабеллой возникла ссора, они начали срамить друг друга, и Рокко сказал, что единственно только уважение к мессеру Роберто удерживает его, а то он наговорил бы ей такого, что вогнал бы ее в краску.

— Что ты можешь мне сказать? — отвечала Изабелла. — Что я потаскуха? Это уже известно, и поверь, я от этого не покраснею.

Тут уж Рокко разгневался и предложил устроить за свой счет богатый и пышный ужин, на котором, кроме других кушаний, будет подана парочка фазанов, если только она согласится, чтобы он в ее присутствии рассказал о всех ее шашнях. Итак, порешили, что это будет в следующий четверг.

Хотя Рокко был достаточно осведомлен об ее проделках, тем не менее за это время от лиц, знавших ее лучше, чем он, ему удалось выпытать то, что ему было еще неизвестно, и, дабы это не вылетело у него из головы, он записал на бумаге на трех листах длинный перечень всех ее деяний. Писака он был отличный и все ее похождения описал великолепно. Когда наступил вечер назначенного ужина, мессер Антонио Ромео, узнавший об этом и будучи не совсем здоров, отправился в дом мантуанских синьоров, чтобы немного поразвлечься перепалкой, которая должна была произойти. Все, и Изабелла в том числе, собрались в зале возле камелька. Рокко взял в руки свой перечень и сказал Изабелле:

— Ну, ты, бесстыжая распутница, на этот раз я заставлю тебя не только покраснеть, но и околеть.

Она же, нисколько не обидевшись, ответила ему:

— Неужели, Рокко, ты желаешь моей смерти? Поужинаем в мире, а потом ты прочтешь свою обвинительную речь.

— Нет, нет, — возразил Рокко, — я хочу, чтобы ужин показался тебе горше желчи.

Изабелла, увидев, что он намеревается начать чтение еще до ужина, стала просить собравшихся, чтобы они оказали ей милость и разрешили самой прочесть первый лист из написанного Рокко, обещая не уходить, не рвать, не сжигать эту писанину и вернуть ее по прочтении Рокко. Эта просьба всем показалась вполне допустимой, и все убеждали Рокко исполнить ее, что он и сделал. Когда Изабелла получила в руки перечень, она тихонько прочла восемь-десять строк, а потом сказала:

— Послушайте же, синьоры, и скажите, есть ли еще на свете столь злой язык, как у Рокко? — и вместо того чтобы прочесть дурное о себе, делая вид, что не знает о присутствии Ромео, стала перечислять все, что Рокко столько раз говорил, чтобы осрамить Ромео, когда порицал резкими словами его скардность. Казалось, что она читает по бумаге. Когда Изабелла достаточно высказалась, она свернула перечень и сказала:

— Как вам нравится, синьоры, этот разбойник? Не кажется ли вам, что он заслуживает тысячи виселиц? Я не знаю этого Ромео, но слышала, что он человек весьма любезный и что в доме у него живетя очень неплохо. А этот негодяй не стесняется говорить столь скверно о достойном человеке, в доме которого он живет. Подумайте, что это за дрянь!

Рокко был совершенно вне себя и так ошеломлен, что не знал, как отвечать. Ромео, который понимал, что о его скупости правильно сказано, не попрощавшись, ушел, что сделал также и Рокко, так что ни тому, ни другому не перепало ни кусочка из приготовленного ужина, и Рокко, как говорится, вырыл яму, да сам в нее и угодил. Оставшиеся принялись за ужин и много смеялись вместе с Изабеллой, которая так ловко сумела провести Рокко и спасти себя.

[Часть вторая, новелла LI]

НЕКИЙ СЛУГА В ПАРИЖЕ
РАЗВЛЕКАЕТСЯ СО СВОЕЙ ГОСПОЖОЙ,
И, КОГДА ОБ ЭТОМ УЗНАЮТ,
ЕГО ОБЕЗГЛАВЛИВАЮТ

Можете мне поверить, синьоры мои, что важные решения, принятые сгоряча, в конечном счете редко доводят до добра, и всегда возникает какая-нибудь путаница, приносящая потом человеку ущерб и позор. Каждый день мы можем видеть ярчайшие тому примеры. Поэтому, сдается мне, нам надлежит следовать мудрому изречению величайшего греческого оратора¹, использованному потом одним нашим римским историком, которое гласит: «Прежде чем приступить к какому-нибудь делу, необходимо обдумать его и, обдумав хорошенько, приняться за его осуществление». Если бы все люди следовали этому правилу, не совершалось бы столько ошибок, сколько каждодневно совершается. Все дело в том, что поступки, совершенные по зрелому размышлению, даже если они случайно не приводят к желанному концу, заслуживают меньшего осуждения. И наоборот, если что-либо делается безрассудно и кончается неудачей, весь свет ополчается и по-

¹ Имеется в виду Демосфен,

рицает такой поступок. Так вот, чтобы показать вам, какие недуманные решения принимают иногда женщины, что нередко приносит им стыд и горе, я расскажу вам о безумном поступке, совершенном некоей дамой.

Итак, в огромном и богатом городе Париже жил некогда, а быть может и сейчас живет, один человек, щедро одаренный благами судьбы, у которого была красавица жена. Жил он в роскошнейшем доме, держал множество слуг и был завзятый игрок. В числе его слуг был один весьма видный собой. Постоянно видя свою красивую госпожу, он без ума в нее влюбился и скоро понял, что распрощался с драгоценной своей свободой. Размышляя, как бы ему добиться желанной цели, перебирая пути и способы и не находя ни одного подходящего, который позволил бы ему насладиться своей любовью, он медленно угасал, сжигаемый пламенем своей пылкой страсти. Однако замороженный юноша не смел кому-либо признаться в своем чувстве, а тем более не отваживался открыться госпоже, и страдания его возросли сверх всякой меры, не находя себе выхода. И чем меньше у него оставалось надежды, тем сильнее разгоралось его желание. Тогда он решил служить своей госпоже как можно лучше, не имея другого утешения и радости, как только упиваться лицезрением любимой.

Дама, видя, как скоро, с какой готовностью исполняет он все ее приказания, ценила его больше других слуг в доме, но ни о чем другом и не помышляла. Поэтому, если ей нужна была какая-нибудь услуга, она обращалась непременно к нему, считая, что он окажет ее лучше любого другого. Слуга же, замечая это явное предпочтение, весьма радовался.

Муж дамы, как я уже сказал, был игроком и постоянно угощал своих приятелей, а те в свою очередь устраивали пирушки, и частенько он ужинал на стороне, возвращаясь домой лишь после полуночи, а то и позже. Жена иногда поджидала его, а иной раз, когда ей хотелось спать, ложилась в постель. Случилось однажды, что муж, по своему обыкновению, проводил вечер где-то в гостях. Жена, поужинав, очень скоро почувствовала, что ее клонит ко сну, и легла в кровать.

Влюбленный слуга, который был дома, проводил свою госпожу в спальню и, зная, что хозяин вернется не скоро, ибо на званом ужине, где он находился, должны были представляться фарсы, стал раздумывать о своей пылкой любви, и ему показалось, что, если судьба ему улыбнется, он будет обладать этой женщиной. Он знал, что в спальне не могло никого быть, ибо очень часто замечал, как его хозяин, возвращаясь поздно ночью, когда жена уже спала, крадучись пробирался в спальню, дверь которой оставляли открытой, и, стараясь не разбудить жену, тихонько ложился рядом. Это натолкнуло влюбленного юношу на безумную мысль, и, обдумав тысячи возможностей, он в конце концов решил не упускать столь благоприятного случая.

Итак, раздевшись в передней, он вошел в спальню и, зная ее расположение, тихонько лег на постель рядом с дамой; убедившись, что она не бодрствовала, а крепко спала. Несколько минут он лежал, не двигаясь; затем, набравшись смелости, начал пламенно целовать и обнимать ее. Дама проснулась и, думая, что рядом муж, тоже стала обнимать его, молча осыпая тысячью жадных поцелуев своего возлюбленного, погрузившегося в море блаженства и познавшего с ней все радости любви. И, найдя гораздо лучшее пастбище, чем ожидал, он в короткое время подкормил свою лошадку раз пять и никак не мог оторваться от своей госпожи, что и послужило потом причиной его гибели. Разумеется, позабавившись всласть, он мог бы под каким-нибудь предлогом встать и удалиться, но, ослепленный любовью, он не сумел вовремя уйти.

Даме показалось весьма странным, что они резвились в полном молчании, между тем как с мужем в подобных случаях они всегда весело болтали; да и ласки ей показались более бурными, чем обычно позволял себе муж. Поэтому она сказала своему любовнику:

— Синьор мой, почему вы молчите, что это значит? Хорошо ли вас угощали? Как фарс, был ли удачен? Да не молчите же. Что вы, онемели, что ли?

Юноша не знал, что и ответить. В конце концов, вынуждаемый дамой, он признался, кто он. Ему очень хотелось поведать ей о своей пылкой любви, но дама пришла в такую ярость, словно на ее глазах разорвали на клочки мужа и сыновей. Охваченная гневом, она вскочила с постели и, ни о чем не желая думать, открыла окно, выходившее на улицу, и стала, как безумная, неистово кричать, созывая соседей и нарушая сон домочадцев. Юноша, оказавшись в такой переделке, поспешил одеться. А так как слуги по приказанию своей госпожи уже успели открыть двери, то несколько соседей со светильниками бросились в дом и на лестнице столкнулись с юношей, сбегавшим вниз, и спросили его, что это за шум. Тот ответил, что мадонна обнаружила вора, и сойдя вниз, весь остаток ночи проблуждал по Парижу. В конце концов в полном изнеможении он опустился на скамью около дворца, рядом с одной из лавчонок, расположенных тут же, и, одолеваемый сном, уснул.

В доме же дамы появилось множество соседей, и все спрашивали, что случилось. Дама, полная негодования, ярости и злости, сбросила с головы чепец, рвала на себе волосы, свирепо размахивала руками и сгоряча призналась всем в своем позоре, рассказав, что сделал разбойник-слуга. Однако приключившееся показалось всем очень странным. Пока даму утешали, явился муж; увидя, что дверь открыта в такой поздний час, и услышав в доме шум, он был крайне изумлен. Когда он вошел в дом и стал подниматься по лестнице, он услышал от своей безумной жены такие вещи, которых совсем не ожидал. Каково было его горе, когда он узнал о происшедшем, я предоставляю судить тому, у кого есть жена, опозорившая его подобным образом. Муж спросил, куда делся этот негодяй. Никто не мог ему ничего сказать, кроме того, что он ушел из дому. Тогда муж приказал, чтобы остальные слуги и кое-кто из соседей следовали за ним, и бросился на поиски несчастного слуги по всему Парижу. Он исколесил город вдоль и поперек и наконец добрался до лавчонки, где на скамье спал злополучный слуга. Узнав его, он приказал заб-

рать его и рано поутру отвести в суд, обвиняя в насилии и прелюбодеянии.

Слуга был допрошен, и хотя у него хватило дерзости совершить такое преступление, однако духу отрицать его не хватило. Потому сенат приговорил его к публичному отсечению головы. Приговор был приведен в исполнение.

Теперь что мы можем сказать об этой безумной женщине? Да, поистине безумной, ибо она хотела безрассудно следовать общепринятому суждению, что, мол, опрометчивое решение женщины может быть правильнее, чем глубоко обдуманное. Если бы она хорошенько поразмыслила о том, что слуга все равно уже получил желаемое и сделанного ничем не исправишь, она молчала бы о своей ошибке, а не разглашала бы ее по всему Парижу, как поступила она из опасения, что муж будет ее всегда подозревать и впредь совсем перестанет доверять ей, считая, что если она один раз познала другого мужчину, то у нее может явиться охота опять согрешить с кем-нибудь, как это нередко бывает.

[Часть третья, новелла VI]

**РАБ, ИЗБИТЫЙ СВОИМ ГОСПОДИНОМ,
УБИВАЕТ ГОСПОЖУ И ЕЕ СЫНОВЕЙ,
САМ ЖЕ ПОТОМ БРОСАЕТСЯ С ВЫСОКОЙ БАШНИ**

Не так давно на острове Мальорке, как утверждают некоторые каталонцы, жил знатный человек по имени Риньери Эрвицано, владелец множества имений, скота и денег. Он взял себе жену, которая родила ему, одного за другим, трех сыновей. В летние дни он выезжал за город, где у него был прекрасный, удобный дом с усадьбой, и там, подолгу оставаясь с семьей, развлекался охотой и всякими другими удовольствиями. Дом стоял неподалеку от моря, и здесь, на скале, он построил башню, которая соединялась с домом: в случае нападения корсаров в башне можно было бы укрыться со всей семьей. Держал Риньери у себя несколько рабов-мавров, и случилось однажды, что один мавр, не знаю уж чем, ему не угодил, и он, разгневавшись, так его избил, что, пожалуй, меньше побоев потребовалось бы для осла, которого гонят в Рим. Мавр затаил обиду: он никак не мог перенести, что его пбили, словно мальчишку, и решил жестоко отомстить, лишь только подвернется удобный случай.

Однажды Риньери отправился со своими людьми на охоту; вероломный мавр, заметив, что его госпожа с сыновьями, из кото-

рых старшему не было и семи лет, по каким-то своим делам направилась в башню, решил, что пришел час расплаты, которой он так жаждал. Он взял веревку, вошел в башню и, схватив благородную женщину, ничего не подозревавшую, крепко связал ей сзади руки, а веревку привязал к основанию большой арки. И тут же поднял мостик, который соединял башню с домом. Несчастная женщина взывала о помощи, угрожая рабу, но он не обращал на это никакого внимания. После этого палач, несмотря на сопротивление женщины, всласть наслаждался любовными утехами. Несчастные сыновья, видя, что мать их, рыдающую и кричащую во весь голос, так терзают, тоже стали горько плакать. Эти вопли и крики госпожи были услышаны в доме, но так как разбойник убрал мостик, никто не мог оказать им помощи. Затем, получив от своей госпожи то, что ему хотелось, мавр подошел к окну и, смеясь и размахивая руками, как сумасшедший, стал поджидать приезда Риньери, которого бросился разыскивать верхом на лошади один из слуг, чтобы обо всем ему рассказать. Благородный человек вскипел гневом и, озлобившись на мавра, решил учинить с ним такую штуку, какая вряд ли пришлась бы ему по вкусу. Увидев его в окне, он стал осыпать его самой жестокой бранью и угрожал повесить. Тогда мавр, издеваясь над ним, сказал:

— Синьор Риньери, чего вы кричите? Что это еще за угрозы? Вы можете мне причинить ровно столько вреда, сколько я захочу. Вспомните, вы меня на днях поколотили так, как и осла не колотят. Теперь настало время отплатить вам. Здесь со мной жена ваша и сыновья; будь здесь также и вы, я бы показал вам, что значит бить рабов. Но то, чего я не могу сделать с вами, я сделаю с вашей женой и сыновьями. От вашей жены я получил то удовольствие, которого хотел, и вам для первого раза в знак отличия наставил рога. А сейчас я сделаю так, что отныне вы будете проклинать свою жизнь и себя самого.

С этими словами он схватил старшего сына хозяина и выбросил его в окно; тот, упав на камни, разбился насмерть. Отец, видя

эту ни с чем не сравнимую жестокость, упал замертво на землю. Однако раб так бесчинствовал, что Риньери пришел в себя и, очнувшись, горько заплакал, боясь, как бы мавр не выбросил остальных, и начал ласковыми словами его успокаивать, обещая не только простить ему совершенное им злодеяние, но даже освободить его и дать тысячу дукатов, если он вернет ему живыми жену и других детей. Мавр, как будто бы согласившийся на это, сказал ему:

— Эй, вы, ничего вы не добьетесь вашими лживыми обещаниями и словами, но если вы так любите своих двух сыновей, — он показал ему из окна двух малюток, — как вы говорите, отрежьте себе нос, и я вам их верну. Иначе я сделаю с ними то же, что с первым.

Безутешный отец, не думая совсем о лживости и коварстве вероломного раба, который и не собирался исполнить то, о чем говорил, но движимый лишь отцовской любовью и видя перед своими глазами ужасное зрелище — своего обезображенного сына, велел принести бритву и отрезал себе нос. Не успел он это сделать, как проклятый варвар, взяв за ноги обоих сыновей, ударил их со всего размаху о стену, а потом бросил на землю. Тут несчастный отец потерял всякое самообладание и, пораженный ужасным горем, стал так жалобно причитать, что тронул бы и камни. Много людей собралось сюда, услышавших о зверствах раба и прибежавших на шум, раздававшийся повсюду. Жестокий мавр над всеми смеялся, словно он совершил величайший в свете подвиг. Будь здесь даже тысяча людей, они без пушек не могли бы овладеть башней, пока раб оставался в живых. И в то время как кругом стоял ужасный крик, жестокий мавр взял женщину со связанными позади руками, молившую громким голосом о пощаде, и поставил ее на окно. Свирепый человек подержал ее несколько мгновений на окне, а она так кричала, что совершенно охрипла; тогда он взял нож, перерезал ей горло и столкнул ее с высоты вниз. Раздались отчаянные крики, и люди зарыдали. Теперь, когда уже некого было бросать вниз, злобный убийца сказал:

— Риньери, кричи и плачь, сколько тебе угодно, все будет напрасно. Может быть, ты думаешь, что свой поступок я как следует не обдумал и не нашел способа, чтобы ты со мной не мог жестоко разделаться? Я только жалею, что ты не присутствовал на нашей свадьбе и не получил памятных даров. Живи же, но у тебя всегда будет перед глазами моя месть, и всякий раз, когда тебе захочется прочистить нос, ты будешь вспоминать обо мне. Теперь ты знаешь по себе, каково бить бедных слуг, — сказав это, он подошел к окну, которое выходило на море, и, закричав громким голосом: «Я, мавр, теперь доволен: за издевательство над собой и побой я отомстил», — бросился со скалы вниз головой и, свернув себе шею, был унесен дьяволами в преисподнюю, оставив бедного Риньери жить в вечном горе.

Поэтому я такого мнения, что человеку не следует брать в услужение подобного рода рабов, ибо редко между ними попадают честные, обычно же все они грязны, от них всегда несет козлом. Но все это, конечно, пустяки в сравнении с той жестокостью, которой они отличаются.

[Часть третья, новелла XXI]

**НЕКАЯ ДЕВУШКА,
БРАТ КОТОРОЙ СХВАЧЕН СБИРОМ,
УБИВАЕТ ЭТОГО СБИРА,
И СУД ЕЕ ОПРАВДЫВАЕТ**

Так как синьор Гуарнеро и вы, милейшие дамы, и вы, любезные синьоры, желаете, чтобы я¹ рассказами развлекал это благороднейшее общество, я охотно сделаю это, и вот почему. Некоторые люди, в которых весьма мало человеческого, порицают женский пол и утверждают, что женщины годны лишь для иглы и мотовила, да еще для того, чтобы сидеть на кухне и рассказывать небылицы кошкам; поэтому тот будет настоящим человеком, кто вместе с вами, мои дамы, сумеет дать этим ничтожествам и глупцам такую отповедь, какой они заслуживают, памятуя пословицу: «Как осел ударит в стену, так ему и отдастся». Не думайте, что я собираюсь говорить вам сейчас о матери Эвандра Карменте, или о Пенфесилее, или о Камилле, или о Сафо, или о знаменитой Зенобии Пальмирской, или о древних мужественных амазонках, или о многих других женщинах, которые на войне и на поприще наук и искусств снискали себе известность и прославлены зна-

¹ Рассказывает новеллу врач Джованни Антонио Кузано.

менитыми писателями. Я не хочу сейчас покидать Европы. Впрочем, зачем говорить об Европе? Я не хочу выходить за пределы нашей прекрасной Италии, даже нашего богатого и славного Милана, родины обилия и всяческих благ. А так как мы сейчас находимся в доме синьора Джованни у Порта Верчеллина, давайте прогуляемся только до Порта Коменсе, в это густо населенное предместье. И войдем в сад нашей благородной и талантливой синьоры Ипполиты Сфорца Бенгиволья. Видите, я не заставляю вас путешествовать очень далеко.

Так вот знайте же, что около двух месяцев тому назад некий юноша низкого происхождения, однако воспитанный среди солдат и побывавший на войне, сын садовника, присматривавшего за этим садом и дворцом, приблизительно в час обеда возвращался домой. Вообразив себе, что он поссорился с кем-то в Милане, он держал руку на эфесе шпаги, как это часто делают некоторые головорезы, и, не обращая внимания на то, что говорит, смешно храбрясь, довольно громко воскликнул:

— Черт побери! Я его доконаю! Я покажу ему, черт его побери! Во всяком случае, шпаги моей он понюхает. — И с этими словами почти наполовину вытащил шпагу из ножен. — Этому изменнику все кишки выпущу и так его разделаю, что он мертвым упадет к моим ногам!

Потом, все еще в каком-то неистовстве, бормоча что-то сквозь зубы, с взволнованным лицом, он продолжал болтать еще бог знает что. Он был как раз на середине улицы, ведущей прямо в Сан-Семпличано, а вы знаете, что улица эта широкая и светлая. В то время как он, вбив эту блажь себе в голову, произносил речи, о которых я вам сказал, мимо проходил один из полицейских стражников, называемых у нас сбирами; он возвращался в город после исполнения каких-то дел в предместье. Жилище его находилось также неподалеку от сада, о котором я вам говорил. Полицейский, видя взволнованное и грозное лицо юноши и слыша его слова, решил, что юноша произносит эти угрозы с целью унижить и осрамить его за то, что он несколько раз угрожал старому садовнику. Итак, желая разузнать, в чем дело, он ему сказал:

— Джован Антонио (так звали юношу), ты, видно, ко мне обращаешься, поблизости никого другого нет, иначе я думать не могу. Если тебе нужно что-нибудь от меня, говори ясней, я такой человек, что на все сумею дать тебе ответ.

На это юноша, остановившись, так ему сказал:

— Хватит! Я не обязан да и не желаю отдавать тебе отчет в своих действиях! Говорю тебе, что эту шпагу, — и он немного выгнул ее из ножен, — я обязательно всажу в брюхо этому гнусному предателю! Телом Христовым клянусь, что сделаю это!

И, не сказав больше ни слова, он направился прямо к дому, не останавливаясь до тех пор, пока не дошел до палатки, находившейся в саду, который был поблизости. Сбир, услышавшему ответ юноши, пришло в голову, что тот угрожает ему, он решил выяснить это и, вернувшись назад, вошел в дом юноши, собиравшегося обедать. В доме никого не было, кроме сестры его, двадцати лет. Сбир постучал в дверь, и юноша, подойдя к окну, спросит, что ему надо.

— Я хочу, — ответил сбир, — сказать тебе парочку слов.

Юноша со шпагой на боку спустился вниз и, открыв дверь, вышел на улицу. Тогда сбир очень заносчиво сказал юноше, что хочет знать, не к нему ли относились его слова. Юноша ответил ему, что пусть лучше отправляется по своим делам, ибо сейчас не время для исповеди, а что он сказал, то сказал и опять может повторить.

— Ты нахально врешь! — воскликнул сбир.

Тогда юноша вдруг дал ему здоровую оплеуху и схватился за шпагу. То же самое сделал и сбир, и каждый пытался нанести удар другому. На шум сбежалось множество народу, и среди них золовка сбира, женщина лет тридцати, у которой в руках был кусок сломанного копья, которым она на совесть отделала юношу. Он же, стыдясь драться с женщиной, напал на сбира. Сестра юноши, услышав крики, схватила шпагу в храбро выскочила наружу; прежде всего она выхватила древко из рук женщины и дала ей несколько таких славных ударов, что та сочла за лучшее удалиться. Потом девушка сказала брату:

— Братец милый, позволь мне разделаться с этим мерзким сбиром, я ему покажу.

Юноша несколько раз пытался заставить сестру не вмешиваться в драку, больше уговаривая ее, чем сражаясь с врагом. Но она никак не соглашалась и, наоборот, дошла до того, что, как тигрица бросившись на сбира с тыла, ранила его в голову. Юноша, увидев, что враг ранен, немедленно скрылся и хотел, чтобы и сестра сделала так же; однако все было напрасно. Она нанесла сбиру столько ран, что убила его. Происходящее показалось прибежавшим на шум чем-то диковинным, и, видя все собственными глазами, они решили, что это им приснилось. Тем временем подоспел один из служителей полицейской стражи. Увидев сбира мертвым, а брата и сестру с оружием в руках, он велел схватить юношу и отвести его в суд. Но девушка, разгорячившись в схватке, как раскаленный уголь, видя, что брата ведут в тюрьму, предстала перед стражником и смело сказала ему так:

— Синьор, поскольку я вот этой шпагой убила предателя, который хотел убить моего брата, то никто не заслуживает наказания, кроме меня одной. Однако я не думаю, чтобы мы заслужили его лишь за то, что защищались.

Стражник не мог себе даже представить, чтобы девушка была способна совершить такое убийство, и, не разбирая дела, так как взятый юноша ничего не говорил, отвел его в суд. Этот случай был рассказан весьма любезному и достойному Алессандро Бентиволья, который, узнав обо всем подробно, велел спрятать девушку, которую звали Бьянка, в безопасное место, чтобы она не попала в руки правосудия. Капитан полиции хотел было затеять процесс против Джованни Антонио, но синьор Алессандро взялся защищать его, имея веские доводы. Он велел допросить множество свидетелей, которые подтвердили, что юноша в смерти сбира неповинен, более того — было доказано, что он всеми силами старался убедить сестру не вмешиваться в схватку. Юноша был освобожден и вышел из тюрьмы. Затем синьор Алессандро взялся за спасение девушки; дело шло весьма бла-

гополучно, и удалось доказать, что все было предпринято ею в целях самозащиты, так что и она осталась на свободе.

Что скажете вы теперь, прелестнейшие дамы? Не кажется ли вам, что эта девушка достойна всяческой похвалы? Поистине, если бы какой-нибудь мужчина в возрасте этой девушки сделал что-либо подобное, чтобы помочь своему другу, знакомому или родичу, все люди прославляли бы его и превозносили бы до небес. А найдется ли кто-нибудь, кто не будет восхвалять эту девушку, да к тому же еще — низкого происхождения? Если вообще добродетельным поступкам надлежит воздавать хвалу, она, разумеется, достойна того, чтобы все ее славил и превозносил. Она обнаружила душу мужественную и высокую и проявила больше доблести, чем от нее можно было ожидать. Прежде всего она защищала своего брата от рук врага и храбро того убила; потом добровольно, ибо это зависело только от нее, хотела отдать себя в руки правосудия, чтобы спасти брата; все это поступки, достойные вечной памяти.

[Часть третья, новелла XXIV]

**НЕКИЙ МИЛАНСКИЙ ЮНОША,
ВЛЮБЛЕННЫЙ В ВЕНЕЦИАНСКУЮ КУРТИЗАНКУ,
ПРИНИМАЕТ ЯД, ВИДЯ, ЧТО ЛЮБОВЬ ЕГО
НЕ ВСТРЕЧАЕТ ВЗАИМНОСТИ**

Венеция, милейшая синьора, как знает каждый, кому довелось прожить там хотя бы недолгое время, удивительный по своему местоположению город, выросший на морских лагунах, которому необыкновенную красоту придают богатые и роскошные дворцы. К тому же, по моему мнению, это город очень свободных нравов, где каждый, кто бы он ни был, может появиться на улицах один или в компании, как ему больше нравится, и никто не осудит и не будет брюзжать на него, как это бывает здесь¹; у нас ведь, если дворянин не ведет за собою целую свору слуг, говорят, что он скаред, а если за ним тянется хвост, то шепчутся, что он расточитель и в две недели хочет промотать свое состояние. Однако Венеция известна еще тем, что там очень много гулящих женщин, и венецианцы, как и в Риме и в других местах, называют их по-благородному куртизанками. Я слышал, что там существует обычай, которого нет в другом месте, и он таков: там бывают курти-

¹ То есть в Милане.

занки, имеющие по шесть-семь любовников из числа венецианской знати, и каждому из них принадлежит один вечер в неделю, когда он может прийти поужинать и поразвлечься со своей дамой. День же принадлежит ей, и она может предоставить его к услугам всякого, кто захочет, чтобы мельница не стояла попусту и не ржавела от безделья. А если порой случается, что какой-нибудь чужеземец с полной мощной хочет провести ночь с куртизанкой, она его охотно принимает, но предупреждает того, кому эта ночь принадлежала, чтобы он приходил днем, ибо ночь она уже отдала другому. И эти так называемые любовники, платя им ежемесячно, соглашаются на то, чтобы их дама принимала ночью чужеземцев.

Так вот, в то время когда я был в Венеции, в одну из таких куртизанок влюбился некий благородный юноша, не знавший о повадках этих цирюльниц, без бритвы умеющих брить по живому месту. Он стал заглядываться на нее и ухаживать за ней — ну точь-в-точь словно в Венеции ему встретилась и полюбилась самая благородная и добродетельная миланская дама. Лучше бы он пошел к понравившейся ему куртизанке и с веселым видом сказал ей: «Синьора, я пришел позабавиться с вами полчаса». Разумеется, она повела бы его в свою комнату и мило порезвилась бы с ним, а потом, без дальнейших разговоров, они очутились бы в кровати, и она задала бы юноше жару. И всякий раз, когда ему захотелось бы ее видеть, она встречала бы его радушно и осыпала бы ласками.

Однако наш юноша, не умея владеть собой, воспылал к ней такой любовью, что не смел сказать ей ни слова, но печально глядел на нее и все вздыхал. Она же, заметив это и видя, что он богато одет и щедр с виду, решила, что ей попался голубок с хорошими перышками и неплохо будет пощипать его. Итак, она стала бросать на него украдкой многозначительные взгляды, встречая его с довольным лицом, отчего простоватый юноша совсем обезумел. И набравшись однажды столько смелости, сколько его глупость ему позволяла, дрожащим голосом он стал просить ее,

как о милости, об одном поцелуе. Она побранила его и сказала, что он слишком самонадеян и этого еще не заслужил, и тут же принялась нежно целовать другого мужчину, который был у нее. Потом, чтобы еще больше разжечь его страсть, она сказала одному из присутствующих: «Пойдемте-ка в мою комнату смолоть два мешка зерна», — и исчезла. Несчастный юноша, запутавшийся больше, чем птичка в омеле, увидев, что она кому-то отдает свое тело, а ему отказала даже в поцелуе, почувствовал, как от мучений разрывается на части его сердце. Так игра эта тянулась несколько месяцев; тогда он, отчаявшись, приготовил себе ядовитую настойку и, придя к куртизанке, умолял ее, горько плача, позволить ему и провести с ней хотя бы полчаса, обещая вести себя как благородный человек и одарить ее так, что она будет довольна. Куртизанка сделала вид, что возмущена тем, что он посмел просить ее о такой вещи. Тогда юноша сказал:

— Я вижу, что вы хотите моей смерти. Хорошо, я умру, и вы будете тогда довольны.

И, велев своему слуге подать ему сосуд с водой, куда он заранее всыпал яд, залпом выпил его. Вернув сосуд слуге, не знавшему, что то была ядовитая настойка, он пожелал своей даме оставаться с миром. Она, считая, что все это шутка, смеялась, а юноша пошел домой, лег в постель и ночью в полном одиночестве скончался.

[Часть третья, новелла XXXI]

**БЫСТРОЕ И ОСТРОЕ СЛОВЦО НЕКОЕГО ШУТА
О БРАТЬЯХ КАРМЕЛИТАХ,
СКАЗАННОЕ В ПРИСУТСТВИИ ГАЛЕАЦЦО СФОРЦА**

Вам, разумеется, известно, что в дни правления Галеаццо Сфорца, герцога Миланского, в городе возник большой спор между братьями кармелитами и другими монахами по поводу того, кому идти во главе религиозных процессий, ибо кармелиты хотели главенствовать не только над нищенствующими орденами, но вообще над всеми монахами. Все остальные ссылались на свои обычные привилегии, утвержденные нашими святыми папами. Но кармелиты говорили, что в прошлом им была нанесена величайшая обида по причине глубочайшего смирения их пастырей и что это ни в коем случае не должно ущемить их интересов, ибо они самый старинный орден в мире. Этот спор был перенесен в Тайный совет герцога, который, будучи молодым, хотел лично присутствовать и послушать спорщиков.

Итак, в один из праздничных дней герцог велел созвать в миланском замке глав всех орденов и захотел, чтобы вопрос разбирался в Зеленом зале. На нашего умнейшего Джана Андреа Каньюоло, доктора права, человека, как вы знаете, ученого и весьма справедливого, была возложена обязанность опросить стороны

и узнать их доводы. Едва все собрались, он, обратившись к приору кармелитов, спросил, когда образовался его орден. Тот отвечал, что при пророке Илье на горе Кармел.

— Значит, — сказал Каньюоло, — уже во времена апостолов?

— Вы же хорошо знаете, что это так, — ответил приор, — мы были монахами в то время, когда еще не было святых отцов — Василия, Бенедикта, Доминика, Франциска и других основателей орденов.

— А как вы сможете доказать свою древность, столь древнюю, — спросил Каньюоло, — если ее будут оспаривать?

У герцога был шут, очень острый на язык и бесцеремонный, который, выслушав небылицы, сказанные приором кармелитов, выскочил на середину зала и промолвил:

— Domine doctor¹, падре говорит правду, что во времена апостолов не было других братьев, кроме них; ведь это их подразумевает апостол Павел, когда пишет: «Periculum in falsis fratribus»². Вот от этих-то лживых братьев и пошли они.

Некоторые при остроумных словах шута стали смеяться, а герцог, услышав это забавное суждение, приказал не поднимать больше никаких споров, а сохранить старые обычаи. Все это одобрили, и кармелиты удалились осмеянные.

[Часть третья, новелла XXXII]

¹ Господин доктор (лат.).

² Погибель от лживых братьев (лат.).

НЕКИЙ ДОКТОР МЕНЯЕТСЯ ОДЕЖДОЙ С МУЖЕМ СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ И С ПОЛУДНЯ ЗАБАВЛЯЕТСЯ С НЕЙ

Не так давно жил в Милане молодой доктор права, не менее преданный женщинам, чем кодексу Юстиниана. Влюбившись в одну молодую женщину, которая удачно вышла замуж, он часто встречался с ней для взаимных любовных утех. Муж этой дамы, человек знатный и богатый, был в то же время весьма чудаковат, и хитрая жена без особых усилий могла внушить ему все, что хотела. Так как у него была тяжба с соседом по поводу границ его усадьбы, ему постоянно приходилось встречаться с доктором права, поэтому любовники, не внушая никому подозрений, могли беседовать и великолепно устраивать свои делишки без всяких посредников. В доме никто об этом не знал, кроме одной служанки. Случилось однажды, что наш доктор, сев спокойно на мула, отправился на свидание со своей милой. По дороге ему попался муж дамы, который совершал прогулку верхом на лошади; увидев доктора, он подъехал к нему и завязал беседу по поводу своей тяжбы. Мессер доктор, которому было не до разговоров о тяжбе, ответив ему несколько слов по этому делу, сказал:

— Вы очень кстати повстречались мне, потому что я собирался на свидание к своей возлюбленной и все раздумывал, как бы мне раздобыть плащ, а ваш как раз подойдет, если вы пожелаете одолжить мне его. Мы могли бы войти в церковь Сан-Назаро, я вам отдал бы свою тогу, а вы мне плащ, и вы подождали бы с полчаса, пока я вернусь. А в это время вы можете прогуляться по церкви, где, как вы знаете, полумрак и прохлада.

— С удовольствием, — отвечал добряк, — я готов услужить вам и чем-нибудь большим, не то что плащом.

Оба спешили и вошли в церковь, которая, как вы знаете, находится на пути к Порта Романа. Здесь мессер доктор снял свою длинную тогу из дамасской ткани и отдал ее простаку, от которого получил саблю и испанский плащ. Когда доктор увидел своего приятеля, у которого тога волочилась по земле, он, смеясь, сказал:

— Вы можете преспокойно прогуливаться по церкви до моего возвращения, я уверен, что ни один человек вас не узнает.

Доктор был одним из самых высоких в Милане, а муж дамы немного меньше меня¹; представляете себе, как он выглядел в такой длинной одежде. Так они поменялись платьем, муж дамы остался в церкви, а доктор в коротеньком плаще взял с собой одного из своих слуг, а другого оставил стеречь мула. Поспешно пустившись в путь, он явился к жене оставленного в церкви простака и рассказал ей, как они поменялись одеждой, чему она очень смеялась. Потом они пошли в комнату и стали там предаваться любовным утехам, загоня дьявола в ад, и не заметили, как бегут часы, ибо в удовольствиях время протекло для них быстро, хотя они были вместе уже около двух часов.

Муж дамы, разгуливавший по церкви в своей тоге, видя, что прошло уже много времени, а доктор все не возвращается, решил отправиться восвояси. Дом его находился неподалеку от церкви, где он прохаживался. Выйдя из церкви, он сказал человеку, который держал докторского мула:

— Скажешь своему хозяину, когда он вернется, что я пошел домой и буду его там поджидать, чтобы он мог взять обратно свою одежду.

¹Имеется в виду автор.

Потом он сел на лошадь и направился прямо к дому, опасаясь, как бы не встретить знакомых, которые могли бы узнать его в этой одежде. Осведомленная обо всем служанка по приказанию своей госпожи стояла у окошка, и, увидя, что возвращается хозяин, сообщила об этом любовникам; тогда они, прекратив свои любовные ласки, спустились в сад и стали прогуливаться по аллее под виноградными лозами. Когда муж спешился и увидел в саду жену с доктором, он не подумал ничего дурного, а только сказал:

— Хорош был бы я, если бы еще ждал вас!

На что доктор тотчас ответил:

— Я был в церкви, но не найдя вас там, не сел на мула, а прошел пешком боковой улочкой и нашел в саду мадонну, которая была чрезвычайно удивлена, видя меня в этом плаще. И вот, когда вы входили, я как раз начал рассказывать ей о причине этой перемены одежды.

— Ну, значит, — перебил его простак, — мы с вами разминулись, потому что я пошел по главной улице.

Ни о чем другом он и не подумал.

Тогда дама сказала мужу:

— Ах, я знаю, супруг мой, у нас такой усердный адвокат, что когда ему нужно заниматься делами, он обманывает бедных женщин!

И зная, в чем доктор сейчас более всего нуждается, она велела принести лакомств и дорогих вин для угощения, дабы мессер доктор немного восстановил свои силы. Однако все больше смеялись, чем угощались, впрочем, смеялись по-разному. Потом послали за мулом, и доктор благополучно вернулся домой, и впоследствии вместе со своей дамой они много раз потешались, вспоминая этот случай с переменной одеждой.

Мне казалось не совсем удобным в силу разных соображений называть имена, и в особенности имя дамы, дабы мессер доктор, который неоднократно рассказывал мне об этой проделке, не расстался бы со своими удовольствиями и не рассердился бы. Но когда вы вернетесь в Милан, я обещаю, что вы услышите об этом из уст самого доктора, который — я в этом глубоко уверен — назовет вам имена супругов, если вы, разумеется, пообещаете ему держать их в тайне.

[Часть третья, новелла XXXV]

**ДОН АНСЕЛЬМО И ДОН БАТТИСТА,
ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ В ТОМ,
ЧТО ОНИ ПРОВЕЛИ НОЧЬ С ЖЕНЩИНОЙ,
ПУБЛИЧНО ПОСРАМЛЕННЫ НА ПЛОЩАДИ В КОМО**

Разумеется, синьоры мои, великое это зло, что священники так охотно устраивают крестовые походы против жен своих односельчан, словно тот из них достоин большей похвалы, кто больше одурачил своих прихожан. Поэтому в наши дни священников так мало уважают, меж тем как в былое время они пользовались всеобщим почетом. Меня все это нисколько не удивляет, ибо среди них есть много таких, которым больше пристало пасти свиней, чем быть в церкви и заниматься священными делами; они плохо читают, еще хуже поют божественные песнопения, а из того, что читают, понимают очень мало или совсем ничего; зато, если уж привяжутся к какой-нибудь женщине, то редко оставляют ее в покое, пока не попользуются ею. Есть и такие, которые с ханжеским видом без конца всех обманывают и под маской смирения водят людей за нос. А что скажем мы о тех, которые, окончив служить мессу, отправляются обедать и опиваться в таверну или целыми днями, как завзятые мошенники, не выпускают из рук карты и кости? Однако мне сдается, будто вместо того, чтобы рассказать вам новеллу, я поднялся на амвон и собираюсь произнести проповедь.

Итак, оставляя заботу об их исправлении на совести прелатов, начну с того, что в нашем городе Комо¹ не так давно должны были состояться похороны одного из знатнейших и благороднейших дворян города, графа Элеутеро Русконе, и все священники и монахи Комо были приглашены на торжественное погребение. Когда наступил час выноса тела Элеутеро, было обнаружено, что недостает двух весьма уважаемых приходских священников, которые были приорами в своих приходах. А так как они считались в народе людьми праведными, послали к ним домой и в церковь, но их нигде не оказалось. Это послужило причиной общего волнения, даже высказывалось опасение, не убиты ли они разбойниками. Так или иначе после долгих поисков, видя, что они не появляются, приступили к погребению, которое было пышным и торжественным. По окончании его должны были от имени губернатора обнародовать некоторые указы, поэтому все присутствующие на похоронах собрались на площади, на которой появились и наши святые отцы. Но в каком виде! Вы только послушайте.

Между церквями этих священников проживал в своем домике красильщик по имени Абондио из Порлецца, человек очень веселый, у которого была жена, Аньезе из Лугано, женщина красивая собой, молодая и весьма честная; у нее в обычае было каждый день ходить к мессе в церковь дон Ансельмо, так звали одного из тех священников. Тот, видя ее каждый день у мессы и находя красивой, воспылал так сильно, что, когда она несколько привыкла к нему, сразу же попросил у нее самого дорогого. Она была глубоко оскорблена такой непристойной просьбой, сказав священнику, что его дело служить мессу, и с тех пор стала посещать церковь другого священника, которого звали дон Баттиста; а тот, увидев ее, задумал с ней породниться — таким же способом, как и дон Ансельмо. Итак, едва познакомившись с ней, он, чтобы не терять попусту времени, попросил у нее милостыни святой Нефиссы. Бедной женщине показалось, что она попала из огня в полымя, и она решила впредь ходить к мессе в церковь

¹ Новеллу рассказывает мессер Бенедетто Джовио, уроженец города Комо.

при больнице, хотя это было ей неудобно и далеко от дома. Муж, заметив это, спросил о причине такой перемены. Она, чтобы не вызывать у мужа никаких подозрений, рассказала ему подробно обо всем, что произошло, на что тот, немного рассердившись, сказал:

— Так неужели же ты должна из-за этих бездельников делать то, что тебе неудобно? Мне это не нравится, так как больница очень далеко от дома и ты будешь терять много времени в те дни, когда надо заниматься крашением. Давай-ка выкинем хорошенькую штучку, которая будет им заслуженным наказанием за их гнусность и послужит примером другим священникам, чтобы не повадно им было ухаживать за чужими женами. Ладно, я такое им покажу, что эта блажь разом вылетит у них из головы. Завтра ты пойдешь в церковь дона Ансельмо и, что бы он тебе ни сказал, делай вид, что ты скромничаешь, и немного поломайся; потом дай себя уговорить, скажи, что ты ему стараешься угодить, и назначь ему прийти в определенный день в два часа ночи, когда меня, мол, не будет в Комо. Потом, на следующий день, ты пойдешь в приход дона Баттиста и проделаешь то же самое; ему ты назначишь свидание в этот же день, только на пять часов.

Добрая женщина в точности исполнила приказание мужа, и все произошло так, как они и предполагали, ибо едва лишь священники увидели свою прихожанку, они стали вокруг нее уживаться. Она же сделала вид, что это ей очень нравится, всячески поощряя их просить у нее все, что только им вздумается. Они не замедлили это сделать, и женщина договорилась с ними так, как приказал ей муж. Дон Ансельмо явился в назначенный день в два часа ночи, и Аньезе отвела его в то помещение, где стояла кровать, и, приказав ему лечь, ушла. Священник послушно разделся и лег. Потом появилась Аньезе, в потемках подошла к кровати и сказала дону Ансельмо:

— Мессер, не сердитесь, если вам придется немного подождать, мне надо кое о чем распорядиться в мастерской, а потом я буду к вашим услугам. В это время муж постучал в дверь и сказал:

— Аньезе, слышишь, что ли? Открывай-ка!

— Горе мне! — воскликнула та. — Муж вернулся, смерть моя пришла! Поскорей, мессер, полезайте в эту бочку, а остальное

предоставьте мне. — И, подняв священника с кровати, она сказала: — Сейчас иду, муженек!

Потом втокнула священника в бочку, а спрятав его туда, взяла его одежду, заперла ее в шкаф, открыла дверь мужу и сказала:

— Что это тебе вздумалось приходить в такой час?

У нашего Абондио в руках был фонарь, и он ответил, что на озере буря и он не мог переправиться, поэтому решил вернуться, дабы распорядиться насчет окраски кое-какой одежды в зеленый цвет.

Сказав это, он подошел к бочке и так ее повернул, что мессер не мог бы без посторонней помощи выбраться оттуда. Бочка была наполнена зеленым порошком, который употребляют красильщики. И мессер Абондио, желая окончательно напугать священника, сказал:

— Жена, прикажи-ка нагреть котел воды, чтобы мне развести эту краску, завтра она мне понадобится.

— К чему? — возразила женщина. — Ведь мы уже прибрались. Разве ты не знаешь, что завтра похороны графа Элеутеро Русконе и никто до обеда не будет работать? Все наши работники разошлись. Пойдем-ка спать, это будет лучше, я завтра займусь этой зеленой краской.

Подумайте только, в каком состоянии был дон Ансельмо. Мне сдается, что любовь мигом выскочила у него из пяток. Муж вышел из комнаты, и женщина стала успокаивать священника, уверяя его, что обязательно поможет ему выбраться. Так как бочка мессера Абондио предназначалась для хранения краски, священник весь измазался в зеленом порошке, который разъедал ему тело, и чем больше он его расчесывал, тем сильнее становились его мучения, так что несчастный святой отец имел далеко не парадный вид, к тому же он был голым, а стоял январь месяц. Когда пробило пять часов, появился другой отец, мессер Баттиста, и женщина провела его в комнату и тоже велела раздеться, сказав, что ей нужно пойти отпустить тех, кто работает в мастерской. Это был маэстро Абондио с одним из подмастерьев, которые нарочно производили шум. Когда маэстро Абондио убедился, что дон Баттиста разделся и лег в постель, он потихоньку вышел

из дому и начал громко стучать в дверь, требуя, чтобы жена ему открыла. Та спустилась с лестницы, вернулась в комнату и заставила дон Баттиста голым, как он был, залезть в другую бочку, где хранилась темно-синяя краска. Несчастный священник, услышавший голос мужа Аньезе, весь дрожа, влез туда и не знал, что ему делать. Когда маэстро Абондио вошел в дом, зная уже, что и вторая крыса попала на приманку, он велел открыть комнату, где дон Баттиста прохлаждался в синей краске, и сказал:

— Жена, поди-ка нагрей воды и вели налить в эту бочку, чтобы развести краску.

Жена отвечала то же, что она говорила относительно дон Ансельмо. Муж, сделав вид, что согласен, сказал:

— Завтра похороны графа Элеутеро Русконе, который был хорошим человеком и защитником простого народа, и я не хочу, чтобы в такой день в моей красильне работали. — И приблизившись к бочке, где сидел дон Баттиста, так ее поставил, чтобы священник никак не мог вылезти оттуда.

Так целую ночь святые отцы передавались покаянию, то льстя себя надеждой, что хозяйка придет и освободит их, то приходя в отчаяние, как это в подобных случаях бывает. К тому же темно-синяя краска, как и зеленая, была едкой и особенно резала глаза; дон Баттиста натер свои так, что они у него стали красные, как вареные раки. Рано поутру раздался во всех церквах колокольный звон, возвещавший о похоронах, и это доставило священникам, понявшим, что наступает день, немалое огорчение. Кончилось погребение, и все жители Комо, как я уже вам сказал, собрались на площади. Маэстро Абондио решил раз навсегда проучить обоих священников и отвадить их от чужих жен. К тому времени, как все собрались, он с помощью двух своих подмастерьев прикатил бочки, где пребывали священники, на площадь, и так как катил он их без передышки, бедняги совсем окрасились — один в темно-синий цвет, другой в зеленый, наподобие ящерицы. За спиной у маэстро Абондио был топор, словно он собрался в лес рубить дрова. А так как он был человеком веселым и горазд на всякого рода шутки, его окружили со всех сторон. Тогда он начал обрубать веревки, стягивающие ободья, крича:

— Берегитесь, земляки, сейчас из моих бочек выползут две змеи.

Когда веревки были обрезаны, бочки рассыпались и злосчастные священники, похожие на двух дьяволов, обсыпанные красильным порошком, не зная, где они, так как почти ничего не видели, бросились в разные стороны. Толпа, не признавшая их, начала кричать: «Держи, держи их! Всыпь им, сыпь!» Прибежавшая собака губернатора, бывшая тут же на площади, пустилась в погоню за спасавшимися священниками, схватила сзади дона Ансельмо и укусила его за ногу, а когда он громким голосом стал кричать о помощи, повалила его наземь, впиалась ему в сокровенное место и вырвала начисто все, что нашла там, так что бедняга тотчас же потерял сознание. Некоторые подбежали к нему, увидя, что сделала собака, и, движимые жалостью, стали поднимать его; с их помощью придя в себя, он просил их бога ради увести его прочь отсюда. Дон Баттиста не знал, куда ему деться, и был задержан, причем его спросили, кто он. Он назвал себя и просил, как о милости, не оставлять его на площади.

Маэстро Абондио, видя, что план удался и оба недостойных священника посрамлены, просил всех помолчать. Потом взобрался на скамью, которая там стояла, и рассказал жителям Комо всю историю, так что всем стало ясно, что показная святость обоих священников была простым ханжеством. Дона Ансельмо отнесли домой, и прошло много дней, прежде чем он выздоровел, выиграв при этом в одном: теперь он мог без всякого риска развлекаться с женщинами, не боясь, что они забеременеют. Дон Баттиста также с большим позором был отведен домой и получил строжайшее наказание от епископа Комо, который, приказав ему уплатить за бочки и краски мессеру Абондио, засадил его надолго в мрачную темницу. А дон Ансельмо, сверх того, что собака его преотлично выхолостила, был тоже на много дней заключен в темницу. И того и другого епископ отрешил от должности, лишив их права впредь исполнять обязанности приходских священников.

[Часть третья, новелла XLIII]

**НЕКИЙ ШКОЛЯР В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ
И В ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ КРОВАТИ
НАСЛАЖДАЕТСЯ С ДВУМЯ СВОИМИ ВОЗЛЮБЛЕННЫМИ,
И ОДНА НЕ ЗАМЕЧАЕТ ДРУГОЙ**

Разумеется, почтенная моя синьора, вы слышали о причине столкновения, происшедшего между школярами и сбирами, в котором принимали участие некоторые мои слушатели¹, и, быть может, вы опечалены смертными случаями, происшедшими во время этой схватки как с той, так и с другой стороны. Мне кажется, что я по долгу своему обязан какой-нибудь веселой историей отвлечь вас, столь опечаленную, от грустных мыслей. И хотя разговор о школярах может вызвать у вас некоторое неудовольствие, я все же попытаюсь рассказом об одном школяре развеселить вас.

Так вот, в городе Павии учился некий школяр, имя которого по известным соображениям я не буду называть. Хотя он и был возвышенного образа мыслей и посвятил себя занятиям философией, однако, как это бывает в юности, был послушен зову любви и целиком отдался в руки одной красивой дамы, жены некоего горожанина, щедро взысканного всеми благами судьбы. Хитрый

¹ Рассказывает новеллу ученый Марко Антонио Казануова.

школяр сумел свести дружбу с этим горожанином, который очень часто приглашал его к себе то пообедать, то поужинать, так что благодаря этим посещениям он сблизился с любимой им дамой.

Вскоре дело пошло так, что он стал постоянно твердить ей о своей любви, присоединяя к этому горячие мольбы, так что она, будучи не из мрамора, а из мяса и костей, быстро с ним сблизилась, и они частенько доставляли друг другу взаимные удовольствия; всякий раз, когда им представлялся удобный случай, они не обходились без того, чтобы недурно провести время и позабыться. Но так как излишние наслаждения вызывают порой скуку, а юноши скольких женщин ни видят, столько и желают, похотливый школяр наметил раз некую вдовушку, которая частенько бывала у его возлюбленной. Вдовушка эта была озорной и веселой, что ему очень нравилось, и он решил попытаться стать ее обладателем. Украдкой начал он, как только мог искуснее, бросать на нее влюбленные взгляды. Вдовушка же, видя, что школяр в большой дружбе с хозяином дома, так же как и с его женой, не думая ни о чем плохом, считала его их родственником. А так как школяр казался ей очень воспитанным и любезным, она давала понять, что ей не совсем безразлична его любовь. Итак, постоянно бывая в доме и встречаясь там со школяром, она была благосклонна к нему, намекая, что и он ее интересуется; однако она старалась владеть собой, ибо не хотела, чтобы хозяйка дома что-нибудь заподозрила. Юноша все это заметил, но, чтобы, как говорится, не испортить хвост фазану, продолжал пока оставаться в тени и, не имея возможности тайком поговорить с ней, всячески помогал себе глазами. Потом написал вдовушке любовное послание, которое ловко ей подсунул. Та взяла его и, прочтя, ответила, что любит его не менее, чем он ее, но что не видит возможности тайно с ним свидеться: у нее живет препротивный свояк, который этому мешает; она просила его, чтобы в доме, где они оба бывают, он остерегался тайком с ней разговаривать в присутствии хозяйки, ибо она может передать то, что увидит, этому надоеде свояку. Школяр был очень доволен, что

вдовушка не догадывается об его отношениях с хозяйкой дома, и предался мечтам, как бы ему насладиться вдовушкой, которая столь же жаждала его объятий, как и он — ее. Случилось в скором времени так, что хозяин дома уехал из Павии и должен был вернуться не раньше, чем через четыре-пять дней. Ввиду этого жена пригласила школяра поужинать и провести с ней ночь, на что он с радостью согласился. Задолго до ужина школяр появился у своей дамы, ибо, как я уже вам сказал, он, благодаря дружбе с хозяином, без всякого стеснения бывал в доме, когда хотел. Дама же для того, чтобы свободнее встречаться со своим возлюбленным, держалась со своими домочадцами так, что все ей потворствовали. Пока они, болтая о разных вещах, поджидали часа ужина, явилась вдовушка, которую замужняя приняла очень любезно. После обычных приветствий вдовушка сказала:

— Я слышала, что ваш муж уехал, а так как вы в одиночестве, я и пришла поужинать с вами.

— Милости просим, дорогая моя, — ответила дама.

Поговорив о том и о сем с дамами, школяр сказал им:

— Оставайтесь с миром, я иду ужинать.

Тогда замужняя поднялась и сказала:

— Честное слово, вы не уйдете, — и добавила: — мужа моего нет, и вы останетесь с нами поужинать.

Когда наступил час ужина, слуги подали им воду для омовения рук и прислуживали им, а они за столом беседовали о разных приятных и веселых вещах. Ужин кончился, и так как час был довольно поздний, замужняя сказала школяру:

— Друг мой, не откажите в любезности проводить эту даму, которая мне как сестра, до ее дома, что находится как раз на той улице, какая вам по пути.

Школяр ответил, что весьма охотно сделает это. Тогда вдовушка, смеясь, сказала:

— О нет, дорогая моя, ты меня угостила ужином, ты мне дашь и кровать, потому что сегодняшнюю ночь я намереваюсь провести с тобой.

— Ну что ж, хорошо! — отвечала замужняя, в душе очень недовольная, ибо ей показалось слишком грустным потерять хорошую ночь, которую она рассчитывала провести со своим возлюбленным. Он также огорчился, видя, что его планы рушатся, так как надеялся проводить вдову и договориться с нею обо всем, а потом вернуться и провести ночь с замужней. И, беседуя меж собой, стараясь не внушать никакого подозрения вдовушке, они искали способа, который доставил бы им возможность насладиться друг другом. И вот замужняя шепнула школяру:

— Я во что бы то ни стало хочу, чтобы ты провел со мной эту ночь. Послушай, нельзя ли придумать какую-нибудь уловку, чтобы мы могли убедить вдовушку лечь втроем в кровать, так как она очень широкая, на ней и четверо могут поместиться. Я делаю вид, что не хочу, чтобы ты уходил. А пока что мы займемся играми.

И вот все трое начали играть в джигу. Проведя за игрой продолжительное время, школяр сказал:

— Ну, теперь пора спать. Этак мы можем всю ночь просидеть! Мне до дому далеко.

Тогда замужняя сказала:

— Послушай меня, друг мой. Когда муж мой дома и ты остаешься с нами ужинать, ты обыкновенно ночуешь в проходной комнате; сегодня ты можешь там тоже переночевать.

Согласившись на это, школяр в то время, как дамы укладывались спать, поделился своим намерением со служанкой, и она провела его наверх, в помещение, находившееся над комнатой дам. Затем служанка через окно постучала палкой в окошко к дамам, а школяр наверху стал производить такой шум, что казалось, будто в дом забрались воры. Услышав это, замужняя воскликнула:

— Боже мой, сестричка, в доме воры!

В это время служанка, подбежавши к комнате хозяйки, страшно запыхавшись, постучала в дверь, а школяр бросился вниз по лестнице, с обнаженной шпагой, вопя:

— А, разбойник, умри же!

Казалось, что он кого-то преследует. Потом, когда он вернулся обратно, служанка вошла в комнату и сказала дамам, что она видела, как убежал вор и как мессер школяр со шпагой в руке свирепо его преследовал. Все остальные слуги уже собрались в комнате, они делали вид, что страшно напуганы и утверждали, что видели более, чем одного вора. Школяр уверял, что он гнался за двумя, но не сумел вовремя схватить их, и они выпрыгнули на улицу из нижнего окна, которое он потом закрыл.

Тогда замужняя притворно рассердилась на слуг, наговорила им кучу грубостей и даже сделала вид, будто хочет их прибить за то, что они не исполнили приказания ее мужа каждый вечер закрывать окна. Но школяр ласковыми словами, казалось, несколько утишил мнимый гнев рассерженной дамы, которая сквозь зубы повторяла, что не заснет спокойно, если школяр не ляжет спать в той же комнате. Это не очень понравилось вдовушке. Но замужняя сумела ее уговорить; она расхваливала школяра, заверяя, что он скромный и хороший юноша и не способен на непристойный поступок и что в случае, если он захочет перейти границы дозволенного, то, поскольку их двое, они легко с ним справятся, так что вдовушка после долгого сопротивления согласилась. С общего согласия вдовушку положили в середку; словом, все трое улеглись на кровати, и замужняя, привыкшая во сне храпеть, одолеваемая сном, начала громко похрапывать. Вдовушке это не понравилось, и она сказала:

— Боже мой! Разве можно спать, когда над твоим ухом так храпят?

Тогда школяр, слегка пододвинувшись к ней и положив руку на ее упругие и твердые груди, тихонько сказал:

— Жизнь моя, судьба посылает нам удачу. Не будите ее ни в коем случае; пусть себе поживает на своем месте, — и тут он стал в нежных словах изъясняться ей в любви и в пылкой страсти, какую он уже давно к ней питает, и так хорошо сумел своей болтовней улестить вдовушку, которая тоже его любила, что та под влиянием темноты, уюта и тепла простынь всецело отдалась в

его власть, и школяр, к обоюдному удовольствию, приступил к обладанию столь желанными благами. Они договорились, что и впредь иногда будут доставлять себе это удовольствие. В это время проснулась замужняя и, желая насладиться со своим возлюбленным, просто не знала, как себя держать.

Между тем вдовушка, немного уставшая после этой переделки, увидев, что замужняя проснулась, а ей самой было жарче, чем она хотела бы, сказала той, не помышляя уже о дальнейшем:

— Сестричка, я охотно поменяюсь с вами местами, потому что здесь, в середке, я просто помираю от жары, а к школяру не смею повернуться.

— А что он делает, соня этакий? — спросила замужняя.

— Он, — отвечала вдовушка, — спит, как сурок. Он как лег, так сразу и уснул.

А школяр три раза, не меняя лошадки, пробежал дистанцию.

Итак, замужняя переместилась и легла рядышком со школяром, который, видя вскоре, что вдовушка заснула, вступил в обладание прелестями дамы, да так искусно, что другая ни о чем и не догадалась. Наутро дамы встали веселые и очень довольные. Однажды замужняя, ужиная в обществе мужа и школяра, рассказала мужу, под видом истории, будто бы приключившейся с ее соседкой, о том, что случилось с ней самой, изменив только имена вдовушки и школяра. Впоследствии она частенько, смеясь, говорила школяру, что вдовушка большая соня. Но школяр, знавший, как было дело, радовался втихомолку, что таким образом провел двух дам.

[Часть четвертая, новелла XIV]

ШУТ ГОНЕЛЛА
ИСПУГОМ ИЗЛЕЧИВАЕТ
ОТ ПЕРЕМЕЖАЮЩЕЙСЯ ЛИХОРАДКИ
НИККОЛО ФЕРРАРСКОГО,
КОТОРЫЙ, ЖЕЛАЯ ТЕМ ЖЕ СПОСОБОМ
ПОСМЕЯТЬСЯ НАД ШУТОМ,
СТАНОВИТСЯ ПРИЧИНОЙ ЕГО СМЕРТИ

Блаженной памяти мой отец часто рассказывал своим домо-
чадцам о многих сыновьях, которых от разных женщин имел фер-
рарский маркиз Никколо д'Эсте; и все они были внебрачными.
Хотя у него было три жены, законных сыновей, оставшихся после
его смерти, было только два. Эрколе был отцом герцога Аль-
фонсо, что ныне с такой справедливостью правит Феррарским
государством. Рассказывал нам часто отец и о веселых продел-
ках Гонеллы и о многих его забавных шутках. Теперь, когда
разговор зашел о лихорадке синьора Джиронимо делла Пена¹, я
вспомнил рассказ отца — тоже о лихорадке и о Гонелле, об
одной его проделке, которая стоила жизни бедному шуту.

¹ Этому синьору посвящена новелла. Рассказывает ее Галассо Ариосто,
брат знаменитого поэта.

Так вот, маркиз Никколо заболел очень тяжелой формой перемежающейся лихорадки, мучившей его не только в день приступа, но и в последующие дни, когда обыкновенно больные чувствуют себя несколько лучше. Болезнь эта так угнетала и огорчала маркиза, что ничто в мире его не радовало. Он совсем потерял аппетит, и доктора никак не могли придумать ни одного блюда, которое показалось бы ему вкусным и которого он захотел бы отведать. Поэтому весь двор был в большом унынии; видя, что синьор болен и ничто его не веселит, все крайне огорчались. Но больше всех горевал шут Гонелла, очень привязанный к своему господину. Он просто не знал, что бы такое измыслить пошлее и позабавнее, чтобы развлечь его. Дабы несколько облегчить недуг маркиза, доктора придумывали для него тысячу всяких забав, но, видя, как бесполезны все их ухищрения, решили, что ему необходим свежий воздух.

Итак, они отправили его из Феррары в красивейший и очень большой загородный дворец, выстроенный неподалеку от реки По, который назывался Бельригуардо. Часто маркиз, чтобы поразмяться и ради развлечения, прогуливался вдоль реки, и казалось, что вид воды несколько успокаивает его. Гонелла где-то слышал, а может быть, знал по собственному опыту, что если больного лихорадкой сильно напугать, то это самое верное средство раз и навсегда избавить его от недуга. Он, ничего в жизни так не желавший, как выздоровления маркиза, целыми днями только об этом и помышлял, перебирая тысячи средств, и наконец решил попробовать излечить его сильным испугом.

Заметив, что маркиз почти каждый день отправляется на прогулку и больше всего любит прохаживаться вдоль берега реки в рощице из плакучих ив и тополей, часто останавливаясь на самом краю берега и любуясь течением По, Гонелла решил, полагая, что река здесь небыстрая и неглубокая, а высота берега не более пяти-шести пядей, сбросить доброго маркиза в воду и внезапным испугом излечить его от лихорадки. Итак, зная, что жизнь маркиза не подвергается опасности и он лишь намочит свою одежду, Гонелла, договорившись с хозяином соседней мельницы, дал ему понять, будто синьор хочет напугать одного своего камердинера и поэтому приказал сбросить его здесь с берега в реку. Но чтобы

он не погиб, мельник со слугой при появлении маркиза должны подъехать к тому месту на лодке и, сделав вид, что ловят рыбу, помочь сброшенному в воду камердинеру. При этом он наказал мельнику, если ему дорога милость синьора, держать язык за зубами.

Прошло немного времени, как Гонелла принялся за исполнение своего намерения. Однажды утром, когда маркиз прогуливался в рощице, а мельник уже был на своем посту, Гонелла, будучи наедине с маркизом и увидя, что тот остановился, по обыкновению, на берегу, с силой толкнул его сзади так, что маркиз упал в По. Гонелла, у которого стояли наготове лошади — для него и для слуги, — тут же поскакал прямехонько в Падую, к синьору Каррары, тестю маркиза. Мельник подошел вовремя со своей лодкой и вытащил маркиза, который совершенно не пострадал, а лишь сильно напугался и таким образом совершенно избавился от своего недуга, навсегда излечившись от лихорадки.

Не было ни одного человека, считавшего, что Гонелла хотел утопить маркиза, хотя всем его поступок показался безрассудным. Маркиз, любивший Гонеллу, не знал, что и подумать, и никак не мог разгадать истинную причину такой выходки, тем более что Гонелла нашел убежище в Карраре, у тестя маркиза. Вернувшись в Феррару, маркиз решил созвать совет, чтобы обсудить этот случай. Советники, признав, что поступок Гонеллы дерзок и является оскорблением величества, вынесли приговор: если когда-нибудь Гонелла попадет в руки маркиза, он должен быть обезглавлен, а пока что осудить его на вечное изгнание из всех владений маркиза.

Маркиз, любивший Гонеллу всей душой, затосковал без него, ожидая, что тот будет делать дальше, тем более что лихорадка у маркиза прошла. Многие его убеждали, что безусловно Гонелла сбросил его в По лишь для того, чтобы излечить от лихорадки. Однако, чтобы узнать, как поступит дальше Гонелла, маркиз велел на площади под звуки труб обнародовать указ об его изгнании. Когда весть об этом дошла до Гонеллы, целиком выполнившего свое намерение, он решил вернуться в Феррару. Он купил карету, наложил в нее земли и заручился грамотой, подтверждающей, что земля эта принадлежит синьору Падуи, потом запряг

карету парой лошадей, сел в нее, слугу посадил кучером и отправился на площадь Феррары.

Добравшись до места, он послал своего слугу за пропуском к маркизу, чтобы иметь возможность пойти переговорить с ним и объяснить, что все сделанное им было предпринято ради спасения маркиза. Тогда маркиз, чтобы посмеяться над Гонеллой и посильней напугать его, приказал стражнику взять его. Как шут ни защищался, показывая свою грамоту, подтверждавшую, что он сидит на земле падуанского синьора, все было напрасно. Его арестовали и бросили в подземелье, предложив исповедаться, ибо маркиз отдал приказ обезглавить его. Был прислан священник для его напутствия и исповеди. Несчастный Гонелла, увидев, что дело идет всерьез, а не в шутку и добиться милости поговорить с маркизом он не может, покорился неизбежности, решив как можно спокойнее принять смерть в наказание за свои грехи.

Между тем маркиз отдал тайное распоряжение, чтобы Гонеллу привели на казнь с завязанными глазами, а когда он положит голову на плаху, палач вместо того, чтобы отрубить ему голову, должен вылить на нее ведро холодной воды. Вся Феррара собралась на площади, и все от мала до велика оплакивали участь шута. Несчастный с завязанными глазами, проливая слезы, опустился на колени, моля у господина отпущения грехов и выражая глубокое раскаяние. Потом он попросил прощения у маркиза, говоря, что бросил его в По лишь потому, что хотел излечить от лихорадки. Затем он обратился к народу с просьбой молиться за его душу и положил голову на плаху. Тогда палач вылил ему на голову ведро воды, в то время как народ молил пощадить шута, думая, что палач поднял свою секиру.

Но испуг бедного и несчастного Гонеллы был так велик, что душа его отошла к создателю нашему. Когда об этом стало известно, по всей Ферраре поднялся плач. Маркиз приказал устроить пышную похоронную процессию, и в сопровождении всего духовенства Феррары тело Гонеллы снесли на кладбище. Маркиз после этого случая сильно горевал и долгое время никак не мог успокоиться.

[Часть четвертая, новелла XVII]